

Ицхак Коган

**...Горит
и не сгорает**

Еврейская библиотека
Объединенной Еврейской общины Украины

**Москва - Киев
2011**

КОГАН ИЦХАК АБРАМОВИЧ

...Горит и не сгорает

Книга Ицхака Когана, раввина синагоги на Большой Бронной в Москве, — яркая, увлекательная мемуарная повесть о человеке, с юных лет живущем чаяниями и идеалами еврейского народа. Читая эти страницы, не перестаешь удивляться, как на долю одного человека, пусть и безусловного лидера, могло выпасть столько драматических событий, многие из которых стали знаковыми не только в жизни раввина Когана, но и в судьбе стран и народов в середине прошлого — начале нынешнего столетий. Книга предназначена широкому кругу читателей, неравнодушных к национальной истории — своей и своих соотечественников.

Эта книга издана в серии
«Еврейская библиотека
Объединенной Еврейской общины Украины»

*И явился ему ангел Г-сподень в пламени огня
из середины куста терновника.
И увидел он, вот терновник горит огнем,
но не сгорает.*

(Шмот: 3, 2)

**VII Любавичский Ребе
Менахем Мендл Шнеерсон**

Идея этой книги принадлежит VII Любавичскому Ребе Менахему Мендлу Шнеерсону.

На аудиенции в 1986 году, сразу после выезда нашей семьи из Советского Союза, он сказал, что обязательно нужно написать книгу о том, как складывалась еврейская жизнь в СССР. Ребе высказал эту мысль, обращаясь ко мне. А обратившись к моей жене Софе, добавил: «Вы должны ему в этом помочь». Софа уже покинула этот мир. Но я должен выполнить наказ Любавичского Ребе. Я хочу рассказать о событиях, свидетелем и непосредственным участником которых меня сделала жизнь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ученик

РОДОСЛОВНАЯ

У меня весьма неполная информация о родословной. Достоверные сведения о моих предках сохранились только начиная с дедушек и бабушек. Тем не менее мне точно известно, что я коэн¹. Коэном был мой дедушка, а отец очень дорожил своей принадлежностью к древнему священническому роду.

Дедушка со стороны папы работал в Витебске балаголой, т.е. извозчиком. Его звали Ицхак.

В то время самые сильные евреи объединялись в два цеховых сообщества: извозчиков-балагол и мясников-кацевим. Благодаря их физической силе и цеховой солидарности в городе не было погромов. В начале XX века такие попытки, конечно, случались, но все они были отбиты, в результате незадачливым погромщикам пришлось затихнуть.

Обычно членство в гильдии передавалось по наследству, оно предполагало солидный статус и постоянный заработок. Чтобы стать членом сообщества, молодой человек должен был продемонстрировать незаурядную силу — принести на плечах лошадь или вытащить застрявшую телегу, которую лошадь вытащить не смогла. Это у балагол. А у мясников следовало притащить на плечах молодого бычка. Если старшие предполагали впоследствии видеть мальчика в гильдии извозчиков, на бар-мицву² ему дарили жеребенка, а мясники — только что родившегося теленка. Ребенок играл с «подарком», поднимал, «работал физически». Животное росло — ребенок набирался сил.

Однажды случилось непоправимое: лошадь не смогла вытащить телегу, и дедушка решил ей помочь. Он стал тянуть за оглоблю и поскользнулся. Лошадь тоже в это время поскользнулась и кованым копытом ударила его по голове...

Мама моего отца бабушка Йохевед была праведной женщиной. 9 Ава, в траурный день еврейского календаря, она собирала женский миньян³ на берегу Двины, и они вместе читали Плач Иеремии... Это то, что я о ней знаю: дом был еврейский, там соблюдались все традиции.

Мой папа Авраам родился в 1911 году.

Он рано осиротел, в пять лет оставшись без отца, а в восемь — и без матери. В семье его отца, моего деда, было одиннадцать детей...

Братья папы Илиягу и Перец погибли во время войны. Я хорошо помню родного брата папы дядю Шолю (Шолема) из Куйбышева. Вместе с семьей он приезжал к нам на Пасхальный Сейдер⁴. Приезжали к нам дядя Яков и тетя Хая, которые жили в Ленинграде.

После смерти родителей мальчика воспитывала старшая сестра Эстер. В 20-е годы все хедеры, еврейские школы, закрыли. Советская власть запретила учить детей Торе и соблюдать законы иудаизма. Но это никого не останавливало. Для занятий с детьми приглашали учителя — местного ребе. Причем дом, где проходили занятия, каждый день менялся. И дело было не только в конспирации. Ведь ребе не платили денег, и хозяйке дома, где в тот день он давал урок, приходилось кормить и учителя, и всю ораву мальчишек. Приблизительно раз в десять дней такая обязанность выпадала каждой хозяйке. Папа рассказывал, что его сестра Эстерка была очень добрым человеком. Бывало, она спрашивала гостя: «Ребе, вы хотите добавки?» На что тот ей отвечал: «Доченька, у тебя такое доброе сердце! Как же может быть, чтобы у ребе не было аппетита?»

Жизнь Эстерки сложилась трагически. Ее муж был летчиком и, естественно, ушел на фронт в первые дни войны. К этому времени она родила шестерых детей. Витебск немцы бомбили нещадно. Из-за стресса, пережитого в результате бомбежек, у нее отнялись ноги. Фашисты заняли город и стали собирать евреев в одном месте, чтобы потом легче было с ними расправиться. Эстер не могла двигаться. Немцы заставили соседей вырыть яму и заживо закопали ее вместе с детьми...

В двенадцать лет папа вынужден был пойти работать. А в четырнадцать, в 1925 году, он переехал в Ленинград и устроился на приборостроительный завод имени А. А. Кулакова, где проработал многие годы.

Завод имени Кулакова — предприятие оборонной промышленности. Там изготавливали детали для кодирующих устройств, шифровальных машин. Специалистов такого уровня, как мой папа, было совсем немного. Поэтому его не отпускали на фронт, а он очень хотел отомстить за свою сестру Эстер. Однажды ему дали понять: все попытки вырваться бесполезны, никто с работы не отпустит, пока не вступишь в партию... А он и не собирался, но ради того, чтобы попасть на фронт, все же решился на этот шаг. И действительно, вскоре его отпустили. Но

воевал он недолго: всего три-четыре месяца. Потом за ним пришла машина, и его вернули на завод: такие специалисты нужны были на производстве.

На заводе он и познакомился с мамой.

БЛАГОСЛОВЛЕНИЕ РЕБЕ

Я очень мало знаю о своей бабушке по материнской линии. Мне известно только, что это еврейская девушка из Варшавы. Звали ее Двоня Беленькая. Вот она-то и стала женой моего деда Хаима Иосифа Элиягу Тамарина, а попросту Иосифа.

Дедушка учился в ешиве⁵ Хафец Хаима⁶ в Радуни, в Белоруссии. Мне рассказывал об этом его соученик реб Авром Миллер, который в советские годы преподавал Талмуд в Хоральной синагоге в Москве. По рассказам реб Аврома, мой дедушка отличался тем, что даже в самые голодные годы умудрялся доставать пропитание не только для себя, но и для всей ешивы. Он вдруг он пропадал куда-то на неделю, а потом возвращался с едой для всех. При этом он был обычным учеником, не наделенным какими-то особыми полномочиями. Просто у него были такие способности. Я думаю, что в какой-то мере они передались и мне: в прежние годы мне удавалось снабжать евреев Ленинграда кошерным питанием. Во время гонений 70-80-х годов мы рассылали посылки многим «отказникам», сидевшим в тюрьмах или отбывавшим срок в ссылках.

Мой дед Иосиф женился на Двоне в 1920 году, а в 1921-м родилась моя мама.

Гражданская война заканчивалась победой большевиков... А поскольку бабушкин брат Моисей был офицером польской армии, в Москве ему приходилось скрываться под чужой фамилией. Однажды он пришел в дом к своей сестре. Вероятно, за ним следили, потому что вскоре явились люди для проверки документов. Предчувствуя неладное, он отдал пистолет сестре, и она спрятала его на груди, прикрыв оружие ребенком. Его документы, хоть и поддельные, не вызвали подозрения. Патруль удалился. Казалось, все прошло как нельзя лучше. Однако наутро бабушки не стало: ее сердце не выдержало пережитого напряжения. Дедушка остался с маленьким ребенком на руках.

Второй раз он женился на Хае Новиковой, девушке из семьи, близкой к VI Любавичскому Ребе. Вторая жена дедушки Хая была праведной женщиной. У нее были какие-то женские болезни, которые она не хотела лечить. Ей казалось, что, если у нее появятся свои дети, она не сможет по-прежнему столь же самоотверженно любить свою падчерицу. В 1942 году во время блокады

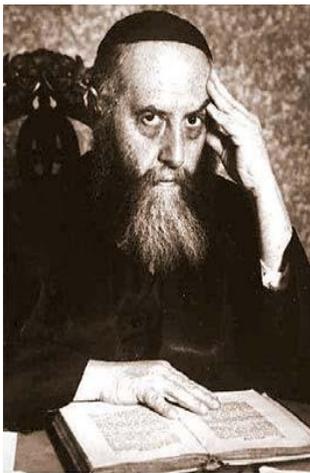
Ленинграда она покинула этот мир. Но все годы, до самой смерти, она воспитывала мою маму с огромной любовью и преданностью материнскому долгу.

Через нее дедушка сблизился с Ребе Иосифом Ицхаком Шнеерсоном. К этому времени мудрец Хафец Хаим покинул Советский Союз. Еще в 1921 году он заявил о том, что в стране нельзя более оставаться, поскольку большевистская власть продержится еще 70 лет и будет преследовать религиозных людей. Позиция VI Любавичского Ребе была иной: нельзя оставлять евреев в этой стране без духовного руководства. Он даже взял обещание со своих самых близких людей, что российское еврейство не останется без духовной опоры. Многие из них поплатились своими жизнями, но слово сдержали. Мой дедушка Иосиф Тамарин был среди тех, кто не пожалел своей жизни ради того, чтобы евреи во исполнение заповеди Торы имели мацу к празднику Пейсах.

В 1925 году дедушка переехал из Москвы в Ленинград, где стал свидетелем событий, связанных с арестом и освобождением VI Любавичского Ребе. Когда Ребе уезжал из России, он благословил дедушку. Это благословение поддерживало нас в тяжелые годы советской власти, да и сегодня помогает нам на каждом шагу.

ИЗ ИСТОРИИ ХАСИДИЗМА

VI ЛЮБАВИЧСКИЙ РЕБЕ. В ТИСКАХ ШПАЛЕРКИ

**VI Любавичский ребе
Иосиф Ицхак Шнеерсон**

Ежегодно 12 Таммуза по еврейскому календарю⁷ хасиды празднуют День освобождения VI Любавичского Ребе из большевистских застенков, где он пробыл несколько недель.

После своего избавления VI Любавичский Ребе Иосиф Ицхак Шнеерсон говорил, что Всевышний преподал урок не только ему, но и всему еврейскому народу, чтобы показать, как человек, связанный с Творцом, может пройти через тяжелейшие испытания и выйти победителем.

Вот пример абсолютного бесстрашия...

Арест Иосифа Ицхака Шнеерсона произошел после ленинградского съезда раввинов, который должен был фактически поставить в зависимость от властей деятельность синагог. Разослав свои письма с обращением к самым уважаемым раввинам, Ребе похоронил этот план. И власти, особенно евсекции, якобы представлявшие еврейское население страны, не остались в долгу. Они решили избавиться от него. И он знал это, но все равно продолжал свою деятельность. Первая попытка ареста в Москве сорвалась буквально чудом...

Ребе был предупрежден, что его арест может произойти в самое ближайшее время и что к нему могут быть применены самые суровые меры воздействия. Во время еврейского праздника Пурим катан он отправляется в синагогу ХаБаДа, которая в ту пору находилась неподалеку от Хоральной синагоги на углу Маросейки и Спасоглинищевского переулка. В своем выступлении перед хасидами, зная, что в зале присутствуют сексоты, Ребе подчеркивает, что намерен и впредь продолжать свою религиозную деятельность. В те дни перед арестом он говорил своим хасидам, что служение Всевышнему не бывает без жертвенности. В противном случае, это рутина. Истинное служение — когда человек сгорает и зажигает других.

После своего выступления в Москве он возвращается в Ленинград и отдает все силы религиозной деятельности: восстанавливает закрытые ешивы, финансирует строительство микв, бассейнов для ритуального омовения.

В июне его арестовывают: чекист Нахмансон со своими подручными проводит у него обыск и увозит в Шпалерку.

Так случилось, что в это время молодой Менахем Мендл, жених дочери VI Ребе, будущий VII Любавичский Ребе, шел к своей невесте. Увидев его в окно, девушка крикнула: «У нас гости!» Менахем Мендл все понял и сообщил в посольство Германии. А оттуда весть распространилась по всему миру.

Шпалерка — не обычная тюрьма. Кажется, что она находится прямо посреди жилого массива, но на самом деле она окружена административными зданиями. Мне пришлось побывать там во время съемок фильма «Непокорившийся», и я видел интерьер, сохранившийся с 1927 года. Мало кому удавалось выйти из этой тюрьмы живым и невредимым. Там было специальное подземелье, где людей расстреливали или пытали до смерти. Ребе прошел все круги ада. Его сбросили с лестницы, и железный корсет, который он носил из-за болезни позвоночника, впился в тело. Из-за этого все три недели, которые Ребе находился в тисках Шпалерки, из раны сочилась кровь.

Это было время высочайшего героизма. Ребе объявлял голодовки, требуя, чтобы ему разрешили молиться и пользоваться тфилинд. Во время допросов к его голове приставляли пистолет и говорили, что при помощи «этой игрушки» у многих развязываются языки. А он упрямо отвечал: мол, «эта игрушка» страшна тем, у кого два бога и один мир, а у меня один Б-г и два мира. В итоге этот избитый, голодный, больной человек победил.

3 Таммуза Ребе Иосиф Ицхак Шнеерсон вышел из тюрьмы. Он был отправлен в ссылку в Кострому с предписанием регулярно отмечаться в соответствующих инстанциях. Он не мог жить где хотел, не мог общаться с кем считал нужным... Разве это свобода для Любавичского Ребе? 12 Таммуза его освобождают из ссылки, и он обретает подлинную свободу.

Важную роль в его освобождении сыграла Екатерина Пешкова, первая жена Максима Горького, бывшая главой бюро Общества помощи освобожденным политическим заключенным. Эта мужественная женщина стала проводником требований мировой общественности об освобождении VI Любавичского Ребе, адресованных советским властям. Она добилась полного его освобождения — не только из тюрьмы, но и из ссылки.

Когда я стал отказником и прочитал материалы, связанные с делом VI Любавичского Ребе, мне показалось, что кое-что в нем напоминает ситуацию отказа, притом, что, конечно, испытания, выпавшие на его долю, несравнимы с нашими. Мне эта мысль придавала огромные силы, помогала преодолевать все трудности.

Правда, день 12 Таммуза стали отмечать только в последние годы. Раньше многие боялись, что власти узнают о еще оставшихся «сторонниках Шнеерсона». У меня есть запись рассказа одного еврея... «Когда арестовали VI Любавичского Ребе, у него дома собрались десять евреев и молились за освобождение праведника. А когда они узнали, что Ребе свободен, они снова

собрались вместе, сняли обувь и молча, чтобы, не дай Б-г, не услышали соседи, начали плясать...»

Конечно, советская власть не оставила Ребе в покое. Слышались глумливые возгласы: кто же победил — революция или Шнеерсон? ...

Он уезжал из России в сентябре 1927 года. На Варшавском вокзале среди провожавших его хасидов был и мой дедушка Иосиф Тамарин. Вместе с Залманом Усвяцовым Ребе пригласил его в купе. «Я благословляю вас на то, чтобы ваши дети остались евреями», — сказал он. Вернувшись домой, дедушка рассказал об этом своей матери: мол, странное благословение дал мне Ребе. Она ответила просто: «Ребе лучше знает, что нам нужно...»

В самом деле, и наша семья, и семья реб Залмана всегда, во все времена оставались еврейскими.

ПАПА И МАМА

В 1937 году, в разгар террора, свирепствовавшего в стране, в гости к моему деду приехал родственник. Увидев, что по субботам дочь хозяина не ходит в школу, он воскликнул: «Иосиф! Двадцать лет советской власти! А Рива в школу не ходит! Да что из нее вырастет?!»

Что тут скажешь? Моя мама — та самая Рива, которая не ходила в школу по субботам в 1937 году, — на самом деле победила советскую власть! Она пережила ленинградскую блокаду, мужественно перенесла потери дорогих людей... Но с детских лет она приглашала мне и моему младшему брату Давиду учителей, которые подпольно учили нас еврейской традиции. Когда она выходила замуж, ей пришлось отправиться в Москву, чтобы воспользоваться миквой: в Ленинграде миква была закрыта.

Перед войной мама училась в Ленинградском юридическом институте. Она отказалась от эвакуации, поскольку не хотела оставлять родственников. Все вместе они оказались в осажденном городе и пережили там блокаду. Кроме дедушкиной жены Хай...

Судьба привела маму на работу в столовую на заводе имени Кулакова. В ее обязанности входило раздавать талоны на хлеб. Однажды случилось страшное: у нее украли талоны. В военное время дело могло обернуться расстрелом. Ее, конечно, сразу арестовали, но никто не верил, что эта девочка могла похитить чужие талоны! О происшедшем папа узнал совершенно случайно. Ему сказали, что забрали Риву. Талоны у нее, без сомнения, украли, но отвечать все равно

придется ей. В ту пору они даже не были хорошо знакомы, просто иногда встречались в столовой, и девушка вызывала у папы симпатию. Он вернулся в цех и стал расспрашивать рабочих, в основном работавших вместе с ним мальчишек двенадцати-четырнадцати лет, взрослые-то все были на фронте. Они признались: «Это Валя Сермус забрал талоны, мы видели, как он положил их в карман». Ему даже показали место, куда мальчик их спрятал. Папа не хотел выдавать парня, он просто вернул талоны, объяснив, что обнаружил их случайно, убирая станок. Так он спас маму. Они подружились. Правда, пока война не окончилась, они даже и не помышляли о женитьбе.

Когда сняли блокаду, линия обороны отступила от города, и маму отправили рыть окопы в Ладейное поле, райцентр, расположенный примерно в 250-ти километрах от Ленинграда. Папа решил ее навестить, но, зная, что она соблюдает еврейские традиции, решил посоветоваться с ее отцом, что бы такое передать из еды. Дедушка сказал, что впервые за время войны удалось достать кошерного мяса, и послал ей котлеты.

Когда гость сообщил, что привез мясные котлеты, мама, конечно, отказалась их принять. Но узнав, что их передал ее отец, согласилась.

Несмотря на то что этот день не значится в еврейском календаре, окончание войны 9 Мая мы сегодня отмечаем как еврейский праздник. После войны папа и мама решили пожениться. Мама понимала, что у папы нет еврейского религиозного образования, как хотел бы ее отец. Она решила, что жених должен поговорить с будущим тестем. Мой папа ей нравился своим мужественным характером. Кроме того, она мечтала, чтобы ее муж был коэном.

Папа пришел к своему будущему тестю и сказал, что хочет жениться на Риве...

— У меня одна дочь, — ответил тот, — и я хочу, чтобы у нее была нормальная еврейская семья, в которой соблюдаются еврейские законы...

— Все, чему вы меня научите, я буду исполнять, — ответил папа.

С тех пор тесть стал его духовным наставником.

РАСПРАВА С ПРАВЕДНИКОМ

Это продолжалось недолго. В 1950 году дедушку до смерти замучили на допросах по делу о выпечке мацы.

Папа говорил, что только после того как он встретил будущего тестя, ему заново открылся мир: он понял, что миром правит Всевышний. Это их сблизило,

тем более что они жили вместе: дедушка поменял жилплощадь, которая была у него, у мамы и папы, на большую квартиру возле Ленинградской синагоги.

Итак, решение о женитьбе было принято. Поскольку семья жила по еврейским законам, невесте перед хупой, традиционным свадебным обрядом, необходима была миква...

В Ленинграде миквы не было, власти закрыли ее еще в 1938 году. После войны, как только евреи стали возвращаться из эвакуации, дедушка собрал самых состоятельных членов общины и поставил вопрос о строительстве миквы, без которой еврейская община не может полноценно функционировать. Все согласились. Кто-то сказал, что даст пять тысяч рублей, кто-то — три... Небольшие деньги по тем временам. Оказалось, что этого недостаточно для строительства. Дедушка так им и сказал. Тогда они спросили: «Иосиф, а ты сколько дашь? Мы ответим тем же...» Он дал восемнадцать тысяч; он не был бедным человеком, но ему это было непросто... Евреи, как и обещали, дали столько же. Началось строительство миквы.

Один из евреев, участвовавший в финансировании этого предприятия, сказал дедушке: «Пока я могу дать немного, но у меня есть ценности, которые можно продать, для этого необходимо время». Однако прошла пара месяцев, и этот еврей ушел из жизни. Еще через несколько месяцев в синагогу к раввину Лубанову (его называли «Лепле ров», т. е. раввин из местечка Лепле) приходит его жена и рассказывает, что покойный муж время от времени является во сне и требует отдать оставшийся за ним долг, о котором ей ничего не известно. Раввин объяснил женщине, что ее муж пожертвовал деньги на строительство миквы, но отдал только часть суммы, пообещав внести остальное через некоторое время, но не успел. Вскоре она принесла деньги, и тревожащие ее сны прекратились.

В 1947 году к празднику Пурим строительство миквы под зданием синагоги было закончено. Мама ждала дедушку к праздничной трапезе, но он задерживался. Гости уже собрались, и мама стала беспокоиться. Она отправилась искать его и обнаружила на улице после большого «лехаима»⁹.

— Папочка, где ты пропадаешь, мы все тебя давно ждем, — сказала она.

— Доченька, у меня сегодня самый радостный день в жизни: санэпидемстанция приняла микву!

Своего дедушку я помню мало. Вспоминаю, как он клал мне под подушку хануке-гельт, деньги, которые дают детям на Хануку. Помню, как в 1949 году мне делали опшерниш — первую стрижку волос... Я плакал, мне было жаль моих косичек, а дедушка осыпал меня конфетами, чтобы подсластить горечь утраты...

Помню, как его не стало... Кто-то пришел к нам, сказал маме несколько слов, и она упала на тахту. Я понял, что случилось что-то непоправимое.

Была пятница. Меня и моего младшего брата Давида отправили к папиной сестре тете Хае. Няня вывела нас на прогулку. Когда Сенную площадь пересекала похоронная процессия, она сказала: «Это вашего дедушку везут...» Хорошо помню грузовик с открытыми бортами, на котором сидели люди... И толпы людей, которые шли за машиной... Вся площадь была заполнена народом.

Потом папа мне сказал, что на дедушку донесли. Многие знали этого человека. Когда он подошел, чтобы подставить свое плечо рядом с теми, кто нес гроб, раввин распорядился поставить скорбную ношу на грузовик. Потом этот же человек донес на раввина Мордхе Эпштейна, который во время похорон дедушки взял клятву с моих родителей, что семья навсегда останется еврейской, такой же, какой была при жизни деда. Рав Эпштейн был нелегальным хасидским раввином еврейской общины Ленинграда, ведь слова «хасид», а особенно «Шнеерсон», нельзя было даже произносить вслух: за это не только сажали, но и убивали. После доноса раввину Эпштейну дали десять лет. Он отсидел восемь и вышел на свободу 1958 году. За что? За то, что взял клятву, обязывающую молодую семью держаться еврейских законов.

НАСТАВНИКИ

Раввины советских лет — личности незаурядные. Например, раввин Авром Лубанов... В 1942 году он был арестован, но в 1943-м выпущен из тюрьмы и назначен главным раввином Ленинградской хоральной синагоги — на место, фактически вакантное после смерти раввина Менделя Глускина в 1936 году. В 1951 году рав Лубанов снова был осужден и посажен в «Кресты», после объявления голодовки он добился передач с кошерной пищей.

Однажды к раввину пришел шойхет¹⁰, постоянно работавший с одним и тем же мясником. И вот когда он решил пойти резать скот к другому мяснику, тот, первый, пригрозил доносом...

— Что мне делать? — спросил шойхет у раввина.

— Не бойся, — ответил тот. — Иди и режь. Посадят — будешь сидеть. Потом выпустят, как меня. И опять будешь шойхетом...

У этих людей было нечто общее со мной, мальчишкой, еще толком ничего не понимавшим в иудаизме, просто державшимся за стержень традиций своей семьи, они старались говорить на темы, хорошо мне известные; они хотели показать, что

я, несмотря на свою молодость, важный источник информации для них. Я всегда чувствовал их доброе отношение. Они не боялись говорить со мной на «запрещенные» еврейские темы, потому что знали, что я внук Иосифа Тамарина.

Став постарше, я набрался смелости и задал им вопрос, который тревожил меня: «Почему вы, мои учителя, передаете знания мне, а не вашим детям, почему тратите время на меня, а не на своих сыновей?»

Раввин Авром Медалье ответил мне: «Мы не верим, что наши дети смогут соблюдать еврейский закон. А тот, кто не исполняет, потому что не знает, будет наказан меньше, чем тот, кто знает, но не исполняет. Поэтому мы решили взять на себя ответственность за то, что мы их не научили, в надежде, что они смогут избежать наказания...»

Мне больно было это слышать.

Жизнь подарила мне встречи с людьми, с помощью которых впоследствии у меня возникла духовная связь с VII Любавичским Ребе. Мой учитель реб Рефозл Немотин ночевал в одной комнате с Ребе, когда тот был еще женихом. Он сопровождал Рогачевского Гаона. Да и VI Любавичского Ребе он хорошо знал. Замечательным человеком был и реб Авром Медалье. Это были мудрые люди, обладавшие большими знаниями и вместе с тем простотой общения. Меня поражало, как люди такого высокого духовного уровня всегда были готовы ответить на любой вопрос. Особенно это важно было для людей моего поколения, старавшихся приблизиться к Торе.

ПО СТОПАМ ДЕДУШКИ

В 1951 году, через год после смерти дедушки, мои родители организовали выпечку мацы дома. Даже расправа властей с самым близким человеком их не остановила. Просто другого выхода не было: без мацы нельзя праздновать Пейсах...

Папа сделал печку, которую я даже сейчас смогу нарисовать по памяти. На газовую плиту клали очень толстый металлический лист, на нем сооружали каркас, где и подсушивали мацу. Папа сделал также ось, на которую надевали несколько шестеренок для раскатывания мацы. Месяца за два до Пейсаха по воскресеньям с утра у нас в квартире собирались человек двадцать, двадцать пять — не всегда даже близкие знакомые, но всегда люди надежные. Присутствовал и машгиах¹¹ Залман Усвяцов, который смотрел за тем, чтобы скалки были почищены стеклом, чтобы водный замес доходил до печи не более, чем за

восемнадцать минут... Процесс выпечки был хорошо отлажен. За день выпекали килограммов пятнадцать, и все это делили между всеми участниками. Такая система существовала до начала 60-х годов, когда появилась возможность выпекать мацу легально.

Но дело ведь не только в маце... А где достать кошерную курицу, которую не побоялся бы зарезать шойхет? Когда дома мы резали кур, двери плотно закрывались, чтобы ни звука не проникло наружу, а если вдруг кто-то посторонний зайдет в квартиру — чтобы не было заметно ни капли крови. Курицу сразу помещали в раковину, и все следы смывали водой.

Уже лет с семи я ездил с папой покупать птицу. Продажа живых кур была запрещена, и хозяева сбывали их под видом голубей. Колхозники по воскресеньям привозили кур на Полюстровский рынок в Ленинграде — нам приходилось добираться туда минут сорок трамваем №14. Продавали тайно, и нужно было разглядеть в кошелке или ящичке, что перед тобой на самом деле куры, а не какая-то другая птичья живность. Но глаз был наметан...

«Дяденька, у тебя там курочка, да? — спрашивал я. — Папа купить хочет...»

Одно из воскресений было особенно удачным. Мы купили несколько куриц и спрятали их в мешках с дырками, чтобы не задохнулись. Папа оставил меня с двумя мешками, а сам пошел за новыми покупками. Я оказался около афишной тумбы, засмотрелся, зачитался, забылся и опустил мешки на землю. Через минуту-другую пришел в себя и тут же замер от ужаса: куры бегали вокруг. Я припустил за ними, но без особого успеха. И тут я увидел, что поворачивает трамвай. Представьте себе: маленький толстенький ребенок взапуски носится за разбегающимися курами...

Трамвай остановился, двери открылись. Из вагона вышли пассажиры, переловили кур и вернули в наш мешок. Это было настоящее спасение.

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Мне хочется вспомнить людей, которые помогли мне приобщиться к еврейской традиции — к языку, Торе.

Первым моим учителем был реб Меир Окунь. Мама пригласила его давать уроки, когда мне было пять лет. Он был шойхетом. Человек пожилой, он очень плохо видел. Мне сейчас трудно вспомнить, чему конкретно он меня учил, но я хорошо запомнил диктанты, которые писал на идише. За одну ошибку он ставил мне «кол». И еще давал подзатыльник — слегка, конечно. Он меня очень любил. К

шести годам я уже говорил и даже писал на идише. Когда во дворе мы с мальчишками играли в классики и надо было изобразить слова «папа» и «мама», — я писал только на идише, поскольку по-русски не умел. Ребята смеялись, ведь они ничего не понимали. А я им объяснял: вот это слово «папа», а это — «мама».

Меир Окунь ничего не боялся. Учителя, которые занимались со мной после него, действовали с оглядкой. А реб Меир повидал в жизни многое. На его долю выпало противостояние советской власти в годы ее бешеного натиска на еврейство. Я чувствовал, что занятия со мной приносили ему радость.

Когда мне исполнилось семь лет, мама пригласила для занятий со мной и моим младшим братом шамеса, служителя при синагоге, Ав рома Абу Эздрина. Молитвы «Шма, Исраэль!», «Шмоне эсре» и «Брахот» мы учились читать наизусть, при этом не понимая ни слова. На идише я все понимал, но реб Авром Аба хотел, чтобы мы умели произносить молитвы на иврите. Мама ему платила деньги, и он делал свое дело как умел. Когда мы с братом начинали читать тексты, он засыпал. Но если мы делали ошибку, неожиданно просыпался и строго говорил: «Неправильно!»

Шел 1953 год, и так случилось, что до нашего отъезда в Израиль в 1986 году мы с ним время от времени общались — тридцать три года! Всякий раз, приходя в синагогу, я встречал там родного человека. Никто не должен был знать, что он меня учил: в ту пору это было опасно. И тайна, существовавшая между нами, еще больше сближала нас. Его опеку я чувствовал всегда: молодые, такие как я, в синагогу почти не приходили.

После Аврома Абы Эздрина моим учителем стал реб Корик — врач отоларинголог, при этом хорошо знавший еврейские традиции. Он учил меня совсем недолго — теперь уже я восстал всерьез! Мне исполнилось двенадцать лет, и пришло время готовиться к бар-мицве. Я сказал маме, что не могу больше учиться, не понимая ни слова. Честно говоря, я не уверен, что мои учителя сами понимали все слова молитв, которым учили меня. Но таков был традиционный метод! Меня это не удовлетворяло: я хотел понимать, что стоит за словами. Я не замечал такого бурного протеста у других молодых людей моего возраста: заняв эту нишу, они спокойно существовали в ней. В нашей семье неформальный подход к еврейской традиции во многом был обусловлен судьбой моего дедушки, который фактически отдал свою жизнь за то, чтобы евреи могли соблюдать закон. Его жизнь в моих глазах выглядела героическим подвигом, и предать такого человека, даже формально отнести к его наследию, было просто невозможно. Этот духовный стержень поддерживал меня всю жизнь.

В 1957 году из тюрьмы вышел реб Михл Раппопорт. Его арестовали вместе с женой в 1948 году, потому что они якобы замыслили покинуть Советский Союз. Я дружил с их сыном... И реб Михл взялся учить меня переводу с иврита на русский.

Почему он решил стать моим учителем? Почему другие люди, о которых я теперь вспоминаю, соглашались учить меня, хотя это было очень опасно, грозило тюрьмой, преследованиями не только им самим, но и их семьям? Во многом из-за того, что они были друзьями моего деда. И в память о деде они пытались дать мне все, что могли. Реб Михл был человеком небольшого роста, но воистину героическим, очень собранным, цельным. Все, чему он меня учил, было выражено понятными словами, все было разложено по полочкам.

КОНСПИРАТИВНАЯ БАР-МИЦВА

В те годы, когда мальчик готовился к бармицве (моя бар-мицва прошла в 1959 году), обычно возникала совершенно неразрешимая проблема: как достать тфилин. В России их давно никто не изготавливал. Что-то, конечно, оставалось от стариков, которые уходили из жизни. Тогда тфилин проверяли на пригодность к дальнейшему использованию, иногда восстанавливали.

Мама была очень озабочена этой, казалось бы, неразрешимой проблемой. Чтобы достать тфилин, еще за год до бар-мицвы она начала поиски по всему Советскому Союзу. И, как ни странно, ей улыбнулась удача: у одной старой женщины из Нижнего Новгорода (тогда Горького) оказалась дома пара тфилин из Израиля. Тогда еще можно было получить посылки с мацой — одну-две к празднику Пейсах. В коробке для мацы было два отделения, и обычно в каждом лежала пачка по полкилограмма. Вместо одной такой пачки ей положили упакованную пару тфилин. И на таможне на это не обратили внимания! На просьбу моей мамы старушка ответила, что ни за что на свете не продаст реликвию, но, будучи религиозной женщиной, готова расстаться с ней при одном условии: чтобы на праздник Пейсах мы брали ее к себе домой. Мама, конечно, согласилась. Больше десяти лет прошло, я уже в институте учился, а эта женщина приезжала к нам каждый год. Она уже почти не ходила, лежала на диване даже вовремя Пасхального Сейдера.

Между прочим, старушка научила нашу семью кое-каким «еврейским премудростям». Мы всегда мучились, пытаясь разрубить коровью ногу для холодца, например. Я обычно пилил кость пилой. А она показала способ, как через

подушку с помощью доски и ножа сделать так, что нога распадалась чуть ли не сама собой. И главное, никакого шума. Этот способ очень пригодился, когда я стал шойхетом.

Моя бар-мицва прошла необычно. Несколькими неделями раньше ей предшествовала бармицва моего товарища Изи Раппопорта, сына реб Михла. На следующий день после обряда в синагоге в газете «Ленинградская правда» появилась фотография, на которой Изя поднимается к Торе. В тексте было написано, что в синагоге праздновали бар-мицву и что у родителей, которые себе такое позволяют, нужно отобрать ребенка. Естественно, встал вопрос, смогу ли теперь выйти к Торе я при таких угрозах и преследованиях. А к Торе надо выйти обязательно. И тогда реб Мойше Мордхе Эпштейн, хасидский раввин Ленинграда, сказал моей маме, что надо уехать за город, благо, время было летнее. Он соберет миньян во Всеволожске, «еврейском месте» примерно в 30 километрах от Ленинграда, где у евреев были свои дома, где пекли мацу и даже был свой шойхет. Там меня и вызовут к Торе, что, по его мнению, менее опасно, чем «на глазах» в городе. Но поскольку стукачи имелись в любой среде, он посоветовал моему папе на бар-мицву не приезжать. В итоге все прошло нормально. Мама радовалась, что дети ее умели молиться, знали благословения, выходили к Торе. До сих пор я помню запах фаршированной плотвы на моей бар-мицве, проходившей в доме, где тайно молились евреи.

К слову, я видел много подпольных молельных домов: в синагоге мы вообще молились нечасто, гораздо чаще — в миньянах, собиравшихся на квартирах. Мы ведь коэны — в детстве я ходил на молитвы вместе с папой, а когда мне исполнилось тринадцать лет, меня самого приглашали евреи из миньянов, где коэнов не было, чтобы благословить общество в праздники.

ЕВРЕЙСКИЕ ПРАЗДНИКИ ДЕТСТВА

Самые яркие впечатления моего детства, конечно, связаны с еврейскими праздниками.

Ханука в нашем доме запомнилась замечательным светильником, который папа время от времени реставрировал: точил на заводе шайбы с дырочками, чтобы ровно горел огонь. Фитили мы, дети, всегда делали сами: скручивали вату и пропитывали маслом. Светильник зажигал папа — тогда еще у каждого члена семьи не было своей Ханукии. К праздничному столу готовили драники — оладушки из картошки, жаренные на масле. Иногда делали хворост — так это

блюдо называют в еврейских семьях — жаренные в масле сладкие кусочки теста. И всегда были хануке-гелт, которые мы с братом ждали с особым нетерпением. Мама, бывало, спрашивала нас: «Детки, что вы хотите — чтобы каждый день Хануки я вам давала по три рубля или день ото дня прибавляла по рублю — от одного до восьми». С математикой у нас все было в порядке, и мы посчитали, что если получать по три рубля в день, то за восемь дней Хануки получится всего двадцать четыре рубля, а если каждый день увеличивать сумму от одного до восьми рублей, то это будет целых тридцать шесть рублей за все ханукальные праздники. И мы отвечали маме: «Лучше мы начнем с маленького, чтобы в итоге получилось больше». Мама всегда смеялась над нашей житейской практичностью.

Праздник, который особенно запомнился мне с детства, конечно, Пейсах. Во-первых, он длится несколько дней; во-вторых, его празднуют дома. И еще: на первый день Песаха приходился день рождения папы. У нас была традиция: на празднование первого Вейдера мы всей семьей шли к Залману Усвяцову, дяде Зяме. На второй Сейдер он приходил к нам и вел застолье. В этот день наш дом был открыт. Приходили все кто хотел. Иногда собиралось человек тридцать пять, что по тем временам считалось очень много. Наша семья небольшая — всего четыре человека, остальные — гости. Папа приглашал даже кое-кого из своих коллег по работе — тех, которые, как он понимал, его не сдадут. Когда он вышел на пенсию, ему оперировали катаракту, между прочим, одному из первых в Ленинграде. После этого он приглашал на Сейдер заведующую отделением больницы Евгению Иосифовну (она приходила одна, мужа у нее не было) и оперирующего хирурга Мелентину Архиповну — ее муж был евреем, и они вместе приходили на Сейдер.

Собрать в советском Ленинграде полный стол кошерных продуктов было очень сложно. Но на Пейсах в нашем доме иначе быть просто не могло. В преддверии праздника несколько воскресных выходных дней отец проводил в поисках индюка, разъезжая по окрестным деревням. Часто мы ездили вместе. А мацу, как я уже говорил, долгие годы пекли дома. В начале 60-х годов ее разрешили печь «официально» на хлебозаводе, но продавали в булочных в общем торговом зале. Это было настоящее издевательство. Разумеется, на это «послабление» никто даже не обратил внимания. Потом ее все же стали печь отдельно и продавали, хотя и в булочных, но с «заднего входа», в особых помещениях. Это уже было терпимо, и напряжение несколько спало. Но мы все равно продолжали печь мацу дома.

Я вспоминаю праздники Пурим в 50-х – начале 60-х годов, когда мама посылала меня развозить подарки нескольким нуждавшимся семьям, в том числе и раввинам, жившим в Ленинграде. Я подходил к дверям их квартир с трепетом и тревогой, ощущая себя посланником своей мамы. Никогда не забуду двух раввинов, которых посещал в эти дни: хасидского раввина Мойшу Мордхе Эпштейна и, как сегодня сказали бы, государственного раввина ребе Лубанова. Эти люди были наделены особой мудростью и невероятной стойкостью. Они расспрашивали меня о вещах хорошо знакомых, о которых, несмотря на свой возраст, я мог судить компетентно, тем самым желая показать мне: знания, которыми я обладаю, для них очень важны. Разумеется, мне это было лестно...

Вообще у нас в семье всегда сохранялись традиции дарить «пуримские» подарки, печь гоменташн — праздничное печенье с маком.

ДУХОВНАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Еврейский дух, который я обрел в семье, обусловлен преемственностью поколений. С раннего детства я видел в своих родителях стремление бескомпромиссно служить Всевышнему, невзирая на все испытания, которые им пришлось вынести, чтобы оставаться религиозными евреями в Советском Союзе. Сегодня говорят, что это почти невозможно, а для нас это было совершенно естественно: невозможно предать деда, невозможно жить по-другому, невозможно смешаться с другими народами, нужно идти вперед, продолжать и продолжать, чтобы, как говорится, «Ам Исраэль хай» — «Еврейский народ жил»!

Моя мама — пример особой негибимой стойкости. Работа у нее была непростая. Сначала ей сказали, наверное, со смехом: если понравишься, будешь работать! Никто не мог подумать, что молодая девушка сможет простоять на улице с утра до вечера на 20—30-градусном морозе. При своем юридическом образовании она продавала фрукты с лотка только ради того, чтобы в Субботу ей разрешали не выходить на работу, отдыхать в еврейские праздники, соблюдать традицию и вести еврейский дом. Она уходила из дома в шесть часов утра, папа тоже обычно уходил в это время. А после работы он иногда шел ей помогать — она возвращалась домой очень поздно. Мама не могла уйти с рабочего места, пока не будет продан весь товар, который ей завезли. Никого не волновало, сколько часов она отработала. Но зато в пятницу она уходила домой пораньше. Правда, в зимнее время, когда в Ленинграде свечи зажигали в 15:30, она не всегда успевала вовремя, и тогда еще до наступления Субботы она звонила тете Любе, которая

жила с нами, и говорила: зажги свечи и скажи благословения вместо меня, а я уж как-нибудь доберусь пешком до дома. Я даже не знаю, можно ли это назвать героизмом... Скорее, жертвенностью, которая была естественна.

Папа посвящал свой выходной тому, чтобы достать свежую курицу, которую еще должен был порезать шойхет, а потом — предстояло ее ощипать, замочить и посолить, чтобы была мясная еда для своих детей и еще одной семьи, которой он обязался помогать в молодые годы. Наверное, мне это передалось с молоком матери: хотелось быть таким же, как они. Когда я собирался жениться, мне и в голову не могло прийти, что моя жена будет готовить мне некошерную еду. Я даже об этом не говорил с Софой, своей будущей женой. Я спросил ее, поедет ли она со мной в Израиль, если будет такая возможность. Об этом стоило спрашивать, потому что, если бы это случилось, то стало бы огромным событием в нашей жизни. Другое дело: дома муж должен питаться так, как он хочет. Это казалось естественным и не требующим особых обсуждений.

Раввин Хаим Иосиф Элиягу Тамарин

Изя Коган. 1949 год

Дедушка Иосиф Тамарин, в центре: мама Рива и Хая Новикова. 1937 год

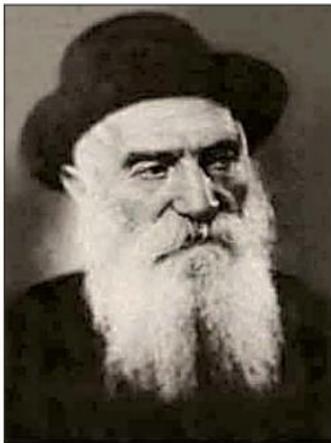
Братья Коган: Авраам, Шолом и Яков с племянником Иосифом

Папа, мама, Изя и Додик. 1953 год

Папа Авраам Коган. 1990 год. Израиль

Раввин Абрам
Лубанов занимал
должность ленин-
градского раввина
с 1943-го по 1973 годы

Папа Авраам Коган
и его сестра Эстер
в Витебске. 1940 год

ИНЖЕНЕР

ЗАВОД И «ВЕЧЕРКА»

В 1961 году я пошел работать учеником токаря на завод к отцу. Мне было пятнадцать лет, и по закону я мог работать только четыре часа в день пять дней в неделю. Папа пользовался большим уважением в коллективе, и когда он попросил принять на работу сына, ему пошли навстречу. Но он не хотел, чтобы мы работали в одном цеху. Папа занимался линейной обработкой металла и был классным специалистом; во время войны, как я уже говорил, он изготавливал детали для шифровальных машин — тончайшие элементы, необходимые для кодировки информации.

Я попал в ученики к Вале Иванову. Обучение на токаря высшей квалификации проходило индивидуально.

Я как сейчас помню «Вальдееф», немецкий трофейный станок производства 1938 года. Валентин предложил начать с ровной проточки детали. Для этого деталь нужно равномерно зажать в основном патроне, а потом в центре поджать «задней бабкой», чтобы она не отклонялась, когда ее режут.

— Вот здесь ты должен со всей силой подтягивать, чтобы не вырвалась деталь, — сказал он. И показал, как это надо делать.

— Понял?

— Понял.

— Теперь делай сам!

Я начинаю со всей силы затягивать деталь, и вдруг раздается хруст. Оказывается, чугунная прижимная планка от чрезмерного усилия лопнула, а толщина ее — 40 миллиметров!

Валя удивился:

— С 1938 года станок никто не мог сломать. Ты уж не в полную силу-то зажимай. А пока иди к отцу, пусть он тебе новую деталь изготовит, чтобы заменить лопнувшую пластину.

Так я начал учиться токарному ремеслу. И довольно успешно: у меня всегда все получалось...

В 1961 году я поступил на учебу в вечернюю школу или, как тогда говорили, в школу рабочей молодежи.

Почему я выбрал «вечерку»? Да потому что в вечерней школе учеба продолжалась десять лет, а в обычной средней — одиннадцать. В эту школу я попал с легкой руки учителя черчения дневной школы, где я учился до сих пор, Игоря Ганца. Решил с ним посоветоваться: у меня есть возможность работать на заводе и помогать родителям, да еще удастся сэкономить целый год. Он сказал: «Иди и ничего не бойся, у тебя все будет в порядке».

Я довольно легко учился в вечерней школе. Там и требования совсем другие, не такие, как в дневной. Уже через четыре месяца я получил второй разряд на заводе. А меньше чем через полтора года у меня уже были ученики — двое ребят, которые вернулись из армии. К этому времени я уже работал по шесть часов в день. Мы с папой рассчитали, какую зарплату каждый из нас получает за свою работу (я получал от выработки, а он был на ставке). Оказалось, что за час я получаю больше, чем он. Такая была система оплаты.

В ИНСТИТУТЕ

Окончание вечерней школы все же не обошлось без проблем. Все предметы я сдавал на «отлично», и вдруг на экзамене по обществоведению мне ставят «хорошо». Это был последний экзамен, и я основательно расстроился — ведь я реально претендовал на медаль. Потом выяснилось: чтобы получить медаль, школа должна была послать в РОНО соответствующую заявку. Но поскольку в моей «вечерке» давно не было медалистов, они промедлили. И чтобы избежать скандала, решили срезать меня на экзамене.

Хоть и без медали, школу я все-таки успешно закончил. Но с институтом решил повременить — хотел еще год поработать. Я грезил о мотоцикле «Ява-350» — заветной мечте всех мальчишек. Еще только начиная работать на заводе, я договорился с мамой, чтобы она понемногу откладывала из моей зарплаты. После окончания школы на маминой сберкнижке собралось четыреста рублей. Я объяснил ей: еще годик поработаю и за это время уж точно наберу нужную сумму, тем более что мои сверстники еще продолжают учебу в дневной школе. Но мама сказала, что если я поступлю в институт, она добавит недостающие деньги на мотоцикл.

В институт я поступил довольно легко. В то время я познакомился с Абрамом Львовичем Медалье, который занял в моей судьбе очень важное место: сын известного московского раввина Медалье, профессор Института водного

транспорта, заведующий кафедрой математики, он был другом моего дедушки. У Абрама Львовича был брат, один из моих учителей — реб Берл Медалье.

Мама беспокоилась, что из-за слабой подготовки в школе я не смогу сдать математику и физику, и отправила меня к профессору Медалье. Мы вышли на улицу, сели на скамейку, он задал мне несколько задач, и я их решил. Потом он сказал: «Тебе не следует волноваться, экзамены ты сдашь спокойно». Так и вышло. Я поступил в Ленинградский электротехнический институт им. В. И. Ульянова (Ленина).

В это время был принят закон, согласно которому студенты, поступившие в институт без производственного стажа, первый семестр должны проходить практику на заводах. А те, кто имел такой стаж, были освобождены от занятий в течение всего первого семестра. Так я оказался «безработным». В свободное время ходил по институтским кафедрам. Мне было интересно, что представляет собой учебное заведение, в котором мне предстоит учиться. Зашел как-то на одну из кафедр и обнаружил там настоящий переполох. Оказывается, токарь во время работы станка на ходу замерил штангенциркулем вращающуюся деталь, чего категорически делать нельзя. В результате он серьезно повредил руку. А кафедре срочно нужно было сдавать заказ. Видя их безнадежное положение, я предложил свою помощь. Они только руками развели: «Ты, салага, небось, к станку-то никогда не подходил!» Я ответил: «Если у вас нет никаких других предложений, решайте! Только дайте мне хорошие измерительные инструменты, чтобы соблюсти высокую точность работы». В итоге я сделал все что требовалось. И тогда мне предложили присоединиться к группе, которая делала первый в истории Советского Союза прибор — автоматизированную систему обработки твердых схем.

После полупроводников весь мир переходил на твердые схемы. Поясню: полупроводники выполняли только одну функцию, а эти схемы осуществляли разнообразные операции. Была поставлена задача: обработать кремневый кристалл с точностью до одного микрона. Уже был создан подобный прибор фирмой «Феррари» в Италии, работавший с точностью 1,2 микрона. Нам поставили еще более сложную задачу. Так я оказался на кафедре академика Фатеева, одного из корифеев в области разработки систем управления.

Проходит месяц за месяцем, я учусь в институте, а мотоцикла у меня как не было, так и нет. Иду к маме: мол, скоро зима грянет — когда же я буду кататься на мотоцикле? Она выносит из комнаты деньги и говорит: вот — это на мотоцикл, но купишь его, когда меня не будет. Я очень расстроился: моя мечта погибла. Что

было делать? Мы жили небогато. У нас дома не было почти никакой мебели. Я спал в столовой на тахте, из которой торчали пружины, так что приходилось класть на нее несколько ватных матрасов, во второй комнате спали папа с мамой, а в третьей — наша воспитательница и мой младший брат. И я решил купить гэдээровскую «хельгу» за 320 рублей. Она до сих пор стоит в родительском доме, с ней ничего не случилось за эти годы.

В институте я учился довольно успешно, но на первом экзамене получил двойку по математике, которую любил и знал. Взял билет, доказал теорему так, как я это понимал, стою, жду, пока ко мне подойдет преподаватель. Объяснил свое доказательство. А она говорит: докажите так, как я вам показывала на лекции. А я отвечаю, что на лекции не был. Мне казалось, что достаточно доказать теорему любым способом. «Не знаете, тогда идите и учите!» А я продолжаю стоять у доски, жду свою двойку. Я не знал, что двойки в зачетку не ставят. Она спрашивает: «Что же вы стоите? Идите, подготовьтесь как следует, потом придете пересдавать». Наконец-то до меня дошло... Но это был один единственный раз за все годы учебы, когда я не сдал экзамен. Следующий экзамен — начертательная геометрия. Преподаватель дает мне несколько задач. Я их все решаю. Он спрашивает: «Почему у вас нет оценки за первый экзамен?» А я голову повинно склонил, стою... Но он все равно пятерку поставил.

ТРЕТИЙ ТРУДОВОЙ СЕМЕСТР

После первого курса мы поехали на стройку. Нас направили под Кингисепп в совхоз «Борец». Начались проблемы с едой. Я же и так почти ничего не ел. Да к тому же там нас держали на голодном пайке. Кошерное, некошерное — вообще ничего не было. Манная каша была, которую варили на воде. Я говорю ребятам: «Ну что мы мучаемся, давайте я схожу на ферму, пускай совхоз даст нам в долг молоко в счет нашего будущего заработка». Пошел. Со мной отправилась моя сокурсница еврейская девушка Наташа Лук Зильберштейн. Вообще у нас в группе восемнадцать человек из тридцати были евреями. Шел 63-й год, еще не окончилась хрущевская «оттепель».

На ферме я сказал дояркам: «Мы тут у вас работаем, столовую строим, а кашу на воде варим». А они отвечают, мол, пусть твоя девушка надоит молока, мы его процедим, и ты возьмешь с собой. Наташа как услышала, что ей надо доить, сразу ретировалась. Но я не привык давать задний ход и согласился...

А вымя такое большое, оказывается, — я и не пробовал никогда доить. Около получаса просидел под коровой, согнувшись в три погибели. А она терпеливо все сносила. Литра три молока дала. Подходит молодая доярка: «Ну что мучаешься, больше она все равно не даст». Долила до полного подойника, процедила и говорит: «Приходи еще, с тобой веселее!» У них там вообще мужчин не было. Я стал ходить на дойку, потихоньку освоился. Доярки денег с нас не брали. А мы кашу стали варить на молоке...

Прошла пара недель. Доярка, которая меня «курировала», собралась в отпуск. Я к другой «прикрепился», к Маше. Прихожу, она показала на черную корову: иди, мол, доить. Ну, я и пошел, уже, можно сказать, специалист. Но с этой коровой у меня почему-то ничего не получается... И вдруг чувствую, она садится прямо на меня. И я не могу подняться и держу эту огромную корову у себя на спине. Она меня не отпускает, просто прижимает к земле. Это у нее была такая форма самозащиты. Вот так минут десять я под ней корячился. Вдруг девушка увидела, что происходит, подбежала, ударила ее.

— Посмотри, что тут написано: стельная корова. Она с часу на час родит. Какое молоко она тебе даст?

— Ну так ты же мне сказала: черная корова, я и пошел под черную. А кто их там разберет...

Вот такая история со мной случилась в коровнике.

А после второго курса нас отправили на целину. С питанием там было совсем плохо. Родители присылали мне шоколадно-вафельный торт, который считался кошерным. А я уж там добывал компот, булку, сметану. В другой раз я был на целине уже в 1968 году. Собирались ехать вместе с Софой — мы уже поженились. Но она была в положении. И я поехал один: очень нужны были деньги. Подзаработать хотел. Я тогда был в должности заместителя командира стройотряда — это было перед пятым курсом. Мы работали в совхозе «Коммунизм» Кокчетавской области, на границе с Омской областью.

И там, в совхозе, произошло ЧП. Тот же самый случай, буквально, что и в институте: токарь замерял крутящуюся деталь штангенциркулем и повредил руку. К нам приходит директор совхоза и говорит: «Ребята, может, среди вас есть токарь, выручайте! Сами понимаете — уборочная, «пальцы» надо точить». А это самая первая деталь, которую я сделал в начале своего трудового пути. Но я не стал сразу предлагать своих услуг. Сперва пошел к командиру, говорю ему: «Если надо — пожалуйста, могу и токарем поработать, это для меня пустяки». В стройотряде мы работали с восьми утра до восьми вечера. И договорились так: до

пяти часов вечера я работаю в отряде, а потом иду, как говорится, «подрабатывать на сторону».

На следующий день в назначенное время машина меня уже ждала. Ежедневно меня подвозили прямо к станку, на котором я и точил «пальцы». Ко мне приставили человека, его звали «майор», а настоящее имя его было Меир; одному нельзя работать на участке, тем более вечером. Он оказался евреем. Сидел, потом отбывал ссылку, да так там и остался... Вскоре директор совхоза с удивлением увидел, сколько я могу этих «пальцев» сделать. Работы было много. Трактористы по рублю давали (тогда рубль — это деньги: десять копеек стоило такую деталь выточить), чтобы я им пару лишних деталей выточил про запас. Все заработанные деньги я честно отдавал в копилку стройотряда.

Обычно, когда мы уезжали с целины домой, нам подавали особый целинный поезд. Такие студенческие целинные поезда шли быстро: двое суток, и мы уже в Ленинграде. Перед нашим отъездом директор спросил меня, чем отблагодарить за работу? А я-то знаю, как трудно у нас в Ленинграде достать живых кур. Ну я и говорю: «Если можешь, положи несколько штук в ящики, я их возьму с собой». Он дал тридцать кур в двух больших ящиках! Из совхоза к поезду мы доехали на грузовиках. А в поезде я разместил кур в тамбуре. Вагоны-то все отданы нам — целиком. Ну и выходил время от времени их кормить. Пахло ужасно: двое суток три десятка кур все свои нужды справляли в тамбуре. Ребята, конечно, надо мной посмеялись: когда я спал, они даже посадили на меня нескольких птиц. В Ленинграде на вокзале я сказал папе, что нам нужны носильщики, чтобы забрать живность. Вот уж он удивился!

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗАВОД

В институте учиться было очень легко. Не знаю, чем это объяснить: наверное, моей склонностью к технике. Конечно, мне помог и опыт работы на заводе.

Поскольку я пошел учиться от завода, на завод должен был и вернуться. Мне определили тему: «Автоматизация корабельных установок». И я успешно защитил диплом. Когда вернулся на завод, меня спросили, в какой конструкторской группе я хочу работать: по слаботочной тематике или по автоматике. Слаботочные проекты — все, что связано с телефонной связью, — я воспринимал как «прошлый век». А автоматика — это то, что имело отношение к атомным подводным лодкам. Меня тянуло туда. И я сказал, что хочу на автоматику. Главный конструктор отдела был другом папы. Он не возражал, и я не только

удачно трудоустроился, но и получил неплохой по тем временам оклад — 130 рублей. Инженер первой категории. Да еще оказалось, что прибор, который мы разрабатывали, был точной копией того, что мы делали на кафедре у академика Фатеева, только там его применяли для обработки твердых схем, а здесь — для управления лодкой. Но с точки зрения идеи и ее реализации через компьютер — это было одно и то же. Я был одним из немногих на заводе, кто мог принять этот заказ и изготавливать необходимые комплектующие. Ведь завод технически всегда отстает от разрабатывающей организации, в которой я некогда работал, — так что мне все это давалось очень легко. Через год я уже был и. о. начальника конструкторского бюро проекта.

К сожалению, мне по-прежнему не давала покоя старая травма головы. Когда надо было сдавать работу — обычно это было в конце месяца, — приходилось сутками просиживать в плохо вентилируемом помещении.

А из-за травмы мне не хватало кислорода.

Борис Корогодов.
1966 год. Ленинград

СУДЬБА

СОФА КОГАН. ДВЕ ДУШИ – КАК ОДНА

В июле 1966 года мы, студенты, работали в стройотряде в Бендерах, небольшом молдавском городе. Жили мы в палатках на берегу Днестра, когда ночью на нас напала банда «Казбек», как они себя называли. Бандиты были вооружены арматурой и другими подручными травматическими орудиями.

Они завалили палатку и стали бить по ней арматурой и колом с гвоздем на конце. Один удар пришелся в голову Боре Корогодову. Его убили на месте. Я успел выскочить и схватился с бандитами врукопашную. Физически я был очень силен, и они не могли со мной справиться. Прежде всего, я пытался защитить девушек и дать им возможность убежать. Слава Б-гу, это удалось. Еще один парень, который был с нами — его звали Юра, — тоже убежал и отсиделся в воде. Все это случилось на обрывистом берегу Днестра. Бандитам удалось столкнуть меня в воду. Там я пришел в себя, вылез на берег и снова пошел на них. Так было не раз. И вот когда я в очередной раз вылез из воды, их главарь крикнул: «Все отойдите от него!» Был час ночи — абсолютная темнота. Он замахнулся на меня дубиной с гвоздем-«двухсоткой»... И вдруг стало светло как днем! Я увидел, что на меня сверху летит эта «пика». Я успел подставить руку и защититься. Гвоздь прошел через нее, но головы не коснулся. И все же я почувствовал кровь на голове — арматурой с нее сняли скальп. Видимо, в какой-то момент я потерял сознание и не помнил, как меня сбрасывали с обрыва. А удар запомнил хорошо, и что инстинктивно защитился от него рукой — тоже помню. Днестр — река судоходная, и я подумал, что яркий свет возник из-за того, что проходящий мимо пароход прожектором осветил фарватер. Но потом понял, что это Всевышний не дал мне уйти из этого мира.

Мне крепко досталось: я получил тяжелую травму головы, меня отвезли в больницу и наложили тридцать восемь швов. На суде выяснилось, что бандиты позарились на транзисторный приемник «Альпинист», который тогда только входил в моду.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ПРЕССЫ

Казалось бы, частный случай в городке Бендеры имел серьезный общественный резонанс. Даже газета «Известия» посвятила этому событию специальную статью.

Вот как характеризует корреспондент А. Романов главаря и его банду:

«Их было двенадцать. Но чуть не каждый уже несколько раз задерживался за кражи и хулиганство...»

В Бендерах личность Чумаченко известна давно. Воровать он, как и его старший брат, который сейчас находится в тюрьме, начал с детства. Сначала по мелочам, затем — со взломом. Часто убегал из дому, бродяжничал. Два года назад Чумаченко был отправлен в трудовую колонию, но по какому-то недоразумению его освободили и отдали на поруки пьянице-отцу. Парень снова принялся за старое. Весной этого года исполком горсовета отправил его в спец профтехучилище. Но пробыл он там недолго.

...Утром в день убийства он появился со своими «корешами» на диком пляже... Выждав удобный момент, они забрались в палатку и украли деньги, часы, шорты. Добычу тут же поделили. На украденные деньги купили водки, вина, устроили пир. Пировали демонстративно на поляне около птицефабрики... А охмелевший главарь тем временем поучал: «Слушайте меня, я научу вас, как добывать деньги на «белую головку»...»

И ведь научил. Всеи пьяной компанией отправились на железобетонный завод, прошли в арматурный цех и на виду у работающих начали вооружаться толстыми арматурными прутьями. Чумаченко подсказывал: «Берите крученые, они надежнее».

Далее собкор «Известий» пишет:

«...Это случилось на берегу Днестра. Студенты Ленинградского электротехнического института Борис Корогодов, Исаак Коган, Юрий Юрко и четыре их однокурсницы решили летние каникулы провести в Молдавии. После сессии они приехали в Бендеры, облюбовали около реки зеленый пригорок и разбили на нем две белые палатки. Лучшего отдыха, пожалуй, и не придумаешь. А дальше собирались махнуть в Крым. Об этом и говорили в тот вечер.

В полночь к ним, спящим, подкралась неизвестные, вырвали колья, на которых держались палатки, и начали бить по опавшему брезенту. Били исступленно, изо всех сил, не обращая внимания на стоны и крики.

Первыми выскочили из палатки Коган и Юрко. Они успели помочь девушкам скрыться и тут же попытались дать отпор. Но силы были слишком неравны. Когда они, окровавленные, упали, их сбросили с крутого обрыва в Днестр, рассчитывая, что они утонут. К счастью, этого не случилось. Бориса Корогодова, когда он выбежал из палатки, ударили по голове чем-то тяжелым, и он потерял сознание. Один из бандитов долго еще бил, его, лежащего, железным шкворнем. При каждом ударе он приговаривал: «Убивать так убивать...»

На второй день Борис Корогодов умер в больнице. В Ленинграде осталась его одинокая мать».

**«Боязливая добродетель», «Известия»,
13 октября 1966 г.**

...По возвращении в Ленинград мама решила показать меня опытному врачу, другу моего дедушки. Обладая опытом двух революций и трех войн — гражданской, финской и Отечественной, он уверял, что никогда не поверил бы, что пострадавший с такими ранениями головы мог остаться нормальным человеком. Однако после операции голова сильно болела, и мама заставила меня поехать в дом отдыха на зимние каникулы. Я сомневался, стоит ли ехать, ведь некошерные продукты я не ел. Предложил ей взять две путевки с тем, чтобы со мной отправился мой приятель: он съедал бы лишнюю порцию, и тогда мой рацион не вызывал бы никаких вопросов у бдительных граждан. Так и сделали: мама достала вторую путевку, и мы поехали вместе с другом Аликом Поляковым, который учился в Ленинградском кораблестроительном институте (ныне Санкт-Петербургский государственный морской технический университет).

Дом отдыха располагался на Финском заливе — между Репино и Комарово.

...А зима в тот год стояла очень холодная — до минус тридцати восьми градусов. Но все равно я не изменял своим привычкам и ежедневно обтирался снегом. Однажды во время моих экстремальных процедур мимо прошли две симпатичные еврейские девочки. Мой друг, державший мою одежду, сказал: «Посмотрите на этого морозостойкого еврея!» Поскольку телевизор был только в нашем корпусе, мы вскоре встретились вновь. Так я познакомился с Софой.

Уже в те годы я занимался фотографией. И дома мама спросила, кто эти девочки на фото.

— Новые знакомые, — отвечаю ей. И спрашиваю:

— Кто из них тебе больше нравится?

— Вот эта, — говорит мама и показывает на Софу.

Мне тоже она больше понравилась.

Потом я позвонил Софе и сказал, что могу дать ей фотографии. Мы встретились, потом еще и еще. На 8 Марта я подарил ей цветы. А от нее получил первый поцелуй.

Потом мы с Софой побывали на концерте известной еврейской певицы Нехамы Лифшицайте: это был прощальный вечер — она уезжала в Израиль. С нами отправились наши родители. Получились своеобразные смотрины. Я знал идиш и переводил. Софа не владела идишем, хотя ее папа Семен Исаакович был из традиционной еврейской семьи. Он даже войну прошел с молитвенником. Но кошерного стола они дома не держали. Поэтому, когда я приходил к ним в гости, фактически ничего не ел. Мама Ева Давыдовна сказала однажды дочери: «Если выйдешь замуж за этого парня, тебе придется с ним помучиться!»

Вскоре я увидел, как бесконечно доверяла мне Софа. Потом я понял, в чем дело. У Софы был молодой человек, который хотел на ней жениться. И когда подошло время обсуждать свадьбу, мама жениха сказала, что на праздничном столе непременно должны стоять «свинные уши». Ей возразили, но она настаивала. И тогда Семен Исаакович встал и сказал, что его на этой свадьбе не будет. Мама Софы тоже поднялась и заявила, что не будет и ее... Все окончилось размолвкой. А между прочим, звали того молодого человека Изей... Так что в противовес тому Изе, на свадебном столе которого должны были непременно присутствовать «свинные уши», появился другой Изя с иным набором ценностей. Честно скажу, я ни разу не злоупотребил невероятным доверием Софы.

Прошло лето. Мне предстояло ехать на суд в Бендеры. И я захотел встретиться с Софой — она в это время была в круизе по Черному морю на теплоходе «Петр Великий». Родителям я не мог сказать, что решил встретиться с девушкой далеко от дома, — стеснялся. И я придумал историю, что хочу, мол, навестить своих двоюродных сестер в Куйбышеве. А их я попросил прикрыть меня, пока в Феодосии буду встречаться с девушкой! Эта встреча, когда с корабля она увидела меня на пристани, сблизила нас по-настоящему.

В сентябре начались занятия в институте. Мы уже созрели, чтобы создать свою семью. Но тем не менее все произошло внезапно. Октябрь уже подходил к концу, когда она вдруг сообщила мне, что ее родители не разрешают нам больше встречаться.

— Но почему?

— Да потому, — сказала она, — что мне уже двадцать один год. Я учусь на четвертом курсе медицинского института, и если в ближайшее время не выйду

замуж за инженера или врача, работающего в Ленинграде, меня направят по распределению в тьмутаракань. И поэтому они не хотят, чтобы я с тобой встречалась, я должна выйти замуж.

Я не растерялся:

— Хорошо, давай поженимся!

Мне показалось, что она посмотрела на меня с некоторым удивлением. Наше решение застало ее родителей врасплох. Но они не стали противиться естественному ходу событий. Они понимали, что это осознанный выбор Софы. В сущности, они относились ко мне с симпатией.

Когда мы сообщили им, что собираемся пожениться, они не знали чем меня угостить. Я до сих пор помню моченые антоновские яблоки — это был кошерный продукт из овощного магазина, но я его совершенно не переносил.

Потом я и своим родителям сказал, что мы с Софой женимся, им она очень нравилась. Но в ноябре Софа заболела. У нее с детства было больное сердце — мерцательная аритмия. А тут случилось воспаление легких. Я пришел ее проведать. И вдруг она заговорила о том, что мы не должны жениться. «Я больна, ты здоровый. Ты будешь со мной мучиться».

Я ответил: «Поправляйся...»

А 30 декабря у нас была хупа, почти тайная: никого из моих товарищей не было — только члены семьи...

Наша свадьба совпала с днем пятой ханукальной свечи. И на нашем семейном празднике побывали все раввины Ленинграда, которые в эти дни находились в городе: главный раввин Ленинграда реб Авром Лубанов (Лепле-ров), хасидский раввин Мойше Мордхе Эпштейн, реб Авром Медалье, реб Залман Усвяцов. Все они были столпами религиозного еврейства Ленинграда. К сожалению, у нас не сохранилось ни одного снимка — это было слишком опасно. Мы были студентами, и если бы кто-то узнал, что мы делали хупу по еврейской традиции, нас, конечно, выгнали бы из институтов. И все равно собралось около шестидесяти человек. Хупу ставили у нас в квартире, в родительском доме. Не у многих евреев была тогда отдельная квартира, как у нас: трехкомнатная, рядом с синагогой. У родителей Софы была одна тридцатиметровая комната. Сперва Софа перешла жить к нам. Потом ее родители купили двухкомнатную квартиру в новостройке, а нам оставили свою комнату. Я сделал из нее две — десять и пятнадцать метров и еще пятиметровую кухню и прихожую. У нас образовалась отдельная квартира внутри коммуналки. Свое пространство....

А на следующий день уже была обычная свадьба, мы пригласили студентов: тоже у нас дома, где собралось около ста человек. Как все поместились в девятнадцатиметровой комнате и небольшом коридоре — не знаю.

Так мы с Софой начинали нашу семейную жизнь.

Через год после того как мы поженились, родилась Анечка. Я работал на заводе. Софа стала врачом-стоматологом. Мы прожили душа в душу сорок два года. Софа не отличалась хорошим здоровьем, но никогда не показывала, что больна. После нее осталась огромная семья — теперь уже двадцать семь внуков и правнуков. Она удостоилась присутствовать при обрезании своего первого правнука, которое проходило в Хевроне. Другой родился через две недели после ее ухода. Его обрезание состоялось в только еще строящейся тогда в Иерусалиме синагоге.

...Ее хватало на всех. Она успевала быть женой, матерью, дочерью. Она несла свет и тепло людям — всем, с кем была знакома. Но Софа целила не только души. Она и врачом была замечательным, в Израиле у нее была клиника. Софа присылала деньги в Москву, что позволило мне создать общину в первый год после возвращения в Россию и поддержать синагогу. Одна женщина из Бней-Брака ездила к ней лечить зубы. Так вот, ее спросили: в Бней-Браке мало стоматологов? Она ответила, что стоматологи есть, но они умеют лечить только зубы, а Софа и душу лечит. Я думаю, что ее способность каждому отдать тепло души своей, чтобы и у другого человека на душе потеплело, — это и есть самое главное. С ней всегда было тепло.

Она любила детей. Дважды у нее были неудачные роды, и когда она забеременела в третий раз, доктора сказали ей: вы сумасшедшая, как врач вы должны понимать, что подвергаете себя опасности. Она выносила трех дочерей, а потом в Израиле еще мальчика выносила, и еще у нас есть один мальчик, которого она просто приняла в семью, вырастила. Для нее он был дороже всех остальных. Она говорила: не удержала всех детей у себя, чтобы они увидели свет, поэтому Б-г подарил мне душу, которую я могу согреть. Тепло она дарила всем, и на всех его хватало.

Шел 1980 год. Арестовали известного отказника и правозащитника Иду Нудель. Ей дали четыре года ссылки в Томской области за то, что, живя на улице Горького в Москве, она вывесила из окна плакат: «КГБ, отдай мою визу!». Когда люди в штатском начали срывать плакат баграми, эта маленькая женщина (ее рост 1 м 52 см) вскипятила чайник и начала поливать незваных гостей горячей водой. Несколько раз я посещал ее в ссылке, и однажды она рассказала мне о своей

тяжелейшей проблеме, связанной с женскими болезнями. Я пообещал привезти врача. Это были трудные времена: посадили Щаранского, Слепака, других отказников. Я уговаривал врачей поехать к ней, но они молча отходили в сторону. Добраться к месту ссылки Иды можно было только на катере. Зима в тех краях наступает рано, навигация на Оби кончалась в середине октября. А дальше нужно ждать января, чтобы проехать по крепкому льду реки. Мне ничего больше не оставалось, как обратиться к Софе: может быть, как врач и как женщина она все-таки сможет помочь Иде? Она согласилась, и вовремя: едва ли не последний катер отходил от причала...

На пристани собралось очень много народу — и пяти таких суденышек не хватило бы, чтоб забрать всех желающих. Мы везли провиант на всю зимовку — сто пять килограммов. Все это размещалось в рюкзаках и коробках: у меня был один рюкзак спереди, другой сзади и две коробки в руках — всего восемьдесят пять килограммов. Вскоре судно полностью загрузили, и матрос закрыл проход. Корабль отчалил. И тут... Я не знаю, откуда у меня взялись силы, вместе с грузом я перепрыгнул через ограждение и оказался на палубе. Как я сумел преодолеть препятствие, — непонятно. Капитан сказал: «Ладно, раз такой смелый, пусть плывет». Я говорю ему: «У меня жена в положении на пристани осталась». Капитан командует: «Задний ход! Спустить трап!»... В итоге Софе все же удалось сесть...

Все бы хорошо, вот только я надорвался и больше не мог нести весь груз разом, пришлось перетаскивать по одной коробке до дороги. Нужно было еще несколько километров подъехать на машине. Темная ночь, мы голосуем, никто не останавливается. С трудом нам удастся остановить грузовик. Но шофер в кабину нас не сажает, боится милиции. Пришлось лезть в кузов и лечь на дно, чтобы нас не было видно. После уборочной в кузове было рассыпано зерно. И на этом зерне нас, как на подшипниках, мотало от борта к борту. Одной рукой я схватился за борт, а другой взял жену под мышки. Так мы доехали до Иды. И Софа помогла ей...

А для меня Софа была настоящей боевой подругой в самом высоком понимании этих слов.

Мы были в отказе четырнадцать лет. А каково это — держать еврейский дом «на семи ветрах», куда иностранцы приходят, где занятия идут, где вся еда должна быть кошерной? Притом, что Софа работала... Когда она подала документы на выезд в Израиль, к ней приставили заместителя секретаря парторганизации, чтобы та следила, не подложила ли Софа лишнего мышьяка советским гражданам. И

женщина эта виновато говорила ей: «Софочка, ты уж прости, у меня такое задание; ты же мне зубы лечила, я знаю: ты у нас лучший стоматолог». Ну а потом Софу вообще уволили. Но она не хотела терять квалификацию. И мы договорились в другой клинике, где ее хорошо знали, чтобы она работала по выходным на подмене врачей.

Жить в отказе — это значит находиться в постоянной тревоге: за детей, за мужа, за друзей. Когда я начал заниматься шхитой — кошерным забоем скота, ей приходилось мочить мясо, рассылать в посылках по всему Советскому Союзу. Когда приезжали ученики, она должна была их принять, накормить. Это продолжалось с 1972-го по 1986-й годы; Софа была образцовой еврейской женой, вела дом, растила детей да еще работала — нагрузка экстремальная.

Она очень любила Израиль. И в Россию вернулась только потому, что чувствовала: мы должны быть вместе. Потом она привыкла к новой роли, особенно в последние годы, когда стала просто необходимой для всей общины. Лучше всего об этом рассказал один гость, случайно оказавшийся в нашем доме на праздновании Субботы. Когда он пришел к нам, его встретила улыбка, которая, казалось, ждала его все время, пока он был в пути. Он оставил свои вещи и пошел молиться. А потом стал свидетелем того, как дом стал наполняться гостями. Загорелись субботние свечи, еда подавалась на стол. Казалось, что все это работает само собой, автоматически, как будто всем этим сверху руководит некто, но никак не женщина, которая сидела вместе со всеми. Это и есть Высший порядок, который она смогла создать.

Несколько лет назад Софа организовала клуб «Аидише маме»¹². Это даже не клуб — просто встречи. По средам собирались женщины, девушки, девочки и обсуждали вопросы еврейской религиозной жизни. Встречи проходили у нас, чтобы показать настоящий теплый еврейский дом. Собиралось так много народу, что все с трудом размещались. Я предложил им конференц-зал синагоги, там гораздо просторнее. Но Софа сказала, что женщины хотят собираться дома. Только здесь она могла одарить всех настоящим домашним теплом. Занятия и сегодня продолжаются у нас. Эту традицию приняли наши дочери. В результате они многим помогли организовать хупу, подготовиться к свадьбе, пройти гиюр — сдать экзамен при переходе в иудаизм.

Может, это звучит пафосно, но муж и жена — и в самом деле единое целое. Особенно это чувствуется, когда они живут в одном духовном порыве. Не просто одной жизнью, а в одном порыве. Так сложилось, что те сорок два года, которые мы были вместе, и стали тем самым порывом в причастности к еврейскому

народу, и не только к еврейскому, поскольку не только евреи получили тепло от общения с Софой.

Ребецен должна быть образцом служения для общины, особенно для женщин. Я думаю, не много найдется таких, как Софа. Это был лучший пример немногословного, без всяких прикрас, естественного служения Всевышнему, служения — с радостью.

...Она ушла очень быстро, мгновенно. Ушла, когда готовила микву. Женщина сказала, что перед родами хочет окунуться в микву. Но сделает это, только если ей наберут новую воду. Вода, которая была в микве, проходила фильтрацию двадцать часов из двадцати четырех. Только на четыре часа, когда вода находится в ванне, фильтры отключены. «Свежая» вода из водопровода еще не прошла через столько фильтров, сколько та, которую придется слить. Но раз женщина хочет, — пожалуйста. Софа наполнила микву, пошла поговорить с внучкой по телефону... И все...Полтора часа ей делали искусственное дыхание. Всевышний призвал ее к себе...

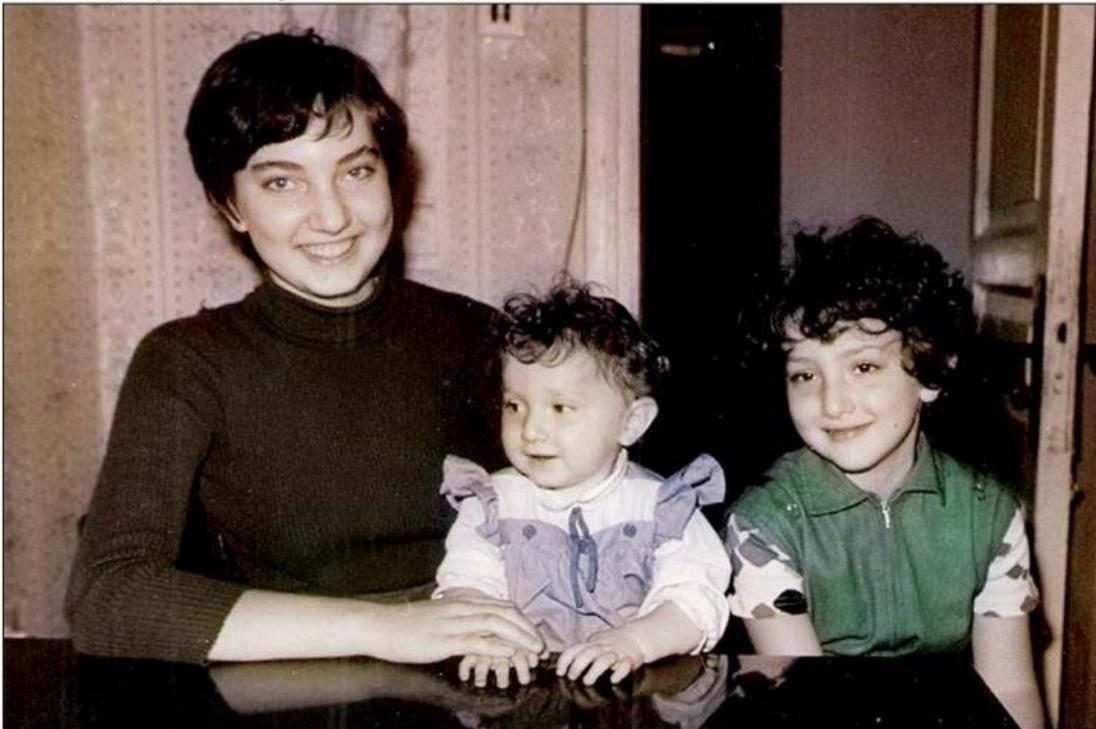
**«Мицвомобиль № 1 в СССР» («Москвич-408» 1973 г. выпуска)
ведет Ицхак Коган. 1985 г. Ленинград**

Село Кривошенно Томской области.
Ида Нудель и Софа Коган. 1980 год

Софа Коган зажигает субботние свечи

Три сестры «в отказе». 1983 год. Ленинград

Село Кривошеино Томской области. Ицхак Коган, Ида Нудель и Софа Коган. 1980 год

В родительском доме. 30-летие свадьбы Ицхака и Софы Коган. 14.12.1997 г. Израиль

**Софа Коган с сыном Иосей
и внучкой Йохевед.
1988 год. Иерусалим**

**Софа Коган со своим сыном,
Мариной Фурман, дочерью
Аней и внучкой Йохевед.
1988 год. Иерусалим**

Семья Коган. 2008 год

В ночь перед выездом из России. 16 ноября 1986 г.

Бат-мицва Ани Коган. 1980 год. Ленинград

ГЛАВА ВТОРАЯ

Отказник

И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН

Мой друг Алик Шейнин говорил: «Изя, вам удаются вещи, которые не под силу даже многим, собравшимся вместе».

Я помню все, что происходило в годы отказа, и сегодня я стараюсь следовать той же модели поведения. Один из неписанных законов шхиты гласит: если ты резал птицу или корову и в это время повредил палец, но не почувствовал, не заметил, значит, шхита кошерная; если же почувствовал порез, стало быть, шхита некошерная, поскольку, заметив неладное, ты, скорее всего, вздрогнул, промедлил.

Что нужно, чтобы ты не почувствовал повреждения?

Нож должен быть безупречно острый. Тогда все произойдет мгновенно.

Модель поведения при шхите я перенес на события своей жизни. Все нужно делать быстро, с ювелирной точностью, надолго не задерживаясь на сцене.

НОМЕР 53

К концу 1971 года я узнал, что специалистов с нашего завода посылают в Сирию и Египет. С этими странами Израиль находился в состоянии войны. И я, почувствовав, что косвенно тоже участвую в борьбе против Израиля, решил подавать документы на выезд.

В 1972 году, после того как я уволился с завода, мы были готовы к этому решительному шагу, но внезапно умер Семен Исаакович, Софин папа. Ева Давыдовна, моя теща, попросила, чтобы мы повременили с отъездом: нужно было поставить памятник.

5 сентября 1974 года мы получили отказ. Это был настоящий шок. После отказа ты оказывался полностью отрезанным от общества, в котором рос, учился,

трудился. Окружающие сторонились и избегали тебя, ты становился персоной нон грата даже в своем кругу. Конечно, я понимал, что нам могут отказать, такие случаи были нередки. Но все равно это было, как удар молнии. Я был совершенно подавлен.

Когда я выходил из ОВИРа на улице Желябова, этажом ниже, прямо на лестничной площадке, стояли ребята, которым отказали в разрешении на выезд еще раньше.

«Ну что, получил отказ? — спросили они. — Будешь пятьдесят третьим».

Меня занесли в список отказников под номером 53. В сущности, это была совсем небольшая группа: немногим более полусотни семей в огромном городе. И нам ничего не оставалось, как начать создавать сообщество отказников, помогать друг другу, поддерживать, в чем можем. Мы вместе учили иврит и английский язык. Особенно иврит, потому что большинство из нас собиралось ехать в Израиль. Я умел читать на иврите, но разговорного языка не знал — мой иврит был языком молитв.

Занятия происходили у нас дома. Люди боялись предоставлять свои квартиры, а мы были молоды и мало задумывались об опасности. Казалось, что теперь-то бояться нечего — мы ведь и так уже заявили, что хотим уехать.

Вообще, сообщество отказников было очень дружным. Существовал такой порядок: получив разрешение, семья не могла уехать, пока не отремонтирует свою квартиру, которая остается в ведомстве ЖЭКа. Не у всех были деньги, чтобы нанять рабочих, не все умели ремонтировать своими руками. У нас организовалась специальная группа помощи по ремонту квартир. Я вошел в нее. Отказники — особая общность. Мы не только отмечали вместе еврейские праздники, но и сообща заготавливали грибы — бывало, огромное количество: солили, мариновали. Софа умела отлично мариновать грибы и учила этому молодых хозяек. У меня была машина, благодаря этому мы были мобильны. Вообще, в нашей среде царил атмосфера взаимовыручки и поддержки.

НЕЛЬЗЯ РЕЗАТЬ КУР В РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ... ИУДЕЙСКИМ СПОСОБОМ

Меня, конечно, вскоре вызвали в КГБ и сообщили, что я никогда никуда не уеду, потому что являюсь носителем государственных секретов. Если я действительно хочу покинуть Советский Союз, то должен сотрудничать с органами. На что я по наивности ответил: мол, ничего такого, что вас интересует,

я не знаю. Офицер, который вел беседу, сказал, что это не мое дело: я должен сообщать все, что знаю, а уж они там разберутся что к чему. Он подчеркнул, что мы можем встречаться даже с гостями из-за границы, но при этом я непременно должен докладывать органам обо всем услышанном. И на этом встреча закончилась.

Больше я не реагировал на приглашения по телефону — нас научили, что на телефонный вызов мы можем не являться. Тогда за мной приехали на машине прямо домой. Во время новой встречи я сказал, что пришел к окончательному выводу: если я буду с вами сотрудничать, мне незачем ехать в Израиль. На этом наш «плотный контакт» окончился, хотя вызовов было еще много по разным поводам. Но я занял твердую позицию: ни на какие темы больше разговаривать с ними не стану, имею на это законное право. Так это и было на протяжении многих лет.

Когда я начал заниматься шхитой, в КГБ об этом узнали очень скоро. Однажды ко мне на работу пришел сотрудник госбезопасности и сообщил моему начальству, что я режу кур иудейским способом. Проинформировали, так сказать, чтобы знали, чем занимается их сотрудник. Меня вызвали на ковер: мол, от товарища из КГБ поступил сигнал, что режешь кур в рабочее время. Формально это была правда — ведь у меня было свободное посещение. В то время я работал по обслуживанию холодильных установок. И передо мной была поставлена простая задача: все оборудование должно действовать исправно. У меня в распоряжении была машина, в ней полно деталей, и я мог прямо на месте починить холодильник. У меня всегда все было в порядке. Но после того как выяснилось, что я режу кур в рабочее время, да еще иудейским способом, начальство должно было отреагировать немедленно. Мне объявили, что с 9 утра до 6 вечера я должен находиться на службе. Отныне все заявки на ремонт холодильников я буду получать в управлении и отсюда же выезжать на места. Конечно, теперь я больше не стал ездить на своей машине, а пользовался городским транспортом. Приходилось мотаться и за город, тратя на дорогу иногда по несколько часов. Я диагностировал технику и делал заявку на детали, необходимые для ремонта. Проходило три-четыре дня, пока заявку удовлетворяли. А за это время в холодильнике портились все продукты. Так прошел месяц. И убытки от такой работы оказались слишком большими. Начальник мне говорит: «Делай что хочешь, только чтобы все работало как прежде, остальное меня не касается».

У меня снова появился свободный рабочий график.

И все-таки время от времени к моему дому подъезжала машина, мне звонили по телефону и просили выйти для разговора. Я решил, что при таких встречах нужно больше молчать. А что я мог сказать? Вот я и молчал. Во время «бесед» меня продолжали склонять к сотрудничеству. О том, что Софа в положении, они узнали раньше моих родителей. «Вы же понимаете, что, если вы не будете с нами сотрудничать, вы никуда не уедете», — говорили мне. И еще они говорили, что всякое может случиться с молодыми женщинами...

В последние годы перед отъездом меня больше не вызывали, запугивали по-другому. Машина с прослушкой часто дежурила возле моего дома.

Тогда, в 1983 году, ко мне на работу приходил сотрудник КГБ, которого я знал как Александра Беляева, я так и не узнал его настоящего имени, хотя потом мы с ним встретились еще раз...

Когда я вернулся в Советский Союз, мне пришлось выступать по телевидению в связи с конфликтом вокруг библиотеки Любавичского Ребе. Этот человек увидел меня. Он связался с моим братом в Ленинграде и сказал, что хочет со мной встретиться. Мне тоже было интересно с ним поговорить. И как только я оказался в Ленинграде, позвонил ему, и он пригласил меня к себе домой. Я поехал к нему в Автово, новый питерский район. Обычная «хрущевская распашонка», трехкомнатная. Он меня встречает, говорит, что рад моему приходу и что хотел встретиться со мной только с одной целью: попросить прощения. И начинает рассказывать свою историю.

Мы с ним одногодки — 1946 года рождения. Мы одинаково начинали наш трудовой путь: в возрасте пятнадцати лет он пошел учеником токаря к станку, и я также встал к токарному станку в пятнадцать лет. В семнадцать лет он, как и я, окончил вечернюю школу. Я поступил в Ленинградский электротехнический институт им. Ульянова (Ленина) на факультет автоматики и телемеханики, он пошел в школу КГБ. Он продвигался по своей службе, я — по своей. Когда я оказался в отказе, ему поручили следить за мной. Коган, мол, человек ненадежный, неугодный и никогда не уедет. Кое-что я видел и знал. А то, что было скрыто, я никогда не узнаю. Например, когда мы уезжали, около нашего дома была выставлена какая-то непонятная охрана. К нам шел огромный поток людей прощаться, он не прекращался до шести часов утра, пока мы окончательно не ушли из дома. У подъезда стояла группа людей в штатском, и было видно, что они следят за порядком, чтобы никто не «возникал» из соседей, чтобы не было провокаций. Они, как и мы, не были заинтересованы в скандале. Я не знаю, кто

это организовал, я так у него и не спросил. Как бы там ни было, он следил за мной — это была его работа.

Когда меня выпустили в Израиль, он понял, что вся его работа бесполезна и бессмысленна. За все эти годы, что он наблюдал за мной, никаких антисоветских настроений он не заметил. Он видел обыкновенного религиозного человека, который соблюдал традиции своей веры. И когда меня все-таки отпустили, он на всю эту канитель плюнул, ушел из органов и снова стал токарем.

«Я хотел попросить у тебя прощения, чтобы ты на меня не держал зла!» — сказал он.

Я ответил, что у меня нет к нему никаких претензий: он делал свое дело, а я — свое.

СОВЕТСКИЙ ЛЕНИНГРАД: БЕЛЫЕ НОЧИ И «ЧЕРНЫЕ» СУББОТЫ

И я начал готовиться к репатриации. Правда, когда уходил с завода, мне сказали, что я никуда больше не устроюсь. Тем не менее я искал другую работу и наконец нашел место старшего инженера на «Водоканале». Сначала вроде бы все шло нормально. Но когда я пришел, чтобы приступить к своим обязанностям, на входе мне сообщили, что был соответствующий звонок, и на работу они меня взять не могут.

Тем временем председатель садоводства в Васкелово под Ленинградом, где у нас была дача, сказал моему папе, что им нужен человек для работы в летнем магазине. «Может быть, — сказал он, — твой сын взялся бы за это дело?» Я предложил составить мне компанию своему родственнику, сыну Залмана Усвяцова Яне Усвяцову, который тоже собирался в Израиль. Он согласился. Так мы стали работниками летнего продуктового магазина: я был оформлен заведующим, а Яня — продавцом.

Директор Управления рабочего снабжения Герман Дмитриевич Жеребцов время от времени приезжал к нам на своей «Волге», смотрел, как мы работаем, проверял нас. Он говаривал: «Ребята, дорогие, а не получится ли у нас: мол, торговали — веселились, подсчитали — прослезились?» Но все шло нормально. Сезон закончился, магазин закрыли, я полностью отчитался, сдал все дела даже с небольшой прибылью.

— А строить умеешь?— как-то спросил меня Герман Дмитриевич. — Мне надо построить универсам из трех павильонов для сотрудников Метростроя на станции метро «Звездная».

— Могу.

— Ну, тогда приступай!

Мне выделили стройгруппу. И я построил три павильона шесть на десять метров, соединил их буквой «Г» в единый комплекс. С паровым отоплением. Получилось что-то вроде сельского универсама. То, что и надо было: временная торговая точка. Может, он и сегодня стоит на Звездной улице в Питере, не знаю.

Сдаю объект. А Жеребцов мне говорит:

— Все нормально; ну вот, теперь принимай! Этот магазин предлагал широкий ассортимент товаров: от крупы, колбасы, фруктов, мяса, рыбы до автомобильных покрышек и ковров. Дефицит, одним словом. Снабжение — прямо из Финляндии.

Я ему говорю:

— Герман Дмитриевич, вы же знаете, что я в «отказе»!

Он ответил:

— Ну и что, я же с тобой!

В сущности, это был «блатной» магазин. И мне это, в общем, не нравилось. Я понимал, что нельзя подвергать себя такой опасности. Я уже начал изучать иврит, ко мне тянулась родня. Когда меня вызывали на допросы в Большой дом, как правило по «еврейским делам» (например, по «делу Щаранского»), передо мной всегда перелистывали накладные, показывая, что моей работой плотно интересуются. В конце концов, проработав года два-три, я уговорил Жеребцова перевести меня из универсама в техническую группу Управления рабочего снабжения (УРС) Севзаптрансстроя. Эта организация имела статус министерства и курировала весь Северо-Западный регион СССР. Они занимались прямыми поставками. Я ездил в Архангельскую область на границу с финнами, откуда поставляли лес в Финляндию, а оттуда получали товары и продукты. Фактически все годы отказа я работал в этом учреждении.

В целом, на работе люди относились ко мне нормально, даже с симпатией. Многие знали, что я был инженером, потом попал в отказ. О моей религиозности не догадывались. Видимо, в СССР никто тогда не предполагал, что бывают религиозные евреи. Видя мою бороду, все вокруг говорили: «Ты у нас, как Фидель Кастро!» При этом моя борода никак не соотносилась с религиозностью: никто не видел религиозных евреев с бородой.

Я никогда не молился публично. Но однажды, когда мы с напарником по ремонту холодильников Олегом Дроздовым задержались на работе, я вдруг увидел, что подошло время «минхи»¹³. Мы работали в подвале какого-то магазина и не могли никуда уйти, пока ремонт не будет закончен. Я забрался в укромный уголок и начал читать «Шмоне Эсре», молитву, во время которой нельзя отвлекаться и двигаться с места. А напарник кричит мне: «Исаак, передай ключ!» Я не реагирую — не могу, пока не закончу. Когда молитва подошла к концу, вижу, он стоит рядом. «Как тебе не стыдно, почему не сказал? — говорит. — Если бы я знал, что ты молишься, разве я стал бы тебя тревожить!» Это показывает отношение ко мне, религиозному еврею, простого русского человека.

Однажды произошел курьезный случай, связанный с так называемыми «черными» субботами, которые время от времени случались в нашем городе. Шутники говорили: «Ленинград славится белыми ночами и «черными» субботами». Обычно такие дни были приурочены к ленинскому коммунистическому субботнику, который проходил повсеместно в конце апреля...

— Будешь дежурить в субботу в магазине на Московском проспекте», — однажды говорит мне мастер.

— В субботу не могу, — отвечаю. — В любой другой день, пожалуйста, отработаю.

— Нет, будешь в субботу, — настаивает он.

— Имейте в виду, я на работу не выйду.

И, конечно, не вышел.

В тот день, как назло, случилась авария, а мой напарник сделал очень большой «лехаим» и не смог ничего исправить.

В понедельник меня вызывает начальник.

— Исаак, мы тебя столько лет знаем, а ты вдруг устроил политическую забастовку!

— Какую забастовку? — спрашиваю.

— Мне сказали, что ты отказался работать по политическим соображениям.

— Это неправда. А кто вам такое сказал?

— Твой мастер.

— Так позовите мастера, давайте разберемся!

Вызывает мастера, Ивана Павловича Соловьева, майора милиции в отставке. Тот свое:

— Я ему сказал: Исаак, ты должен выйти дежурить. Он отказался. Почему, спрашиваю. Я в субботу не работаю, отвечает. На этом разговор закончился.

Начальник — ко мне:

— Так было?

— Да, было. Только одну фразу он не сказал, что я готов отработать в любой другой день.

Начальник спрашивает у мастера:

— Он так сказал?

— Да.

— Ну, тогда извинись перед ним. И я, Исаак, перед вами извиняюсь.

Перед тем как выдать разрешение на выезд, меня вызвали в ОВИР. Этот день выпал на 12 Таммуза по еврейскому календарю — День освобождения VI Любавичского Ребе из тюрьмы. Мне сказали, что я должен заново собрать все документы. Я понял, что разрешение уже близко. Пришел на работу и сказал: хочу, мол, уволиться, потому что скоро мне дадут разрешение на выезд.

— А если не дадут, что ты будешь делать? — возразил начальник.

— Значит, буду решать проблемы по мере их поступления.

— А я предлагаю тебе остаться. Мы будем вызывать тебя только в случае крайней необходимости. А если уйдешь, как будешь кормить детей?

Действительно, в течение четырех месяцев меня держали на работе, платили зарплату и за все время только два или три раза вызвали по срочному делу.

Отношение советских властей к отъезжающим за рубеж и отказникам и отношение к ним простых людей — это совсем не одно и то же. Я хочу это подчеркнуть. Я много раз видел, как к нам с симпатией относились неевреи. Особенно, когда я начал заниматься шхитой, всегда чувствовал уважение людей — как к специалисту, добросовестно выполняющему свою нелегкую работу.

ЕВРЕЙСКИЕ ПРАЗДНИКИ – ОТ ДЕЗИНФЕКЦИИ ДО ИСХОДА

Впервые за пределами нашего семейного очага я отпраздновал Хануку уже в годы отказа. Собраться вместе, организовать общий еврейский праздник — таким было единодушное желание всех наших ребят. Нам ничего не оставалось, кроме как быть вместе, держаться друг за друга. Слишком часто мы оказывались отвергнутыми не только официозом, но и «своими» евреями. Только внутри нашего сообщества мы чувствовали себя комфортно.

Шел 1975 год. Мы решили, что сможем обмануть советскую власть, отметив Хануку публично. Благо, среди нас оказалась пара недавних новобранцев. Мы попросили их заказать свадебный ужин в ресторане «Метрополь» на один из ханукальных дней. Они так и сделали. Мы предусмотрительно не стали собираться в условленном месте и двигаться на праздник большой толпой, а приходили парами, как это обычно бывает на дружеских торжествах и вечеринках. Приходим, как условились, в «Метрополь» и видим, что в ресторане работают люди в противогазах и масках с баллонами химикатов. Нам объяснили, что СЭС обнаружила микробы желтухи и проводит дезинфекцию; ресторан, стало быть, закрыт на санобработку и, соответственно, наш праздничный ужин отменяется. Мы поняли, что за нами следят. И, очевидно, это было не только в день праздника, но и на протяжении многих дней и даже месяцев.

Но мы решили все-таки не отказываться от нашей затеи и направились в ресторан в подвале, который находился на Невском проспекте напротив Дома книги. Ребята пошли вперед, чтобы договориться заранее. Но только они начали переговоры, как к администратору подошел какой-то человек, что-то ему шепнул, и нам сразу отказали. Стало ясно, что у нас кто-то прочно сидит «на хвосте».

Тогда мы решили послать вперед двух особенно бойких ребят — Сашу Чертина и Сашу Белкина, абсолютно отделив их от «основной группы». Они должны были пойти по Невскому проспекту в сторону Московского вокзала — там и в те времена было немало заведений общепита. Мы договорились, что, найдя подходящее место, один из них остается, а другой возвратится за нами, никому ничего не сообщая о своих намерениях. Только мне и еще одному парню скажет, куда нужно зайти, а мы уж встретим остальных. В результате они сняли кафе на углу Литейного и Невского проспектов — зал на втором этаже. Предупредили администрацию, что сейчас придет на ужин группа, человек пятьдесят, с поезда дружбы «Махачкала — Ленинград». Швейцару объяснили, что снято все помещение и попросили посторонних не пускать — только наших, которых мы сами покажем. Подходим к кафе, нас встречает наш «гонимый». Заходим. Вдруг замечаем, что среди нас затесался незнакомый человек, который показывает швейцару удостоверение. Наш «старший» говорит: «Этого не пускайте, он не из нашей группы!» Швейцар, надо сказать, был довольно пьян, но тут не растерялся. «Ты не Махачкала, — говорит он. — Уходи!» Мы все-таки вошли, сели за столы, даже успели что-то заказать... И вдруг гаснет свет. Заходит наряд милиции и сообщает, что по техническим причинам ресторан закрывается, просьба освободить помещение. Мы объясняем, что уже заказали кое-что и должны

оплатить. А тем временем на столах разложили приборы, ставят воду, хлеб... Нам говорят: ничего не надо, тут без вас разберутся, вы должны покинуть помещение. Но мы решили хоть одну песню спеть вместе. Положили руки друг другу на плечи и спели «Атикву». Вышли спокойно, без конфронтации с милицией. На улице рядом с кафе увидели машины: «уазики-пирожки», в которые, в случае сопротивления, могли бы нас быстро загрузить и отправить «куда следует».

Проходит пара месяцев. Урок не прошел даром. Нам удалось организовать Пуримшпиль, традиционное карнавальное представление праздника Пурим¹⁴, на который собралось полторы сотни человек. Наверное, это был первый Пуримшпиль в Ленинграде за все послевоенные годы. Думаю, что до войны, в двадцатые-тридцатые годы, еще сохранялись какие-то традиции праздника Пурим, а потом — вряд ли.

В тот день мне довелось сыграть Ахашвероша, одного из главных персонажей праздничного карнавала.

Мы даже не знали всех, кто к нам пришел. Среди гостей оказалась дочь начальника Ленинградского ОВИРа, нееврейка, со своим молодым человеком — евреем.

Сценарий был довольно острый, ведь в Пуримшпиле языком героев древности можно говорить о сегодняшней жизни. Закон чтения Свитка Эстер однозначно говорит: тот, кто слушает Мегилат и думает, что речь идет о событиях давно ушедших дней, ошибается: он еще не готов к исполнению заповеди слушать Свиток. Нужно понимать, что сегодня все еще живы Ахашверош, Мордехай и, конечно же, Аман; сегодня, в сущности, сохранена вся система, всегда готовая избавить мир от евреев. Этому нужно противостоять. Но есть только одна возможность победить зло: восстановить связь с Всевышним через Тору и ее заповеди.

После Пурима мы были особенно воодушевлены, поскольку все прошло отлично. Постановку мы готовили у нас дома в двух смежных комнатах: салоне двадцати двух метров, который был сценой и зрительным залом одновременно, и комнате десяти метров — гримерной для артистов. Прямо на выходе из маленькой комнаты стояла ширма — что-то вроде задника и кулис. Зрители смотрели это представление, стоя плотной массой, сидели друг у друга на головах и плечах.

Поскольку Пуримшпиль имел успех, нас попросили повторить программу в других местах. Вот тут мы почувствовали, что за нами пристально следят. На следующий год мы были более осторожны и никому никаких подробностей не рассказывали, называли только станцию метро, возле которой собирались на

Пуримшпиль. Все думали, что праздник будет у нас дома. Но мы решили провести его в другом месте. Чтобы как-то избежать слежки, я решил опоздать на полчаса. Со мной была моя средняя дочь Сима, еще совсем ребенок. Когда мы подошла к квартире, у дверей уже стояли милиционеры. Они попросили мой паспорт. Сказали, что документы в порядке, но пустить нас не могут. В это время моя старшая дочь Аня, которая в тот день играла роль Эстер, увидела нас в глазок и открыла дверь. Это позволило мне протолкнуть Симу в квартиру. В это время откуда-то сверху возник товарищ в штатском, встал между мной и дверью и закричал на милиционеров: как это они пропустили в квартиру ребенка! Он велел сопроводить меня в отделение. Я шел впереди, они позади. И тут начались пуримские чудеса... Только я вышел на улицу, как к подъезду подрулило такси, из которого собирался выйти мой приятель. Дальше — как в кино. Он открывает дверь машины и показывает мне, чтобы я быстрее садился. А поскольку я был на несколько метров впереди милиционеров, мгновенно вскочил в машину и уехал!

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

РАССКАЗЫВАЕТ СИМОНА МИШУЛОВИН (КОГАН)

Мы подошли к дому, где праздновали Пурим. Папа сказал, что войти туда невозможно, поскольку за домом явно следят люди в штатском. Надо подождать. Мы сели на лавочку в ближайшем сквере. Запомнила папину фразу: у чекистов развита интуиция, и когда на них смотрят даже сзади, они это чувствуют и всегда оборачиваются... Надо же: столько лет прошло, а я помню!

Через некоторое время стало ясно, что они и не думают расходиться: их становилось все больше и больше. И тогда мы решили, уловив удобный момент, когда они на минуту отвлекутся, проскочить в подъезд. Мы действовали очень быстро. Но, поднявшись на этаж, увидели на лестничной клетке человека в милицейской форме, который преградил нам дорогу: площадка была такой узкой, что своими руками он доставал от стены до стены... Пока папа выяснял, на каком основании нас не пускают в квартиру, за дверью услышали шум, приоткрыли ее и из-за милицейской спины стали показывать знаками, чтобы мы побыстрее проходили.

В квартире была моя старшая сестра Аня, которая участвовала в Пуримшпилье и пришла на репетицию заранее.

Папа меня слегка подтолкнул и, поскольку я была маленьким ребенком, мне удалось проскочить под расставленными руками милиционера. Едва я оказалась в комнате, дверь за мной закрылась. Потом папа рассказывал, что милиционер очень разозлился и сказал, что сейчас вызовет подкрепление...

Папа спустился вниз, и ему удалось быстро сесть в подъехавшую машину, тем самым избежав ареста. Мне было тогда лет шесть, но я все помню хорошо...

Правда, сам Пуримшпиль я запомнила хуже. Когда я вошла в комнату, представление уже подходило к концу...

Зато я помню праздник, который проходил за год до этого в нашей квартире: было очень много народу... Запомнилось ощущение драйва, какой обычно бывает, когда сделал что-то очень хорошее, но запретное... Когда одержал пусть небольшую, но явную победу. Это ощущение передалось всем участникам вечера. Поскольку времена были опасные, люди, которые принимали решение следовать еврейским традициям, чувствовали себя одной семьей — такое было чувство...

Сегодня, когда я сама воспитываю детей, легче сравнивать... Мне было одиннадцать лет, когда мы уехали в Израиль. Все годы учебы в СССР я чувствовала себя совершенно чужой среди своих сверстников. И дети вокруг меня не вызывали во мне особенного интереса. У нас в классе был мальчик Миша Перельман — его все дразнили, бывало, доходило и до драки... А я, Симона Коган, никогда не страдала даже от намека на антисемитизм. Просто они чувствовали, что я совершенно другая, без всяких точек соприкосновения с ними. Сейчас я вижу: гораздо лучше, когда у ребенка есть друзья, когда в школе его интересует не только учеба, но и социальная жизнь — это способствует его взрослению, его адаптации к социуму. Я же ходила в школу только для того, чтобы получать знания и отметки за них. Это была иная траектория взросления. После переезда в Израиль должно было пройти несколько лет, пока я научилась жить в коллективе... Несмотря на то что мы были лишены детского общества, сейчас мы не вспоминаем об этом с сожалением, поскольку причастность к ценностям нашего дома, особая теплота семейных отношений смогли компенсировать отчужденность от окружающего нас мира. Все, что мы делали в семье, было полно радости. В этом заслуга моих родителей.

...После Пурима мы чувствовали себя вдохновленными. А через месяц — Пейсах. Все хотят отмечать праздник вместе. Причем собраться планируют не на глазах у властей в ресторане, а в какой-нибудь заводской столовой. Но я-то

привык к тому, что Пейсах проходит совсем в другом духовном измерении, тем более во всем, что касается еды: ничего квасного не должно быть не только на столе, но и в доме. Какая уж тут заводская столовая! Ребята знали меня как инженера, но не как религиозного еврея. Я пытаюсь им объяснить: ничего квасного есть нельзя, такова заповедь, а иначе это будет уже не Пейсах, а просто вечеринка. «Ай, брось ты, Изя!», — отвечали они. Вижу, меня не понимают.

Домой пришел расстроенный, рассказываю все Софе. А сам намекаю, что надо бы дома у нас отметить праздник.

Мы уже переехали с Невского, 18 на Владимирский проспект, 3. Живем в самом центре Ленинграда.

«Может, возьмемся?» — спрашиваю. Она отвечает: «Я одна не справлюсь, если ребята-отказники мне помогут, тогда конечно!»

Мы жили в коммунальной квартире, и все пасхальные приготовления требовали особых ухищрений. Надо было готовить по ночам, чтобы соседка в это время не стряпала на кухне. Двое наших — Лева Фурман и Юлий Королин — помогали Софе в приготовлении к Сейдеру. Мы составили список тех, кто хотел прийти, оказалось сорок пять человек. Я технарь и понимал, что в двадцатиметровой комнате усадить столько людей непросто. Взял лист бумаги в клеточку и сделал план рассадки в масштабе. У меня получилось, что каждый человек должен занять отрезок в тридцать сантиметров длиной, что для наших еврейских поп не очень-то удобно. Каждый стул занимает минимум сорок два сантиметра. Я положил доски на табуретки. И понял: если мы хотим разместиться, участники Сейдера должны сесть в шахматном порядке.

Среди предполагаемых участников оказалось только две семьи, кроме нас соблюдавшие еврейские традиции: Даня и Сара Фрадкины, наши близкие друзья. Остальные были нормальными советскими евреями с нормальным советским воспитанием. Я спрашиваю Даню: «Ты можешь провести Сейдер?» Он ответил, что для такого числа людей никогда не вел пасхальное застолье, разве только для своих домашних. «Ну а я вообще никогда не вел, — ответил я, — только видел, как это делают старшие. Значит, Сейдер придется вести тебе».

Ладно, договорились.

В назначенный день все собрались вовремя. Только сели за стол, стучат в дверь. Мы уже знаем, что раз все гости на месте и кто-то еще пришел неожиданно, значит, это, как говорится, «проверка на вшивость». Открываю дверь. Стоит мальчик лет двадцати и на ломаном английском что-то мне объясняет.

Примитивный английский я кое-как понять могу: здесь, мол, должен проходить Пасхальный Сейдер, и он хочет в нем участвовать.

— Откуда вы? — спрашиваю.

— Я приехал из Англии.

— Ладно, — говорю, — проходи. Будь, что будет!

Потом выяснилось, что парень специально поменял израильский паспорт на английский — он был выходцем из Англии: в новом паспорте не было никаких израильских записей и штампов, способных привлечь внимание властей. Где-то он услышал, что у Изи Когана по такому-то адресу евреи соберутся на Пасхальный Сейдер!

Вот он-то и провел этот Сейдер по-настоящему, и великолепные пасхальные мелодии звучали весь вечер, несколько часов подряд. Мы этот праздник никогда не забудем. Софы уже нет, а я до сих пор помню. Отказники Цирюльниковы — под семьдесят им уже было — рыдали. Они вспомнили, как в тридцатых годах у бабушки праздновали Пейсах почти в полной тишине, чтобы не привлекать внимания бдительных соседей.

Но и этот наш Сейдер не остался незамеченным властями. В тот год на майские праздники едва ли не впервые были выходные с переносами — четыре дня. Накануне пришла повестка с приглашением явиться в ОВИР. Мы подумали, что после Пейсаха мы наверняка выйдем из Египта — нас отпускают в Израиль. Четыре дня ожидания! Какое было волнение: мы понимали, что сейчас должно совершиться чудо! Третьего мая звоню в ОВИР. А мне в ответ: мы вам ничего не посылали.

— Как не посылали? У меня в руках бумага!

— Это какая-то ошибка, может, другого Когана вызывали? Мы ничего не знаем и вам никаких повесток не присылали.

Но открытка-то есть: приглашение явиться третьего мая! Значит, за эти дни произошли какие-то изменения...

ВЕРНОПОДДАННЫЙ ЦАРИЦЫ СУББОТЫ

В среде отказников заново родилась традиция совместного празднования Субботы. Мы не обладали подлинными знаниями еврейского наследия, но зато у нас было желание собираться вместе. Мы зажигали свечи, пели субботние песни. Софа готовила настоящий еврейский стол с фаршированной рыбой и чолнтом¹⁵.

Однажды к нам зашел раввин из Англии реб Давид Зильберштейн с женой — помолиться вместе с нами «Каббалат Шабат». Во время субботней трапезы он спросил, молюсь ли я ежедневно? Вообще-то я знал, что молиться нужно каждый день. Но как-то так получалось, что я читал молитвы, только когда меня приглашали куда-то в миньян, обычно в праздники. Он сказал мне фразу, которая задела меня за живое: «Но ты ведь все так чувствуешь...» И больше ничего не добавил. И даже фразу не окончил... А я уже с воскресенья, после этой Субботы, стал каждый день накладывать тфилин и молиться. Сначала молитва занимала у меня около двух часов. Это неудивительно: я ивритом владел не очень хорошо. Сейчас — минут сорок. Я бесконечно благодарен реб Давиду Зильберштейну, который вот так ненавязчиво своим вопросом полностью изменил мое отношение к традиции. Потом я пытался отыскать в его Англии, не нашел, но, видимо, недостаточно усилий приложил к поискам. Ведь эта семья часто напевала еврейские песни и молитвы на аудиокассеты. У него было пятеро сыновей, которые вместе с отцом составляли хор.

СИБИРЬ. КРИВОШЕИНО

Празднования Субботы не обходились без эксцессов. И это осталось в памяти надолго, возможно, навсегда.

Шел 1979 год. Мы решили поддержать известную еврейскую активистку Иду Нудель. Сам ее арест и ссылка в Кривошеино выглядели особенно издевательски. Мы собрались вчетвером — Лева Фурман, Залман Куник, Неля Шпейзман и я. Параллельно с нами к ней приехали еще двое москвичей — Женя Цирлин и Боря Чернобыльский.

Мы хотели создать Иде человеческие условия для жизни. Приобрели дом. До этого она жила в бараке вместе с ссыльными уголовниками. Они помогали ее, и она вынуждена была спать, вооружившись ножом.

В тот наш приезд мы все дружно начали укреплять и утеплять ее дом. Наступила Суббота, мы сделали кидуш, благословение, и ребята из Москвы пошли продолжать строительство. Для меня это было неприемлемо. Я предложил всем вместе отпраздновать Субботу. Они отвечают: «Да ладно, Изя, брось, давай работать!» Они хотели сделать душевую и копали землю под фундамент. Мои друзья из Ленинграда держались, но потом не выдержали и к двум часам дня присоединились к москвичам. Я на это смотреть не мог, ушел один, бродил совершенно расстроенный по улицам Кривошеино. К вечеру пришел, сделал

«авдалу»¹⁶. Мы не разговариваем. Мне не спится. Я себе места не нахожу. Ида попыталась смягчить ситуацию, но мало что могла изменить.

В четыре часа утра я уже не спал. Я понимал, что одна из самых больших проблем, которые мы могли бы решить, — запастись Иде дров к зиме. Вокруг все было вырублено, найти дрова поблизости невозможно. Я пошел на заправочную станцию: летним утром светает рано. Вдруг подъезжает ЗИС-151 — его еще называли «утюгом»: большая трехосная машина, которая ездит по болотам.

— Ребята, выручайте, — говорю, — мне надо к зиме сестренке дрова запастись. А куда ехать, не знаю.

— Надо ехать в Истанбул, — ответили мне.

Истанбул — это деревня, где жили ссыльные крымские татары, в пятнадцати километрах езды через болота. Почему Истанбул — понятия не имею!

— Я заплачу сколько надо.

— Ну, давай тридцатник!

— Ладно, договорились!

У меня настроение сразу улучшилось — мы едем в Истанбул за дровами!

Они подвозят меня к дому в тайге. Хозяйка согласна продать дрова. Мальчишки, хозяйские дети лет четырнадцати-пятнадцати, загрузили машину, и деньги за это взяли небольшие.

Привозим дрова. Мне приятно: я один столько дров раздобыл! Ребята уже смотрят по-другому, коситься перестали. Все дружно разгружают. На строение еще улучшилось. Я спрашиваю Иду, сколько на зиму надо дров? «Кубов шесть-семь», — отвечает. Я подумал, раз уж мы здесь, что же всего на один-то год заготовливать! Можно и побольше. К двум часам управились и решили еще одну поездку сделать.

Я говорю водителям: «Ребята, может, еще одну поездку?». «Можно, конечно, но нам бы надо бутылочку на дорожку пропустить...»

Я отдал им законно заработанный тридцатник. Тогда они предложили добавить прицеп, чтобы больше дров нагрузить, — мол, поездка обойдется в те же деньги, а дров больше. Ну, прицепили. Приезжаем к той же хозяйке, а она ни в какую: говорит, что у нее больше нет дров — только для себя.

У меня была американская жвачка, две пластины остались в кармане. Я ее показываю мальчишкам, которые загружали машину. Увидев диковинку (сибирская тайга, 1979 год!), они побежали к хозяйке: «Мама, отдай все дрова, мы тебе сколько хочешь еще заготовим!» Она согласилась. Я отдал им жвачку. Они мигом забросали и машину, и прицеп...

Кривошеино — поселок в Томской области. Оттуда надо добираться теплоходом на подводных крыльях в ближайший город. Когда мы поехали обратно, билетов на Томск не было — только до Новосибирска. А в Новосибирск ехать гораздо дольше, тоже по реке, только в другом направлении, — около восьми часов. Но выбора у нас не было. И мы решили несколько лишних часов потрястись на воде.

А вот когда мы летели к Иде, самолет сделал вынужденную посадку в Томске, потому что Новосибирск не принимал.

Я говорю стюардессе:

— Нам Томск нужен, мы билеты брали до Томска.

— Но вы не сможете взять свой багаж.

— Вы только откройте люк...

Она открыла люк, мы вытащили багаж и оказались именно там, куда и хотели добраться.

Мы привыкли к чудесам, которые нам посылает Всевышний, и говорим, что нам повезло. Мол, по теории вероятности после неприятностей последует удача... Кстати, душ, который ребята делали в Субботу для Иды, оказался совершенно непригодным, хотя внешне вроде бы все было хорошо. Ребята вырыли яму, но сток воды не вывели за пределы фундамента, и вода поднималась кверху. Потом пришлось все переделывать.

Еще об одном таком случае хочу рассказать.

Ида Нудель стала замерзать в Кривошеино — поддувало под дом. Мы его купили все вместе, в складчину. Действительно, он стоял на семи ветрах. Я однажды приехал ее проведать 8 Марта. Привез ей букет гвоздик. Невозможно представить, что значат в Сибири в мартовский тридцатипятиградусный мороз эти несколько цветочков. Она поставила цветы на окне, и весь поселок ходил на них смотреть.

Итак, чтобы утеплить здание, мы приехали вместе с Яшей Рабиновичем, тоже отказником. Как говорится, оба с руками. Дело было в середине зимы, мы уехали из Ленинграда во вторник, а в четверг собирались вернуться. Мы считали, что за полтора дня успеем утеплить небольшой дом. Но оказалось, что работать зимой не так-то просто. И мы задержались. Работали день и ночь, закончили только в пять утра. Остаться на Субботу? Нет, решили, что успеем!

Мы прыгнули в автобус, который в шесть утра уходил из Кривошеино. За четыре часа он довез нас до Томска. Прямо по леднику ехали. Приезжаем в аэропорт — ленинградский самолет улетел накануне вечером. Мы знали это. И

про него даже не спрашивали. Решили лететь до Новосибирска, у нас там были знакомые. Может, и до Москвы успеем до начала Субботы. Но нам говорят, что и в Москву, и даже в Новосибирск мы прилетим только после того, как Суббота уже начнется.

Я объясняю: сегодня нам очень нужно быть в Ленинграде, помогите как-нибудь на перекладных добраться! Нам говорят, что уже двенадцать часов стоит ленинградский самолет, ему керосин не давали. Только сейчас залили, и там осталось два свободных места. Яша Рабинович не был человеком с бородой и пейсами и особенно не утруждал себя соблюдением всех заповедей... Но он на меня посмотрел и сказал: «Изя, мы должны поститься!» Поднимаемся в воздух, и тут оказывается, что керосина нам залили только до Уфы. Садимся в Уфе на дозаправку, а оттуда летим прямо в Ленинград. Приземлились в 19 часов 8 минут — как сейчас помню. И помню, что в 19.54 наступала Суббота. У нас вещей не было, я упросил стюардессу сразу после остановки самолета открыть дверь. И мы побежали. Прибегаем на стоянку такси у здания аэропорта в Пулково. Машин — просто мириады! Вижу, одно такси мигает фарами, интуитивно мы бежим к этой машине, прыгаем в нее и говорим: «На Владимирскую площадь, как можно быстрее!» И водитель, не особенно заботясь о правилах, минут за пятнадцать-двадцать со скоростью 120 километров в час долетает до места. К половине восьмого мы были уже у Технологического института, а там три минуты до Владимирской.

Я говорю: «Останови здесь, может, цветы еще успею купить жене». Дома меня уже, конечно, ни- кто не ждал. Семья смирилась с тем, что Суббота на этот раз пройдет без папы и без мужа.

УКРАИНА. НИКОЛАЕВ – ОДЕССА

Лето 1992 года. Война в Приднестровье.

Меня попросили срочно подменить внезапно заболевшего раввина Мойше Реувена Асмана и помочь отправить еврейских детей из чернобыльской зоны в Израиль. Эвакуацией еврейских детей, пострадавших после аварии в Чернобыле, ХаБад, с благословения Любавичского Ребе, занимался уже не первый год, и я в дальнейшем расскажу об этом подробнее. Но в этот раз украинские власти категорически запретили вывозить детей на отдых и реабилитацию — по каким причинам, не знаю. И тогда решили вывезти их в Молдавию, а оттуда самолетом пере- править в Израиль.

Сбор планировали в Одессе. Детей должны были привезти на базу в канун Субботы, а после ее окончания сразу перевезти автобусами в Молдавию. Мне звонят в Москву: «Изя, выручай. Кроме тебя — некому!» «Ну хорошо, я постараюсь».

Но я понятия не имел, как смогу добраться до места сбора. Утро пятницы в Москве. На Одессу сегодня никаких рейсов нет. Я посмотрел, как можно долететь до близлежащих городов. Нашел: Николаев, в 120 километрах от Одессы, ничего страшного, можно успеть, учитывая, что самолет вылетает в час дня, а лететь надо два часа. Суббота начиналась в Одессе в 20.43.

Прилетаю в Николаев. Только спускаюсь с трапа и захожу в таможенную зону аэропорта, как ко мне подходят милиционеры, проверяют паспорт и просят пройти с ними. Объясняют: мы вас должны задержать, у нас ориентировка на Когана Исаака Абрамовича, 1946 года рождения.

— Какая причина? — спрашиваю.

— Нам причину не сказали, но мы должны вас задержать.

— Это какое-то недоразумение, вечером я должен быть в Одессе.

— Но у нас такое указание. Разберемся! — Я еще не помолился, — говорю, — буду молиться у вас.

— Пожалуйста, молитесь, делайте что хотите.

Проходит час, два, время уже подходит к шести часам. Я хорошо помолился, у меня было боевое настроение. Когда помолишься с чувством, с толком, понимаешь, что ничто не может тебя удержать.

— Ребята, — говорю я им, — еще немного, и я с вами всю Субботу буду сидеть.

— Ну, будешь нас развлекать, — отвечают.

В семь часов вечера подходит ко мне старший: «Извиняемся, произошла ошибка, вы свободны».

В 19.10 я еще в Николаеве, а в 20.43 должен быть в Одессе! Выскакиваю на площадь перед аэропортом. Никого нет, только стоит какой-то старинный автомобиль. Подбегаю:

— Мне нужно быть в Одессе по такому-то адресу, денег дам сколько хочешь!

— Нет, — отвечает, — в Одессу не повезу, я довезу тебя только до поста ГАИ, обещаю, что через час десять минут ты там будешь, а дальше ищи кого хочешь.

— Ладно, полетели!

Я разработал такой план: когда доедем до поста ГАИ, у меня останется еще полчаса; надо договориться с милиционерами о машине с «мигалкой» и сиреной,

чтобы успеть доехать за это время до базы. Подлетаем к посту, я бегу наверх и прошу инспектора за любые деньги срочно доставить по такому-то адресу на спец-машине. Он отвечает:

— Да я бы с удовольствием, но машины нет, уехала на разборку, сами видите!

А я и не заметил — машины и в самом деле не было. Спускаюсь вниз, водитель меня ждет. Едем в город до первого такси...

Таксисту объясняю:

— Делай что хочешь, но доехать надо вовремя!

Оказалось, нам нужно совсем в другую часть города. Вижу, остаются минуты. Не успеваем.

— Слушай, командир, — говорю, — такое дело: для меня Суббота важнее всего. Она наступает 20.43. В 20.42 я выйду из машины, у тебя остаются все мои вещи и деньги. Ты едешь впереди, ведешь меня, а я иду за тобой...

Мне пришлось пройти пешком двадцать два километра, я шел три с половиной часа. Но у меня не было выбора. Когда меня увидел тамошний руководитель программы, он сказал: «Я знал, что Изя доберется, даже сомнений у меня не было!»

Наконец мы подъехали, но я даже вещи не могу унести. Говорю таксисту:

— Занеси вещи и возьми денег сколько нужно. Он поражен:

— Батя, да что с тобой? Дай мне деньги сам!

— Не могу дотрагиваться до денег, — отвечаю ему. — Возьми сам сколько хочешь.

Он взял сорок рублей. Тогда это были совсем небольшие деньги.

Когда Суббота закончилась, мы погрузили детей в автобусы, чтобы ехать в Кишиневский аэропорт. Подъезжаем к Тирасполю. Во время войны в Приднестровье за городом проходила линия фронта. Нас останавливают автоматчики:

— Куда едете ночью с детьми?

— Понимаешь, — отвечаю, — это чернобыльские дети, им в летнее время нельзя передвигаться днем. Солнечная радиация слишком высокая, а они и без того много ее получили, поэтому мы их везем ночью.

— Нужно предупредить по радиации посты, иначе вас обстреляют!

Они сообщили, что едет автобус с детьми, и нас пропустили. Прилетел самолет авиакомпании «Эль Аль» и увез детей в Израиль. А я вернулся в Москву.

Эта история имеет неожиданное продолжение.

В 1999 году, когда в синагоге была заложена бомба, у нас побывало много сотрудников из ФСБ. Ко мне подходит один из них, в довольно высоком чине офицер: «Исаак Абрамович, вы меня, конечно, не помните, но я очень хорошо запомнил, как вы три с половиной часа шли по Одессе за машиной».

Они всю дорогу за мной следили...

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Мы должны рассказывать правду о происшедших событиях. Если мы будем преувеличивать, исказить истину, это может обернуться против нас — нам перестанут верить...

В Ленинграде власти серьезных силовых санкций к нам не применяли, но иногда предпринимались попытки нас запугать. Случались и нападения. Я сам был свидетелем и участником таких инцидентов. Однажды мы расходились по домам после свадьбы Юлия Королина. Но вначале решили все вместе проводить известных отказников Виктора и Еву Елистратовых, приехавших к нам из Москвы. Видимо, власти решили устроить провокацию. Неподдалеку от моего дома я увидел стоящих в подворотне людей. Меня это сразу насторожило. И вдруг, когда мы проходили мимо, здоровенный бугай со всей силой толкнул Виктора плечом. У того естественное желание — ответить. Тем более что шел он с женщиной. Те, в подворотне, готовые устроить стычку, только этого и ждали. Разумеется, нашлись бы свидетели, что мы первые начали. Краем глаза я увидел в переулке милицейскую машину, чтобы в случае инцидента быстро погрузить и увезти нас. Я крикнул: «Витя, это провокация!» Так я подумал тогда — я не знал точно. Но как только я сказал о провокации, так тут же все растворилось прямо на глазах: люди исчезли из подворотни, машина уехала. Мы пошли спокойно дальше. Если бы они имели какой-то определенный приказ, все закончилось бы нашим избением и арестом. Но это было лишь попыткой вызвать нас на конфронтацию.

ЗАПРЕТНЫЙ ФУТБОЛ

В отказе родилось желание по возможности определенно выразить наше еврейское самосознание. Правда, не всегда это получалось адекватно. Не зря я рассказал о Хануке, которую мы пытались отпраздновать в городском ресторане, или о Пейсахе, который ребята хотели устроить в заводской столовой. Мы еще не были способны наполнить подлинно еврейским содержанием нашу жизнь, мы еще

не знали, как это сделать. Но со временем набирались опыта и умения. С детства моими наставниками были друзья деда, не побоявшиеся обучать меня еврейской традиции, другие отказники больше интересовались историческими или культурологическими аспектами еврейского образования. Когда мы собирались вместе, формировалось настоящее еврейское общество со всеми присущими ему сферами интересов. Это духовное единение было особенно приятно, ведь так или иначе мы все планировали вести традиционный образ жизни в Израиле. Никто никому ничего не навязывал — что можно есть в Субботу, а чего нельзя. Все понимали: существуют разные уровни постижения еврейской духовности.

Одним из объединяющих факторов нашей жизни стало создание двух футбольных команд, которые мы назвали «Шалом» и «Иерушалаим». Мы были молоды. Мне не было и тридцати. В этом возрасте многие профессиональные футболисты еще участвуют в чемпионатах. Правда, футбол не был моей стихией, я больше любил большой теннис. Но в футбол играл с радостью. Мы облюбовали стадион в районе моста Александра Невского, в конце Невского проспекта. Собирались по воскресеньям, когда поле было свободно. В командах определились два капитана — Саша Чертин и Саша Белкин. Я о них говорил: бойкие были парни...

В итоге мы провели около десятка матчей. Я участвовал во всех. Я был голкипером, поскольку умел смело бросаться в ноги нападающим, хватал мяч и без страха накрывал его.

Но, начиная с третьей или четвертой игры, вдруг по очереди стали забирать в милицию капитанов команд: непосредственно перед игрой их просто останавливали и задерживали до выяснения каких-то незначительных вопросов, а потом отпускали. Но мы все равно проводили игры, нас это не останавливало. Пока однажды зимой поле, на котором мы играли, не перепахали трактором! Мы были неуютны властям, которые совсем не планировали возрождение молодежной религиозной общины в Ленинграде в 70-х годах. Они думали, что давно покончили с еврейской религией. И вдруг появляется не один и не два человека, а целая плеяда молодых людей, как говорится, полностью в своем уме, которые не только приходят молиться сами, но и привлекают других.

Но в отказе я понял главное: отнюдь не от властей зависит, когда мы все уедем, а от Того, Кто сотворил этот мир. Выходит, мы что-то здесь не доделали, и Он отсюда нас не отпускает. Я стал смотреть вокруг: можем ли мы возродить что-то из того, что сделал мой дедушка, столько сил вложивший в поддержку

еврейской жизни Ленинграда? И я обнаружил микву, которую он построил в синагоге.

Еще в 1938 году закрыли микву в частном доме Раскиных, а хозяев впоследствии расстреляли. Есть документ, который свидетельствует, что к Раскину придрались якобы из-за несоблюдения санитарных норм, при том, что в присутствии комиссии он демонстративно выпил кружку воды прямо из миквы. Потом, когда помещение передавали обществу «Спартак», в сопроводительных бумагах говорилось, что в здании имеется бассейн, где никаких микробов не обнаружено.

Что это? Фальшь! Двойные стандарты советской власти!

С тех пор миквы в Ленинграде не было, пока в 1946 году дедушка не построил ее под Ленинградской синагогой, в подвале.

В 1974 году я обнаружил микву в полном запустении, с плесенью на стенах, но женщины вынуждены были пользоваться и такой. Я рассказал об этом ребятам — почти никто из них даже не знал, что такое миква. Ведь этот столь важный атрибут еврейской жизни, предназначенный для ритуального интимного пользования, скрыт от глаз. Меня с детства водили в микву друзья деда, и я, маленький, плескался там с большим удовольствием. Потом, когда учился в школе и после, в институте, я в микву не ходил.

Я сказал ребятам: «Вот с этого мы и начнем!» И миква стала первой ласточкой общественной деятельности нашей отказной ленинградской группы. Моей старшей дочери Ане было тогда лет пять, и она до сих пор помнит, как красила там скамейки.

Еврейская религиозная жизнь, казалось, угасшая навсегда, вдруг возникла вновь и нарастала как снежный ком. Сотни, может быть, тысячи людей объединились — не только отказники. Люди начали понимать, что кроме «морального кодекса строителя коммунизма» есть еще духовные ценности, личные и национальные, глубоко пронизывающие душу.

Власти сделали все возможное, чтобы мы вообще в синагоге не молились. Но это было позже. А вот миквой, после того как мы ее восстановили, разрешили пользоваться только два дня в неделю: в понедельник и четверг. Это абсолютно не соответствовало требованиям еврейского закона, потому что женщинам в определенный период миква нужна во всякий день недели: они не могут отложить ее на потом.

Возникла критическая ситуация: у одной нашей молодой пары была хупа, и мне ничего не оставалось, как взять в руки монтировку, чтобы сломать замок на

входной двери. Решил: будь что будет. У двери стоял охранник с собакой. Он предупредил: «Начнешь ломать — спущу пса». Я ему объясняю: «У меня нет другого выхода». И тут же сказал своей жене, которая сопровождала невесту: «Как только вскрою дверь, быстро заходите, ни на что не обращая внимания!» Вдруг меня отталкивает человек в робе, достает ключ, открывает дверь и входит в помещение. Оказалось, пришел сантехник что-то там починить. Я говорю женщинам: «Быстро заходите, а я вас прикрою!» И услышал, как охранник звонит главе общины: «Что делать, туда проникли!» Но собаку не спускал. И невеста все-таки окунулась в микву.

Я рассказал эту историю реб Рефоэлу. Что нам делать? Не могу же я каждый раз стоять у двери с монтировкой, не зная, чем дело кончится.

«Ни в коем случае, — ответил он, — вас вызывают на провокацию, чтобы потом сказать, что этим молодым никакая религия не нужна; просто хулиганы хотят разрушить то небольшое, что осталось у стариков. Сделайте так: соберите женщин — и тех, что ходят в микву, и тех, что не ходят; пусть они пойдут к раввину Ленинградской синагоги Левитасу и спросят, как его жена умудряется пользоваться миквой только в понедельник и четверг...»

Так мы и сделали. Софа мне потом рассказывала, что собралось около пятнадцати женщин, большинство из которых миквой не пользовались, но они-то и были самыми голосистыми. «Как можно пользоваться миквой только в понедельник и четверг?» — спросили они. Раввин был в растерянности. Этой внезапной атаки он не ожидал. И власти не ожидали, что женщины выйдут с религиозными требованиями. Раввин сказал, что миква, конечно, должна работать каждый день. С этого дня она работала ежедневно.

«НИЧЕГО НЕ БОЙСЯ, КОГДА ВЫЙДЕШЬ НА ВОЙНУ»

Я уже рассказывал о своем учителе реб Авроме Аба Эздрине, шамесе в синагоге, который близко знал нашу семью и очень уважал ее. Он всегда предупреждал меня, что можно делать, что нельзя. Но все равно я делал больше, чем он советовал.

Трапезы в синагоге были запрещены. Но третья субботняя трапеза обязательно должна проходить в синагоге — таков обычай — между молитвами «минха» и «маарив». За это время просто невозможно успеть сходить домой, поесть и вернуться обратно. И поэтому обязательно нужно что-то съесть в синагоге. Реб Авром Аба на сковородке пек печенье «лекех» — это было что-то!

Разрешали разлить только одного «малыша» — «четвертинку», а на закуску — селедку и черный хлеб. Все! Это регламентировалось властями.

Потом дело дошло до того, что нас просто выгнали из маленькой синагоги во дворе — «хабадницы», как ее называли, в которой мы обосновались, и фактически заставили молиться в Большой синагоге. Они знали, что все равно в Субботу мы там молиться не будем, потому что в зале установлены микрофоны. А в Субботу, по закону, молиться с микрофонами нельзя. Нас буквально вытесняли из общины. И в конце концов мы организовали синагогу у нас дома. Я просто не видел другого выхода.

Но чтобы дома открыть синагогу, нужен Свиток Торы. Сейчас с этим нет проблем: в любой момент можно привезти из Израиля. Состоятельные люди дают на это деньги. А тогда Свиток Торы — это нечто невообразимое: стоил он дорого, и достать его было просто нереально! Можно попытаться добыть его в каком-то подпольном миньяне, но и там Свиток обычно был только в одном экземпляре. К счастью, такой миньян мы обнаружили в доме у семьи Ромм, которая уезжала в Израиль. Они готовы были продать свой Свиток за три тысячи рублей. Когда им сказали, что он нужен для миньяна Изи Когана, они были готовы уступить, но все равно меньше чем за две тысячи отдать не соглашались. Это были большие деньги. У меня двух тысяч не было, у меня было только пятьсот рублей, которые я мог бы на это потратить. Я отправился к маме и попросил ее одолжить мне полторы тысячи. Когда я объяснил ей, что мы хотим купить Свиток Торы и собрать миньян дома, она заплакала.

«Когда из дома уносят Свиток Торы, — сказала мама, — это ощущаешь так же, как если бы арестовали родного человека. Я видела это не раз. Власти приходят, забирают Свиток, закрывают миньян. Это так страшно... Человека уводят. Все плачут...»

Видя ее состояние, я решил посоветоваться с реб Рефоэлом. К этому времени он уже посмотрел Свиток, и реб Авром Медалье тоже посмотрел. Оба сказали, что Свиток хороший, им можно пользоваться. Я рассказываю реб Рефоэлу про мамину реакцию, но он молчит. Я знаю, раз он молчит, значит, не согласен. И понял, что надо Свиток брать. Я долго объяснял маме, что мы живем в другое время, что официально подали документы на выезд, что репрессии теперь не носят такого страшного характера, как это было прежде. Вроде, убедил...

Мы взяли Свиток и стали молиться каждую Субботу. Шел 1979 год. К нам приходили двенадцать, пятнадцать, иногда двадцать человек. Все, вроде бы, шло

хорошо. Но у меня было какое-то тяжелое предчувствие, и я решил Свиток проверить еще раз.

Перед праздником Рош а-Шана в Ленинград приехал квалифицированный специалист из Лейквудской ешивы в США реб Давид Кац и пришел к нам на субботнюю молитву. Я попросил его просмотреть Свиток. И он обнаружил ошибку в пятой книге Торы «Дварим», в главе «Шофтим»¹⁷. Там сказано: когда выйдешь на войну, ничего не бойся. Однако в одном из слов вместо буквы «алеф» написана буква «айн». Звучание одинаковое, но смысл совершенно другой, его можно передать так: в твои бедра ушло твое сердце. Иными словами, по-русски: душа в пятки ушла. Свиток, в котором даже одна буква написана неправильно, использовать нельзя, его надо исправлять. А тем более это недопустимо, если ошибка радикально меняет смысл.

Реб Давид стал смотреть дальше, но никаких ошибок больше не нашел. А закон такой: если в Свитке трех ошибок не найдено, значит, можно его исправить, но если найдено больше трех ошибок, его надо полностью проверить. Но исправить собственноручно он не мог: для этого нужен специалист. Ни в Москве, ни в Ленинграде такого специалиста не было. Реб Давид Кац пообещал прислать своего товарища, сойфера, обладающего не только необходимыми навыками и полномочиями, но и специальными чернилами, птичьим пером и другими важными атрибутами работы со свитками.

Через две-три недели поздно вечером кто-то постучался к нам в квартиру. Я открыл дверь. Передо мной стоял невысокого роста худенький человек в сопровождении женщины. Говорит, что от Давида Каца — приехал исправить Тору. Он хочет оставить жену и вещи в моей квартире и вместе со мной как можно скорее ехать в микву. Завтра утром он должен улететь. Но миква работает только до девяти часов вечера, а потом спускают собак и никого не пускают. Сойфер категорически отказался притрагиваться к Торе, не окунувшись в микву. Мы принялись его уговаривать, его жена нас поддержала. Мол, евреи опять останутся без Свитка Торы — для чего же тогда приезжали в Ленинград! Уговорили с огромным трудом! И он сел за стол и принялся вычищать эту букву «айн». Но она стоит намертво — не поддается. Я ничего понять не могу, хоть и сделал за свою жизнь множество чертежей! Сойферу никак не удастся с ней совладать. Тогда я спрашиваю: можно попробовать мне? У основания буквы «айн» есть утолщение. Я беру ножичек, подцепляю его, и буква сразу вся отлетает. Я стал писать на бумажке букву «алеф» таким же шрифтом и такого же размера, как в Свитке. Что меня сподвигло взять листок бумаги и написать букву

также, как это делал он,— не знаю. Он заглядывает в мой листок и спрашивает, был ли я сегодня в микве. «Был», — отвечаю. «Вот ты и будешь писать, а я посмотрю». Под наблюдением сойфера может писать любой соблюдающий закон еврей.

Ну, я, конечно, исписал целый лист буквами «алеф». У меня получалось вполне нормально. Прежде чем начать писать в Свитке, я помыл руки, надел капот, подпоясался гартлом¹⁸. У меня все тряслось внутри, но рука были твердой. И я написал букву «алеф». Позвали женщин посмотреть, не заметно ли исправление. Все было нормально. Поздно ночью, пока сохли чернила, мы в тишине танцевали вокруг Торы — двое мужчин, за которыми наблюдали две женщины. Свиток ожил. Ему было около ста лет...

Его долгие годы читали евреи. И я подумал, что, может, страх, который они испытывали, был как-то связан с этой буквой «айн» в недельной главе «Шофтим» книги «Дварим». Поэтому они так боялись советской власти, арестов, погромов, вообще всего, что сопровождало их жизнь. А нам предстоит перестать бояться. «Ничего не бойся, когда выйдешь на войну». Для меня эти слова стали опорой, которая помогла мне никогда ничего не бояться. Особое ощущение, когда тебе сказали Сверху: «Ничего не бойся», — это придает силы. Для нас это стало по-настоящему волнующим, воодушевляющим событием.

Когда пришло время уезжать из Советского Союза, я спросил у своего учителя реб Рефоэла: могу ли я забрать этот Свиток в Израиль или надо его оставить здесь? «Если бы вы спросили меня десять лет назад, — ответил он, — я бы сказал: забирайте и уезжайте. Но сейчас, когда столько людей, связанных с этим Свитком, годами приближались с его помощью к Всевышнему, его надо оставить здесь». И Свиток остался в России, в родительском доме, и там продолжал собираться миньян — мой брат Давид принял эстафету. Когда я позвонил из Израиля в Москву нашим ребятам и спросил, как идут дела, они мне ответили, что все в порядке, поскольку с ними Свиток Торы, который велит им ничего не бояться.

Для меня этот Свиток имеет особую важность.

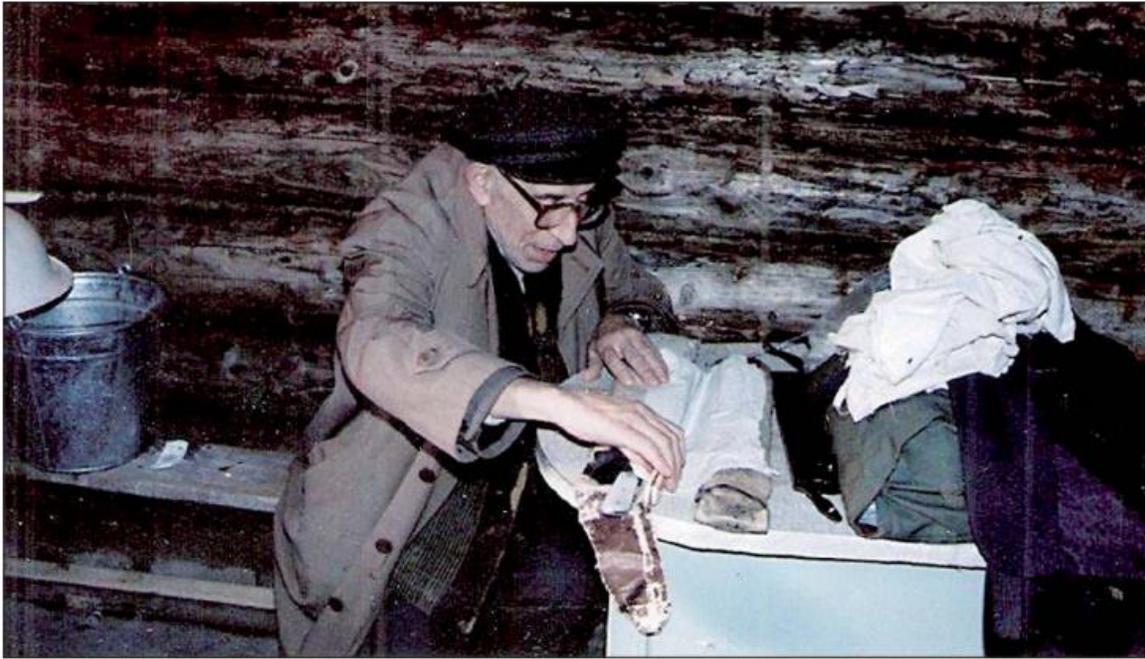
С ним мы освобождали синагогу на Большой Бронной в 1991 году. А недавно мы внесли его в синагогу Севен Севенти в Раменском, я его подарил синагоге в память о своем отце. Слава Б-гу, память о нем жива: только что сделали обрезание моему внуку, который носит его имя, — Авраам. Он тоже коэн. Папа гордился своим достоинством коэна, и мама гордилась тем, что она жена коэна, и дети ее — коаним.

И. Коган. Проверка инструмента — халефа. 2000 год. Раменское Московской области

Реб Мотл Лившиц и Ицхак Коган. 1998 год. Нью-Йорк

Реб Рефозл Нимотин в русской бане проверяет халеф — ножи для шхиты. 1980 год

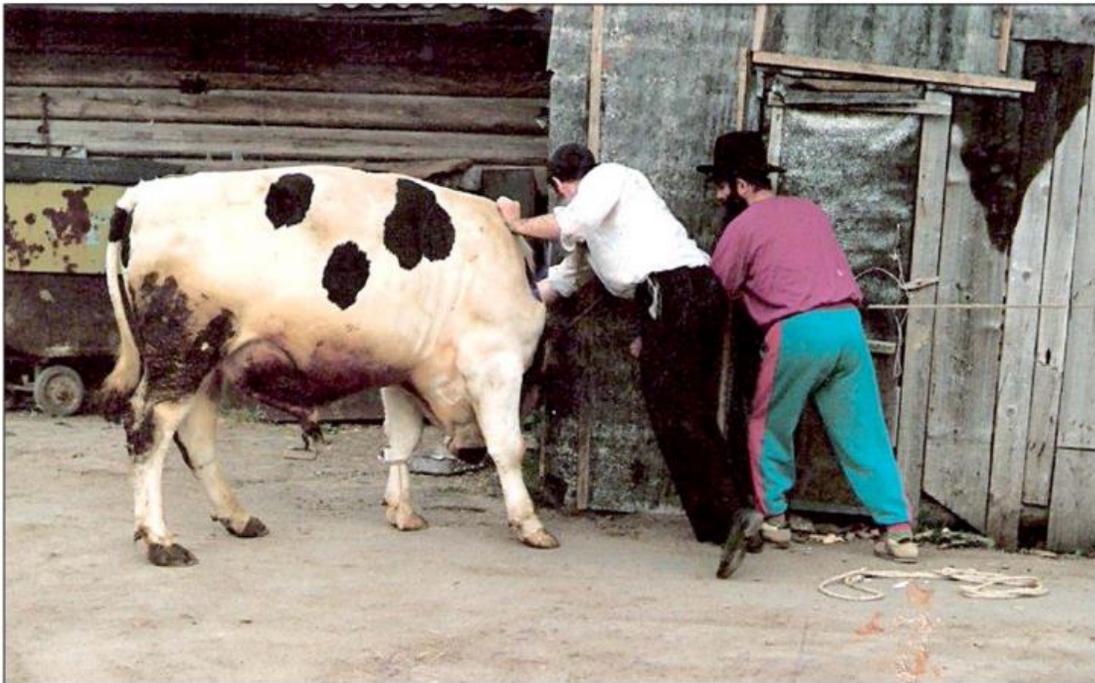
Проверка легкого у быка.
Раменское. 1998 год

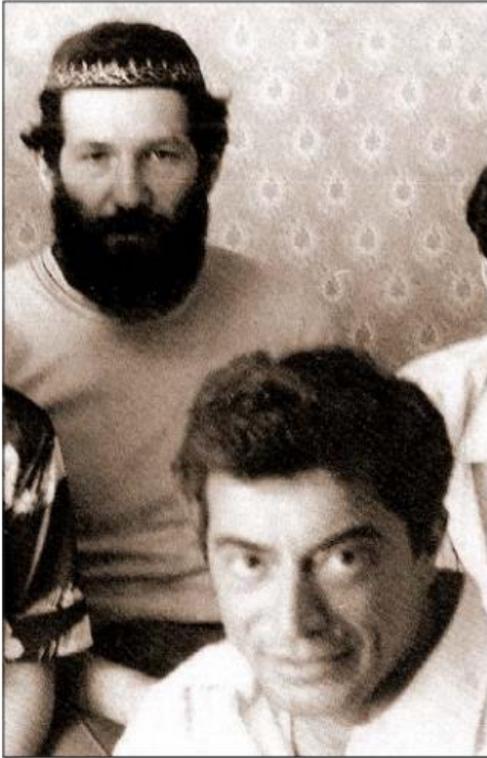
Проверка инструмента.
Иосиф Коган. 2002 год. Москва

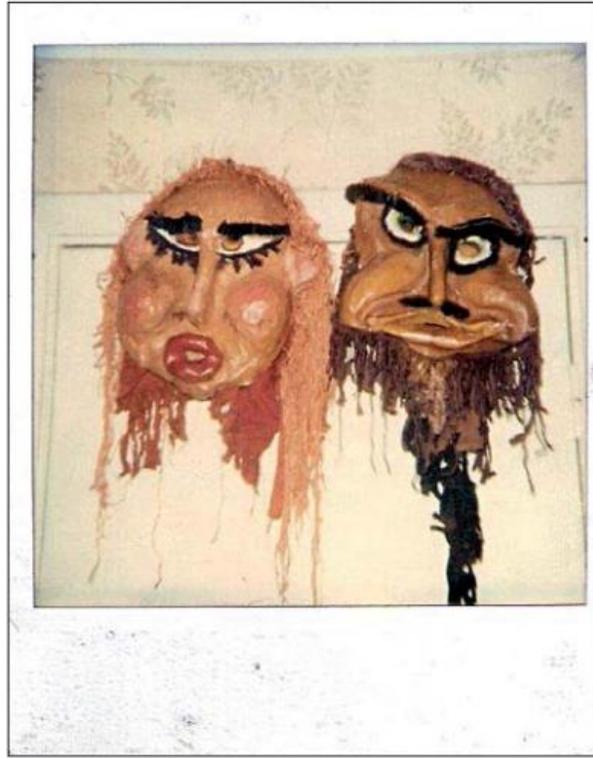
Кошерный цех Раменского мясокомбината. 2008 г. (слева направо)
Нисон Баер, директор мясокомбината, Менахем Гликин, главный технолог
кошерного производства, Ицхак Коган и инженер-консультант из Франции

Подготовка быка к шхите. 1980 год. Ленинградская область, село Черемыкино

Ицхак Коган и Яков Рабинович.
1980 год

Маски Пуримшпиля. 1977 год. Ленинград

Отказник

СВОЙ СРЕДИ СВОИХ

Менделевич — на свободе!

Рассказ о моих годах в отказе и вообще о моем становлении как человека, способного влиять на жизнь общины, не будет полным, если не упомянуть людей, которые посвятили свою жизнь борьбе за выезд в Израиль. Зачастую эти люди были далеки от еврейских законов и традиции, но само желание уехать и помочь другим не имело границ. В 1970 году на моих глазах произошла попытка угона самолета группой еврейских активистов.

Несколько человек, отчаявшись получить разрешение на выезд в Израиль, решили угнать самолет на аэродроме города Приозерск Ленинградской области, чтобы затем перелететь границу и посадить его в Швеции, устроить там пресс-конференцию и привлечь внимание мировой общественности к положению с

правами человека в СССР. В декабре прошел суд над «самолетчиками». Многие из них получили большие сроки тюремного заключения. Однако к 1980 году большинство осужденных по «самолетному делу» были освобождены. Из евреев в тюрьме оставался только Иосиф Менделевич. И еще двое неевреев — Юрий Мурженко и Алексей Федоров. Ни с кем из участников «самолетного процесса» я не был знаком лично.

В конце 1980 года на Хануку в Ленинград приехал посланник Любавичского Ребе Дов Бер Леви. Снимая разговор на кинокамеру, он обратился ко мне с вопросом: не хочу ли я попросить благословения Ребе. Я подумал: почему, собственно, я должен просить за себя? Я нахожусь в нормальных условиях, живу в Ленинграде, не голодаю, делаю что могу. И я решил, что должен просить за узников Сиона. И таким узником, несомненно, был Иосиф Менделевич, все еще остававшийся в заключении как один из фигурантов «самолетного процесса». Конечно, в тюрьме сидел не только он: в заключении находились и Ида Нудель, и Иосиф Бегун, и Натан Щаранский. Но в деле Менделевича чувствовалась какая-то особенная несправедливость. Более того, в сентябре 1980 года перед праздником Рош а-Шана тюремщики отобрали у Менделевича все еврейские религиозные атрибуты: талит катан, который он сделал, Сидур, который он сам написал, словарь из тринадцати тысяч слов, который он составил в тюрьме. Менделевич объявил голодовку. И больше никакой информации о нем не было. Всякие попытки что-либо узнать не давали никакого результата. Возникли серьезные опасения за его жизнь. И я решил, что буду просить у Ребе за Иосифа Менделевича. На камеру это имя произносить я опасался и сказал просто: Ребе, я прошу благословения на то, чтобы узники Сиона были освобождены, при этом имея в виду именно Менделевича.

Прошло пару месяцев. Это было, как сейчас помню, 18 февраля, по еврейскому календарю Пурим катан, который приходится на високосные годы. Я вернулся с работы, помолился «минху», потом стал ловить «Би-би-си», единственную радиостанцию, где передавали новости в 18 часов. И слышу в новостях, что на сегодняшний день в Чистопольской тюрьме остались только два заключенных, осужденных по «самолетному процессу»: Мурженко и Федоров. У меня сердце упало: значит, что-то случилось. Но следующая фраза оказалась куда более оптимистичной: сегодня был освобожден Иосиф Менделевич, который уже находится в самолете по пути в Израиль.

С тех пор я никогда больше не проверял силы благословения Ребе!

Море волнения и радости! Даже когда я получил разрешение на выезд, не был так взволнован, как в тот момент. После отказа наш домашний телефон отключили, и поэтому, несмотря на сильнейший мороз, я выскочил на улицу в телефон-автомат. Звоню Софе, кричу в трубку: «Менделевича выпустили на свободу!» Сообщил сразу Иде Нудель — позвонил в Кривошеино, где она отбывала ссылку, ее вызвали на почту: «Иосиф уже в дороге!» Вечером радиостанция «Коль Исраэль» сообщила, что он прибыл в Израиль.

Через несколько лет Иосиф Менделевич был первым, кто встретил меня в Израиле. Он мне вручил Хитас — набор священных еврейских книг: Тора, Псалмы, Книга Тания, молитвы. Подарил, даже не дав мне сойти с трапа самолета.

Для полноты картины надо добавить, что на протяжении всех лет в отказе через меня, а иногда, по-видимому, еще через кого-то, Ребе ежегодно передавал Менделевичу мацу на Пейсах. Мне привозили ее в Ленинград гости из-за рубежа, я отвозил на поезде в Ригу, прямо у вагона меня встречали и забирали посылку, а я тут же разворачивался и уезжал восвояси, чтобы не светиться. Я своими глазами видел, как Ребе заботился о том, чтобы заключенный Менделевич получал мацу к празднику Пейсах. Но только сейчас стало ясно, что Ребе заботился о Менделевиче постоянно. Когда я послал ему фрагмент черновой рукописи этой книги с рассказом о нем, Иосиф был необыкновенно растроган. И он мне прислал ответ, где говорится о том, что теперь он понял: Ребе был рядом с ним на протяжении всех лет его заключения.

Как он это узнал?

Когда Менделевич освободился, его посадили в самолет и привезли в аэропорт Вены; его встретил представитель Еврейского агентства («Сохнут») и спросил: «Что бы вы хотели сделать прямо сейчас, в первую очередь?» Он ответил: «Пока еще дневное время, я хотел бы наложить тфилин». Стоявший рядом глава Всемирного Еврейского конгресса Исраэль Зингер, который приехал встретить вырвавшегося на свободу узника, неожиданно ответил: «Ребе позаботился о вас. Когда я узнал, что вы прилетаете, я позвонил Ребе и спросил, что можно привезти Менделевичу. И Ребе мне ответил: купите для него тфилин. Вот они...»

Менделевич также сообщил мне, что в тот день Хануки, когда я попросил для него благословение Ребе, ему вернули книги и молитвенные принадлежности, которые прежде у него изъяли. Все это с очевидностью показывает, что за каждым евреем стоит Ребе. Просто на примере Иосифа Менделевича это видно особенно ясно.

И НЕВОЗМОЖНОЕ – ВОЗМОЖНО

В 1984 году в Одессе посадили на три года молодого человека Якова Левина «за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй» — так это обычно формулировали. Что послужило поводом к этому, все знали: в Пуримшпиле он сыграл роль Амана, сделав акцент на идее противостояния евреев, желающих уехать в Израиль, и властей, которые пытались им помешать. Ему намекали, что это не пройдет безнаказанно. И в результате за две недели до его свадьбы с Эдкой Непомнящей его арестовали. За Якова пытался вступиться будущий тесть. Но его тоже арестовали и посадили в тюрьму на три года. Надо сказать, что еще до этих событий в Одессе произошло несколько случаев избиений активистов движения отказников. И вообще действия одесских властей в отношении тех, кто собирался уехать в Израиль, а также преподавателей и учеников иврита, были особенно жесткими.

В том же году, через пару месяцев после того как все это случилось, у моего ученика Давида Шехтера родился мальчик. Вообще правило такое: если есть «желтушка», нельзя делать обрезание на восьмой день, если же нет — делать надо. Давид позвонил в Ленинград во вторник и пригласил нас в четверг делать обрезание.

— Как же в четверг?— спрашиваю его. — Если все хорошо, надо делать в среду — на восьмой день, а не через восемь дней. Ты неправильно посчитал.

— Но как же вы к нам попадете?

— Постараемся, — ответил я.

Я побежал к Раши Абаеву, моэлю. Сам я обрезания не делал.

У нас дома в ванне жила индейка. Я не решался ее порезать, потому что у нее была ранка. Решил: пускай заживет сначала. После разговора с Давидом я сразу ее порезал и попросил Софу приготовить на праздник брит-милы в Одессе. Когда мы уезжали, индейка уже была готова и завернута в целлофан, так мы и привезли ее к Шехтеру.

Раши я застал в постели — был уже двенадцатый час ночи. Я ему объяснил, что надо срочно ехать в Одессу.

— Вряд ли я смогу сегодня уехать, — ответил он. — Недавно порезал корову и не знаю, можно ли считать ее кошерной. Надо спросить у реб Хедекеля.

— Ну, поехали, — говорю, — я на машине.

А ехать надо обязательно, потому что если мясо все-таки окажется кошерным, его нельзя просто так бросить — это большой убыток.

Мы помчались к реб Хедекелю, разбудили его. Вопрос Раши касался печени, очень черной.

Реб Хедекель осмотрел печень и решил, что мясо этой коровы «не для нас». Сразу же отпали многие вопросы. Мы вернулись домой к Раши. Он собрал чемоданчик с инструментами, и мы помчались в аэропорт. Мы знали, что в пять часов утра улетает самолет на Одессу. Однако ни одного билета на этот рейс не осталось. А Раши — парень пробивной. Он зашел в кассовое помещение и о чем-то переговорил с кассиршами. «Мы полетим в Кишинев», — сказал он, вернувшись.

От Кишинева до Одессы — 150 километров. Рейс в восемь часов утра, в десять мы уже были в Кишиневе. Нам нужно попасть в Одессу как можно раньше: ноябрь, дни короткие — надо успеть сделать обрезание до темноты.

Мы выходим из здания аэропорта, на стоянке полно такси. Выбор большой. И тут к нам подходит безногий инвалид на костылях.

— Я вас быстрее всех довезу, — сказал он. — Всего за час сорок.

За час сорок — 150 километров!

— А сколько ты хочешь? — спрашиваем.

— Сто двадцать рублей.

Ну, это приблизительно столько же, сколько у всех. Между прочим, большие деньги по тем временам! Билет до Кишинева стоил тридцать рублей, мы долетели из Ленинграда за шестьдесят рублей вдвоем.

— Ладно. Готов заплатить сто двадцать рублей, — отвечаю, — но только чтобы через час сорок минут мы были в Одессе вот по этому адресу.

— Обижаешь, — говорит он. — За это время мы доедем только до центральной автобусной станции, я Одессу плохо знаю. Но поскольку я инвалид, возьму вам такси без очереди, и вас быстро довезут по адресу.

В душе я не верил, что этот человек без ног, на машине с ручным управлением преодолет такое расстояние за время, которое, впрочем, назвал он сам. Правда, он был на «Жигулях» последней модели. Но все же!

Мы согласились. Только попросили его остановиться у колодца, чтобы помыть руки и помолиться. Разумеется, договорились, что остановка в счет времени не войдет. Мы вышли из машины, сделали «натилат ядаим» — омовение рук, сказали утренние благословения — надо же было начинать день! В машине он нам говорит: вот так и надо — начинать утро с молитвы. Одобрил!

И мы поехали. Вместо дороги Кишинев – Одесса наш водитель буквально по вспаханым полям перемахнул на шоссе Ужгород – Одесса. Оказалось, что это абсолютно свободная прямая трасса. И действительно, за час сорок он довез нас до центральной автобусной станции. Потом, как и обещал, взял такси и отправил нас дальше.

Мы приехали вовремя, и нас, конечно, никто не ждал. Давид сказал, что этого просто не может быть. И еще сказал, что в одесском аэропорту всех, кто приезжает из Москвы или Ленинграда, задерживали. Очевидно, власти не хотели допустить контакта между евреями этих городов и Одессы. Отсутствие билетов на одесский рейс спасло нас от задержания, а то и ареста.

Давид посетовал: у них дома ничего не приготовлено, чтобы отпраздновать брит-милу. Я его успокоил: вино и индейку я привез сам. Давид определил меня сандаком¹⁹. Мальчика назвали Иммануэль, что означает «с нами Всевышний». В такие тяжелые дни это было символично.

Только мы сделали обрезание, пришла участковая врач-педиатр — проверить, что у нас происходит. Она развернула ребенка. Увидев у него характерную перевязку, спросила: почему, мол, вы не жалеете такого малыша?

— Мы три тысячи лет так делаем, и пока все в порядке, — ответила ей, Аня, жена Давида.

— Может быть, вы и правы, — неожиданно сказала врач.

Мы посидели немного, отметили, как полагается, праздник. И Раши заставил меня уехать. Он настоял, чтобы я скрылся и не мозолил глаза властям. А он остался еще на день, чтобы последить за ребенком после обрезания. Поскольку нас предупредили о задержаниях в одесском аэропорту, я уехал поездом в Бендеры и навестил Иду Нудель, в это время находившуюся там в ссылке. Потом доехал до Кишинева и улетел в Ленинград.

Через двадцать пять лет, в 2009 году, я повидал в Москве этого мальчика, Иммануэля, который приехал из Израиля работать в российском лагере для еврейских детей в Подмосковье.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

ДАВИД ШЕХТЕР

Ранним утром двадцать первого ноября врач, выйдя в приемный покой, поздравила Шломо (прототип автора повести. — Ред.):

«Мальчик! Чтоб он здоров был — чуть не убил маму! Восемь часов на столе мучилась — давно такого не видела...»

Мальчик! Мальчик! Шломо кинулся звонить Изе. Был у них предварительный договор — с лета еще, когда жил он у Изы на даче и в осыпающемся яблоками саду сидел и точил, точил, точил халеф²⁰.

«Если мальчик, — пообещал тогда Изя, — что-нибудь придумаю...»...

Чувство гордости, охватившее его, возникло потому, что сыну, впервые за многие десятилетия в Одессе, сделают брит-милу на восьмой день. Не через полгода или год, как обычно, когда окрепшего уже малыша с превеликими предосторожностями тайно везут в Москву или Ленинград, а как положено, как предписано Торой! Может быть, то, что сын его вступит в завет с Б-гом не на двадцать восьмом году жизни, как он сам, а на восьмой день, принесет счастье не только ему, но и другим? Ведь мицва (заповедь), выполненная мицва, изменяет мир, улучшает мир, приближает мир, хоть чуточку, но приближает к Б-гу. Потому и решили они назвать мальчика Иммануэль — с нами Б-г. С нами — сейчас и навсегда!

Настроение радостное быстро исчезло. Роды у Ани оказались уж слишком тяжелыми. Задержка сказалась, переживания, обыски, посадки, суды. Только на седьмой день вечером выписали ее из больницы. С тяжелым сердцем позвонил Шломо Изе — Аня наконец дома. Все равно не успеет. Не успеет! Надо было бы, в принципе, привезти мозля заранее, чтоб дождался в Одессе. Да кто ж теперь согласится сюда сунуться! Мозлей по Союзу — всего два-три. Кому охота связываться с ГБ? В лучшем случае, просто из города вышлют. А в худшем? Кто теперь знает, чего от них ожидать — в худшем? Изобьют, на сутки посадят? Могут и срок припать, чтоб не разъезжал по городам... А мозль — работа спокойная, доходная, уважаемая. Сто рублей — за брит-милу! Половина месячной зарплаты инженера... Нет, не найдет Изя никого, чтоб на такое отважился! Не найдет. Зря размышлялся — первый ребенок в Одессе за многие годы! Мицва, помощь окружающим... Знай свое место! Утихнет все, даст Б-г, повезет весной Шломо мальчика в Москву к Дмитрию Михайловичу, упросит — сделали милу отцу, сделайте и сыну... Не откажет, наверное. Изе зачем лишние цурес²¹? Мало своих дел? Половину Союза кормит, сутками не спит... Еще брит-милой заниматься?

И раздался звонок в дверь, прозвенел звонок, проголосил радостно ранним утром восьмого дня. Появился на пороге Изя в зеленой своей нейлоновой куртке. Сзади — незнакомый бородатый парень.

«Мазл тов, мазл тов!»²², — обнял Изя Шломо. — Познакомься, Роман — моэль...»

Закипело все, закружилось. Шломо побежал за Ханой с Эдкой. Хоть и решили не звать никого, не привлекать внимания — да и разве наберешь сейчас миньян, чтобы пришли, не побоялись! Без Эдки с Ханой как же? Аня из телефона-автомата позвонила родителям Шломо: «Берите такси, приезжайте немедленно!» И трубку повесила. Кто звонил, откуда — непонятно. Родители голос ее знают — догадаются. А кому не положено знать, пусть головы поломают немного! Зря, что ли, зарплату получают?

Роман готовил инструменты — тщательно, осторожно, любовно разглядывая каждый. Такого набора ни у кого нет — специально по Изиной просьбе привезли от Ребе шлихим²³. А Изя занимался привычным делом: точил нож — крохотный, по сравнению с его обычными халефами.

Произошло все быстро, почти мгновенно. Изя взял ребенка на руки, глазами показал Шломо на кидушный кубок с вином собственного изготовления — не забыл, привез! — «Дай ему немножко!». И пока Шломо макал соску в темно-красную сладко пахнущую жидкость, совал ее в орущий без роздыху рот — макал и совал, макал и совал, моэль что-то делал с ребенком: разворачивал, обертывал, мостил на Изиных руках. Вдруг он остановился, пробормотал что-то невнятной скороговоркой, резко взмахнул рукой с блестящим ножиком. Ребенок закричал еще громче. Изя сунул в прыгающие руки Шломо Сидур²⁴, ткнул пальцем: «Читай!»

Шломо стало жарко. Пот заструился по лбу, скопился на бровях, затуманил глаза едкой влагой. Почти не видя ничего, он прочел, поглаживая лысенькую шелковистую головку надсадно орущего сына: «Барух Ата Ад-най Эл-кейну Мелех хаолам ашер кидшану бэ мицвотав вэ цивану леакнисо бэ брито шель Авраам авину! — Благословен Ты, Г-споди, Б-же наш, Царь Вселенной, благословивший нас своими заповедями и повелевший нам приобщить его к союзу Авраама, отца нашего!»

Роман ловко сделал перевязку, позвал из коридорчика Аню: «Покорми ребенка! Пусть успокоится!» В соседней комнате накрыли стол — водка, соленые огурцы, хлеб — ничего другого в чужом доме Изя все равно не ест. Изя вдруг хлопнул себя по лбу: «Да что ж это я, совсем закрутился!» — вытащил из сумки запеченную Софой в фольге индюшку с яблоками.

— Две недели птичка эта у меня в ванной жила. Была ранка на ноге — никак не зарежешь. Отдать хозяину — жалко! Хорошая индюшка, для хорошего дела

подходящая! Ты как вчера позвонил, я сразу понял: тебя она ждала! Посмотрел на ногу — зажила. Следа не осталось!

Мальши замолчал, насосался материнского молока и затих. Затих новый еврей Иммануэль — Элик. Изя поднял рюмку:

— Ну, дорогие! Еще раз — мазл тов! Чтобы вы всегда от него только нахес²⁵ имели, чтоб рос он достойным евреем, чтоб шел по пути правильному — ле Тора, ле хупа, ле маасим товим²⁶! И конечно, чтоб все мы вместе очутились скорей в Эрец ха-Койдеи²⁷!..

Раздался звонок. Вздрогнув, Шломо посмотрел на часы. Всего час, как Изя приехал. Неужели пронюхали, сволочи?

Не включая света в коридоре, Шломо прокрался к двери, заглянул в глазок. На лестничной площадке стояла врач из детской поликлиники. Принесла нелегкая!

Он вернулся в комнату.

— Врач. Начнет осматривать ребенка — сразу увидит...

— Не пускать! — сказал Роман.

— Чего вдруг? — запротестовала Аня. — Я скрывать не собираюсь, что сына обрезала. Пусть смотрит!

И врач увидела. Увидела стол с белой простыней, никелированную коробочку с инструментами, нож, бокал вина, марлю с капельками крови.

— Ну-ка, покажите ребенка!

Аня вытащила Элика из кровати, положила на стол, развернула пеленки.

— Это что такое? — указала врач пальцем на перевязку. — Что вы с малышом наделали?

— Мы — евреи, — ответила Аня. — У нас так положено.

— Как же вам кроху такую не жалко?! Не успел родиться — сразу под нож! Знаете, какие могут быть последствия? Потом ко мне не бегайте, не жалуйтесь!

— А вы не волнуйтесь! Три тысячи лет делаем. И никаких последствий...

— Может, вы и правы, — сказала врач, одеваясь. — Каждый за свое держится. Так, наверное, и надо... Они вернулись к столу, выпили горькую, обжигающую водку, закусили первый раз в жизни — кошерной, нежным, пахучим жиром истекающей индюшкой. И пока ели, Изя рассказывал, как вчера, после звонка Шломо, помчался в дальний пригород Ленинграда, вытащил из постели уже спящего Романа. Рассказывал, как колесили они по городу, объезжая разведенные мосты, а потом остаток ночи все пытались улететь, и не было билетов ни в Одессу, ни в один из ближайших городов. И только утром, случайно,

как всегда случайно, опоздали два пассажира на кишиневский рейс — и билеты их за несколько минут до вылета отдали Роману и Изе. А в Кишиневе, прямо в аэропорту, подвернулся лихой парень и согласился за невиданный срок — два часа(!) — доставить их в Одессу. Гнал этот парень машину свою обледенелыми дорогами, гнал, сокращая путь, прямо по полям, гнал так, что даже у Изы, опытного водителя, захватывало дух. Зато в Одессу приехали вовремя, когда не закатился еще короткий зимний день, приехали с той стороны, откуда их не ждал никто — ни Шломо, ни КГБ...

Пролетело время незаметно. Наступил вечер, и надо прощаться. Роман оставался еще на день — посмотреть, как заживает ранка, сделать еще одну перевязку. А Изя решил навестить Иду в Бендерах и успеть на утренний рейс Кишинев—Ленинград.

На перроне, возле поезда, желто-красного венгерского дизеля, Изя вытащил из кармана сто рублей и протянул Шломо.

«Бери, не сопротивляйся! Отдашь Роману за брит. И возвращать потом не вздумай — деньги все равно не мои!»

Он вскочил в вагон. Дико взвыл тепловоз, выбросив на перрон черный клуб дыма. Поезд тронулся, застучали колеса. Застучали, застучали, застучали колеса... Шломо остался один на заледенелом, загаженном перроне, под пронизывающим сырым ветром. Но прошла вдруг по сердцу теплая волна. Радостно, весело стало: дома ждал его сын, единственный в Одессе за долгие десятилетия еврейский ребенок, обрезанный на восьмой день.

**Из повести «В краю чужом»
(Тель-Авив, 1993)**

Носиф Менделевич
и Ицхак Коган в Израиле.
Алон Швут - Буш-А-Цион

Яков и Эда Левины
в Израиле.
1987 год

СУДЬБА

АЛЕКСАНДР ШЕЙНИН. БОЛЬШОЕ ЕВРЕЙСКОЕ СЕРДЦЕ

Надо рассказать о ребятах, которые стали опорой движения отказников.

С Аликом, Александром Шейниным, мы познакомились в 1977 году при необычных обстоятельствах. Однажды он пришел в Ленинградскую синагогу и, почему-то обратившись именно ко мне, сказал, что хочет учить Тору. В синагогу тогда приходили считанные люди, едва собирали миньян — молодых вообще не было. Я ответил: «Пожалуйста, приходите, я провожу занятия у себя дома». В других местах давать уроки я опасался — неизвестно, кто и что там записывает, подслушивает, в чем потом тебя обвинят. Но выясняется, что он хочет учиться не один, у него собирается группа евреев, готовая следовать его примеру. Он пригласил меня к себе. Мне это предложение легло на душу. «Ладно, — думаю, — будь что будет».

Из предосторожности я оставил машину за несколько кварталов, дальше пошел пешком. Вижу, в квартире, кроме хозяина, сидят несколько человек. Замечаю на стене некоторые атрибуты христианской религии. Говорю: «Извините, но для двоих тут места нет». И встал, чтобы уйти. Алик просит меня подождать, снимает со стены иконы и выносит из комнаты.

Мы начали занятия.

Едва ли не после первой встречи он подошел посоветоваться.

«Я понимаю, что неправильно вел себя в жизни, — сказал он. — Не там искал ответы на вопросы. Как я могу это исправить?»

«Ты же доктор, врач-педиатр, а у нас нет мозлей, — ответил я, — ты мог бы делать обрезания. (В ту пору в Ленинграде вообще не было таких специалистов; из Москвы периодически приезжал реб Мотл). Если бы ты научился этому, было бы здорово. Но я должен тебя сразу предупредить, что врач, который делает незаконную операцию, может получить от пяти до восьми лет тюрьмы. Ты должен это знать. А дальше решай сам».

Он стал учиться на мозля. Ездил в Москву к реб Мотлу. Ему давал уроки специально приезжавший из Англии доктор Фишер — они отработывали операцию на куклах. Так у нас появился мозль. Причем, не только в Ленинграде. Он ездил по России. Интеллигентный молодой человек, врач — ему родители не боялись доверить ребенка. А сколько же историй и книг было тогда написано о

вреде обрезания! Такое писали и евреи, часто по принуждению. Я знал одного еврея, врача-венеролога, которого заставили написать такую книгу.

Шейнина вызвала заведующая поликлиникой:— Александр Борисович, нам сказали, что вы делаете подпольные обрезания, что является незаконной операцией. Вы же знаете, что вам за это грозит. Почему вы это делаете?

Его ответ поразил меня.

— Я считаю, что пусть это лучше делает врач, чем дилетант без медицинского образования. Так безопаснее для ребенка.

Ей нечего было ответить. Но его, конечно, все равно уволили с работы. Правда, ему удалось устроиться в другую поликлинику.

Алик Шейнин — человек редкой стойкости и огромного еврейского сердца. Его первый контакт с еврейским традиционным миром произошел странным образом. Однажды он увидел компьютерное изображение Ковненского Гаона Ицхак Эльхонона Спектора. У него возник особый духовный контакт с этим человеком, и он часто посещал Ковно, который к тому времени уже назывался Каунас.

В Каунасе была синагога, раввина в ней не было, но был габе, глава общины, который вел все административные дела, — человек, многое испытавший в своей жизни и впоследствии оказавший поддержку Шейнину. Он рассказал Алику, что кладбище, где захоронен Каунасский Гаон, собираются сносить и строить спортивную арену. Местные власти предложили всем, кто хочет, перенести могилы своих близких.

Важно отметить, что дедушка Алика Шейнина был учеником Ковненского Гаона и провожал его в последний путь. А на долю самого Алика выпало перезахоронение останков.

Мы в Ленинграде сделали справку, что Алик является потомком Ицхака Эльхонона Спектора и хочет произвести перезахоронение. Когда он пришел оформлять документы и сказал, что ковненский раввин — его предок, от Шейнина потребовали справку от врача об отсутствии каких-либо инфекций. Алик подумал, что он и сам может написать справку, поскольку он сам врач, и у него была соответствующая печать. Он так и сделал. Ему сказали, что это то, что нужно, и дали разрешение. Когда Алик вместе с товарищами пришел на кладбище, директор почувствовал, что тут что-то неладно. Но Шейнин дал ему денег, и все вопросы отпали.

Оказалось, что перезахоронение по еврейским законам — дело достаточно сложное. В помощь Шейнину из Ленинграда выехали несколько человек, с ним

был Мордхе Романов, который мог прочитать все необходимые молитвы. К ним присоединились ребята из Вильнюса. Нужен был миньян, чтобы сказать Кадиш, поминальную молитву. Важное требование — необходимо собрать все останки, а там в одном склепе был похоронен не только он, но и его сын. Пришлось разбирать останки двух человек. Но поскольку Алик — врач, он сумел это сделать, как полагается. Дальше в ящик, два метра в длину на метр в ширину и метр в глубину, нужно погрузить кости вместе с грунтом. Потом перетащить гроб на другой участок — а это больше километра — туда, где было выделено место для нового захоронения. Пошел сильный дождь, все промокли, обессилели, еле дотащили гроб... Но опустить в могилу тяжелейший ящик уже не было сил. Они пытались приподнять его, но не смогли, хотя их было десять человек. Они стояли в растерянности, не зная, что делать. Стояли десять евреев над останками гаона Эльхонона Спектора... И в это время шел отряд солдат стройбата. Прошел мимо них. Не говоря ни слова, солдаты подняли ящик, опустили его в могилу и продолжили следовать своей дорогой, так и не сказав ни слова.

Что это? Помощь Свыше, которую мы наблюдаем в экстремальных случаях, — на самом деле это и есть Б-жественное откровение. Когда мы предпринимаем огромные усилия, приходит помощь от Него. Только своими силами мы ничего не смогли бы сдвинуть, особенно на советском пространстве. Была невидимая помощь Свыше, которая давала нам возможность пролагать путь. Часто приходилось преодолевать нечеловеческие нагрузки. И сегодня, взглядываясь в результат, можно сделать вывод, что Всевышний был рядом с нами и помогал нам во всем.

Когда Алик начал постигать еврейский закон, он жил с русской женщиной. Он ее оставил. Проходит несколько лет, парню уже под тридцать, но он все не женится. При этом ведет активную еврейскую жизнь: устраивает дома Субботы, приглашает людей на занятия. Как-то я завел с ним разговор о женитьбе. Говорит: «Религиозной девушки, которая понравилась бы мне, я пока не встретил, а, женившись на нерелигиозной, — как поставлю с ней еврейский дом?».

Но однажды он приходит к нам на Субботу с симпатичной еврейской девушкой.

— Ну что, Алик, это уже конец твоих исканий? — спрашиваю.

— Скажу честно, Марина мне очень нравится, но она далека от настоящей еврейской жизни. Я привел ее к вам, чтобы она посмотрела, как живет еврейская семья. Я не знаю, что делать...

— А ты объясни ей, скажи, что хочешь жениться, хочешь еврейский дом, такой же, как тот, куда ты ее привел...

Он объяснил. И они решили пожениться.

Алик Шейнин — человек строгий в исполнении закона, он направил свою невесту к Софе, чтобы моя жена научила ее всему, что должна знать и уметь еврейская женщина. Однажды Марина поделилась с ней, что любит Алика и готова сделать все так, как он хочет, хоть сама пока далека от еврейской жизни.

Через некоторое время они пошли в ЗАГС зарегистрироваться. Он ждал ее у входа. Она переходила дорогу. И прямо на его глазах ее сбивает машина. Марину отправляют в больницу. Из больницы Алик прибегает к нам и рассказывает, что у нее все переломано, что она без сознания, и врачи говорят о самой печальной перспективе на будущее. Что делать?

Я говорю: «Алик, ты же доктор, кто же лучше тебя может знать, что надо делать? У нас путь один. Связаться с Ребе и попросить благословение Марине бас Пурия». (Маму ее звали Пурия, что в переводе звучит красиво — «жребий Всевышнего».)

День за днем он сидел в больнице. Через два дня Марина пришла в сознание, и первое, что она попросила — кошерную еду и молитвенник. Дело было накануне Пейсаха, и Алик должен был уезжать делать обрезание. Он попросил Софу позаботиться о том, чтобы у Марины была кошерная пища. Пока он находился в разъездах, Софа ухаживала за ней, и она ела только то, что приносила Софа. Хотя ее мама тоже, конечно, навещала дочь.

Врачи говорили, что лучший прогноз для девушки — года через два встать на костыли, а вопрос о том, будет ли она мамой, даже не стоит. Алик знал об этом. Несчастье с Мариной случилось накануне Пейсаха в месяц Нисан. В 1985 году, почти через пять месяцев, вскоре после Теша бэ Ав (9 Ава) у них была хупа. Она уже немножко танцевала в тот вечер. Сегодня Алик и Марина живут в Израиле, у них восемь детей.

Когда ее спрашивают: «Как ты себя чувствуешь?» — Марина отвечает, что у нее одна проблема: она все еще не может догнать автобус.

ИЗ ПОНАР В ЛЮБАВИЧИ — ЧЕРЕЗ БОБРУЙСКОЕ КГБ

Каждый год мы с моими учениками ездили по еврейским местам Советского Союза. Одна из самых запоминающихся поездок была летом 1982 года.

Так получилось, что у Алика Шейнина сложились особенно теплые отношения с еврейской молодежью Литвы. В это время там еще не сформировалось религиозное молодежное движение, и еврейская жизнь базировалась больше на национальной основе — многие из ребят владели идишем. Они просили нас вместе отпраздновать Субботу. Я сказал, что отмечать Шабос лучше не в Вильнюсе, а в Понарах, месте массового расстрела евреев во время Второй мировой войны, чтобы показать: еврейский народ жив, его духовный стержень не сломлен. Вообще в Литве свободы было побольше, чем в других местах СССР, и мы там сняли дом.

В дорогу отправились впятером, да еще мальчик восьми лет, сын одного из наших. А всего на Субботу собрались человек тридцать. Я никогда не молился как хазан, ведущий Б-гослужения. Но там пришлось: просто не оказалось никого, кто знал бы молитвы. Я до сих пор помню свое волнение. Думаю, что все получилось хорошо. Звучали мелодии Субботы. А потом, когда мы все вместе сидели за столом, чувствовалось, что с нами соединились души людей, которые ушли в мир иной во имя освящения имени Всевышнего. Ведь когда их расстреливали, многие кричали: «Шма, Исраэль!» Иначе как освещением имени Всевышнего это не назовешь. Они верили, что на этом жизнь не кончается. И эта наша Суббота была продолжением и их жизни. Мы и были их продолжением!

После такой волнующей Субботы, в воскресенье мы выехали из Понар. Проехали через Минск в Бобруйск, где у нас была запланирована следующая остановка. Я обнаружил, что у моей машины изношена резина. Мы нашли место, где можно было помолиться: около центрального рынка в хате две сестры, оставшиеся после войны без мужей, держали миньян.

В городе на нас смотрели, как на какую-то диковину. Причем, помнится, это было только в Бобруйске — нигде больше я такого не замечал. Все мы были молоды, подтянуты, энергичны, с большими черными бородами. Многие люди, особенно старшего возраста, закрывали глаза рукой, как бы отворачиваясь от немислимого видения. Ведь Бобруйск был еврейским местом, и уничтоженные, ушедшие из жизни евреи как бы вновь ожили в их глазах. Казалось, окружающие испытывали испуг, увидев в нас своих прежних соседей.

Я сказал ребятам, чтобы, пока я занимаюсь машиной, они прошлись по городу, посмотрели здания: может, удастся обнаружить старые синагоги — на некоторых домах еще сохранились магендавиды. А я буду ждать их в машине, когда поменяю покрышки. На рынке купил резину, заменил старую. Жду, жду —

никого нет. Назначенное время прошло — может, что-то случилось? Прибегает мальчик Мойше Рохлин:

— Реб Изя, наших забрали в КГБ. Я шел за ними и видел, как их арестовывали, — я знаю, где это находится.

— Мойше, я не могу никуда уйти с этого места, — объясняю ребенку, — их отпустят, они придут, а меня нет, пойдут меня искать. Я должен ждать здесь.

Мы стали ждать вместе.

Прошла еще пара часов — бежит Алик Шейнин.

— Нас отпустили, — говорит, — но остальные еще не подошли.

Подъезжает милицейская машина, из нее выходят гаишник и двое в штатском. Гаишник проверил мои документы и сказал, что должен проверить и машину. Пожалуйста: включаю фары, жму на тормоз, ставлю на ручник. Милиционер говорит людям в штатском: «Машина исправна». Те показывают свои удостоверения: «А теперь поехали с нами!» А у меня в машине самиздат, ножи для шхиты... Алик Шейнин успел сказать мне, что с ребят сдергивали магендавиды, которые были на груди. Бить не били, но вели себя агрессивно. Понятно, что если они обнаружат все мое «хозяйство», ничего хорошего не будет, и мне придется отвечать в первую очередь. Еду и думаю, как выйти из положения.

Подъезжаем к зданию КГБ Бобруйска, я им говорю:

— У меня в машине много вещей, которые я боюсь оставить без присмотра. Не знаю, как поступить...

А они отвечают:

— Чтобы все было спокойно, загоняй на нашу территорию.

Хорошо, ставлю машину у них... Поскольку я много часов не мог отойти от машины, мне захотелось в туалет.

— Пожалуйста, — отвечают, — но только с сопровождающим.

А в туалете у них нет воды: обычный уличный туалет с выгребной ямой. Я показываю, что должен руки помыть.

А он:

— Нет воды.

Я молчу, ничего не говорю.

Тогда мой сопровождающий говорит:

— Пошли к начальнику!

Объясняет тому:

— Он в туалет сходил, а говорить не хочет, пока руки не помоеет.

Тот находит выход из положения:

— Возьми графин, полей на руки, но графин ему не давай.

Мы вышли на лестничную площадку. Я помыл руки, сказал благословение.

А начальник ко мне с подходом:

— Вот ведь у вас религия какая — надо быть аккуратным после туалета...

Потом спрашивает:

— Какова цель вашего приезда?

— Хотели познакомиться с местами, где жили наши предки. Решили увидеть это собственными глазами, поскольку мы — религиозные люди.

— А почему ребята мне не сказали об этом? Почему они не хотели со мной говорить?

— Так вы же сами стали отбирать их вещи — они решили молчать.

В общем, ничего особенного мне не сделали. Спросили, куда мы едем дальше. Я сказал, что дальше направляемся в Ляды, а оттуда в Любавичи. Нас отпустили.

А в машине сразу же начались бурные дискуссии, кто как вел себя в КГБ!..

Когда я сел за руль, понял главное: слава Б-гу, машину никто не досматривал! Она стояла во дворе КГБ, самом безопасном месте...

Едем в Ляды. Дорога ужасная, даже не ухабы, а огромные булыжники на пути. Я сорвал заднюю передачу, по коробке скоростей ударил камень. Теперь, когда нужно было двигаться назад, приходилось толкать машину.

Когда мы приехали в Ляды, уже вечерело. Как будто вымершее место какое-то. Такое впечатление, что люди здесь вообще не живут. Увидели: в одной избе идет дымок из трубы. Выхожу из машины, подхожу к дому. Странная, немолодая уже женщина приглашает войти, говорит, что хочет детей иметь, а мужиков тут совсем нет.

Объясняю:

— Мы приехали сюда с другой целью — хотим музей посмотреть.

— Ну, какой тут музей, — отвечает. — Был музей, его еврей-учитель организовал... Теперь нет.

Нашли учителя. Он действительно создал краеведческую экспозицию о Лядах.

А что скажешь про Ляды? Это было еврейское место... Значит, и экспозиция получилась о евреях. А кому такой музей нужен? Естественно, его прикрыли. Но учитель сохранил все экспонаты — спрятал у себя дома. И что еще интересно: он показал нам полуразрушенный дом с выбитыми стеклами, где печатались первые номера газеты «Искра». Это же надо такому случиться: в Лядах родился Алтер Ребе, символ стойкости еврейского духа, великий философ ХаБаДа, и здесь же, оказывается, возникла и безбожная ленинская газета.

Учитель познакомил нас с женщиной, которая спасала еврейских детей во время войны: пожилая женщина, ей было тогда лет семьдесят пять. Она рассказала, что евреев собрали в гетто, где их расстреливали. Несколько знакомых женщин смогли передать ей своих детей, она их держала в подвале и сумела сохранить и вырастить...

Мы поехали в Любавичи. От Ляд до Любавичей очень близко: около тридцати километров. Но там невозможно проехать прямо — мешает болото. Мы сделали круг в 150 километров через Осиндорф. Когда мы подъезжали к Любавичам, казалось, у нас наступил апогей споров о том, кто как вел себя в бобруйском КГБ. Все были на взводе. Я понимал, что с таким настроением нельзя въезжать в Любавичи. Мы остановились в двух километрах на поляне. Я сказал ребятам: сядем здесь, сделаем «лехаим», перекусим и с хорошим настроением въедем к нашим Ребе в Любавичи. Посидели, даже спели что-то вместе, настроение улучшилось.

Въезжаем в город. Я поставил машину около дороги. Мы не знаем, куда надо идти — первый раз в Любавичах.

Увидели человека. Говорю ему: «Пожалуйста, помогите нам найти еврейские могилы!»

Он говорит: «Да, здесь похоронены раввины, к ним приезжают даже из Америки. Я вам дам своего сынишку, он покажет дорогу».

Ребята отправились. А я — коэн — на кладбище идти не могу. Сажу на капоте машины, жду.

А тот меня спрашивает:

— А почему ты не пошел?

— Мне нельзя, — говорю, — я в таком статусе, что закон мне это запрещает...

Эта поездка дала нам немало: не знания даже, а ощущение причастности к наследию наших предков, обязывающему нас гореть пламенем еврейской духовности, ибо только пламя может разогнать тьму.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

АЛЕКСАНДР ШЕЙНИН. ЛЯДЫ

Когда-то жил здесь автор знаменитой «Таниш», основатель ХаБаДа, любавичского направления в хасидизме, рабби Шнеур-Зал-ман из Ляд — Алтер Ребе.

Почти четверть века пролетела, но я нередко вспоминаю ту поездку по Белоруссии на старом «Москвиче» с наставником моим Ицхаком Коганом...

В деревню Ляды мы въехали уже под вечер... В округе пусто: ни собак, ни людей... Некого спросить, что тут, где... Может, сохранился дом какой-то, а может, кладбище...

У дома на отшибе силуэт: женщина в огороде копошится... Притормозили. Исаак отправился разведать, что к чему. Видим, говорит он с ней, а она ему на дом показывает, объясняет что-то...

Возвращается Исаак, угрюмый какой-то. Сел в машину и молчит.

— Что случилось, Изя?

— Ничего...

А потом вдруг рассказал:

— В доме этом женщина живет, одинокая со-всем, уже в годах... Ненормальная, наверное... В голову взбрело ей завести ребенка, только... непременно от еврея. И слушать ни о ком другом не хочет... А какие же тут евреи, в деревне этой? Это раньше были... Нынче разве что на братскую могилу раз в году приезжают, да и то... куда им... старики... Словом, пригласила нас в тот дом... Заночевать. Кстати, тут рядом, говорит, та братская могила...

Он завел мотор и добавил:

— Видно, души убитых сильно ищут, в кого бы вселиться... И когда им евреи в этом не помогают, детей не рожают, не выполняют заповеди, они подбирают себе вот такое пристанище...

Пыльная дорога упиралась в маленькую насыпь, как в тупик, — братская могила более двух тысяч лядинских евреев. Когда-то евреи тут составляли большинство населения. Поминальный камень им — единственная памятная реликвия. Слева по дороге — старые покосившиеся избы, справа — пустыри, поля, остов разбитого барака.

«На этой стороне дороги когда-то стояли дома евреев. В этом бараке их держали перед расстрелом, — рассказала нам повстречавшаяся неподалеку старуха. — Помню, как с девочками сюда бегали, в щели за евреями подсматривали, воду, даже хлеб носили».

Может быть.

Легкий ветерок ласкал колосья, и земля на насыпи будто шевелилась...

«Потом, после войны, свиарник тут устроили, но свиньи сдохли... Вот он и стоит теперь пустой... Дома — какие погорели, а какие разобрали... Так и осталось место незаселенным... До войны тут больше люду было, чем теперь, — молодежь все больше в город норовит... Евреи? Есть один — учитель.

Эренбург фамилия. Будете возвращаться, то в начале улицы изба... Каждый знает...» Эренбург, уже тогда немолодой, поведал нам свои печали. Он не из местных — распределили после института историком в здешнюю школу. Тут и осел, женился на местной (кивнул в сторону высокой, на голову его длиннее, веснушчатой женщины, она в тот момент пекла блины), в партию вступил, даже завучем назначили...

Решил он в школе краеведческий музей создать, начал там да сям копаться, выяснять, нашел фотографии и документы, в основном о революционерах-социалистах, подпольщиках... Даже первый номер газеты «Искра» разыскал, в Лядах изданный... Музей получился на славу. Тут и комиссия нагрнула...

Посмотрели, ахнули: «Это что еще такое!? Не музей у вас, а синагога: что не имя на стендах — то еврейское! Здесь что — кроме евреев никаких революционеров больше не было?! Пока что у нас тут Белорусская ССР, а не Израиль!» Словом, дали пару дней, чтобы немедленно убрать «эту выставку».

«Я — в райком... Ведь это ж правда, говорю, не я же виноват, что тут евреи жили... Лучше бы не совался: из партии чуть не исключили и с завуча перевели... А музей мой увезти хотели... Так я его тут прячу...»

Эренбург тревожно оглянулся, хотел было открыть какой-то шкаф, но словно опомнился, добавил: «Как-нибудь потом...»

Наступали сумерки. Нам надо было ехать дальше. Молчали каждый о своем...

«Прислушайтесь, какое слово «Ляды», — сказал Ицхак, — Л-я-а-ды... Глубоко и страшно, словно в пропасть летишь... А Любавичи — совсем другое слово... Как-то весело звучит, светло... Л-ю-у-бавичи... Как Любушка, с любовью...»

Дорога нас вела в Любавичи с любовью...

А Ляды навсегда запомнились бедою и несвершением, и тягостным сомнением.

И мыслями безумными о том, что было бы, если, ну... пусть не мы, а кто-то, остался в ТОМ доме на отшибе у женщины, так жаждущей ребенка от семени закопанных евреев?

И что с ней стало?

И куда вселились души?

*И что в каком-нибудь совсем ином сюжете она могла бы породить пророка...
И что Всевышний эти мысли слышит...*

ЛЮБАВИЧИ

Мне дважды довелось побывать в Любавичах. Тогда, еще около двадцати лет назад, это место в березовом леске было почти что потеряно. Наудачу местная жительница согласилась показать нам «могилы еврейских святых». Вот что рассказала она, когда мы подошли к двум потемневшим и покрытым мхом надгробным камням р. Цемах-Цедека²⁸ и р. Мохараша²⁹: «Когда сносили местное еврейское кладбище, а плиты увозили на строительство, эти две могилы не посмели тронуть... Боялись... Говорили наши деревенские: если тронуть, беда будет... Вот и сохранились... Только дети, хлопцы наши, бегают сюда за кремнем... Отбивают от камней кусочки, друг о друга бьют — получают искры... Сколько я им говорила...»

Ицхак Коган сказал тогда: «Представляете, если даже нееврейские мальчишки высекают из искры из надгробных камней наших учителей, то какое же наследие досталось НАМ!» Очень запала мне в душу эта история, тем более что было у нее и длинное начало, и бесконечное продолжение...

Фотографию тех камней мы передали Ребе и, как мне сказали, она всегда была у него на столе...

ВЕСЬ МИР СОЗДАН ВСЕВЫШНИМ

Однажды, незадолго до своего отъезда в Израиль, позвал меня Ицхак Коган вместе прокатиться в пригород Ленинграда, чтобы запасть «халав Исраэль» — молоком, надоенным под наблюдением еврея, чего требуют правила кашрута.

Поспеть нам надо было как раз к вечерней дойке. Ехали на его «Москвиче», прозванном «мицво-танком»...

Запомнились поля, луга, бескрайние долины, а среди них петляющая колея, и мы по ней катим — через ухабы, рытвины — спешим...

И помню, еду я и думаю о чем-то своем: как опостылело все вокруг и постепенно стало чужим — и города, и люди и, кажется, не выбраться отсюда никогда, из этого бескрайнего галута; и того арестовали, и этот умер; и удушливо и совершенно невозможно на работе и в проклятой коммуналке...

И вдруг... «Москвич» остановился среди поля. Ицхак вышел и сказал: «А мэхайе! Ты посмотри, какая красота вокруг!» Я огляделся. Закат. Светило опускалось прямо в море ржи. Трещали кузнечики...

«Вы шутите, реб Ицхак? Как вы можете? Вы взаправду ВСЕМ ЭТИМ ВОСТОРГАЕТЕСЬ?! Да ведь ЭТО ВСЕ ЧУЖОЕ...»

«Весь мир принадлежит Ему и создан Им, так почему я не должен восхищаться Его творением?!» — ответил он.

И мы поехали дальше в далекую деревню под Ленинградом за парным коровьим молоком...

Я запомнил тот закат и то поле, и то небо, и запах той земли. ...Как все вокруг благоухало и дышало...

Но тщетно я пытался насладиться этой красотой, прочувствовать ее, вдохнуть, сказать, как Ицхак: «А мэхайе!»³⁰ И помню, как вдруг осознал: «НЕ МОГУ!» При всем желании и при любви моей к живой природе я больше не в состоянии наслаждаться чем-либо в галуте³¹.

И было это не лозунгом, не декларацией, а реальной и непоправимой переменной, происшедшей с моими чувствами. Помню боль мою и растерянность от НЕВОЗМОЖНОСТИ прочувствовать такую красоту и сопереживать ей, как прежде.

Это был свершившийся факт. Это была моя непоправимая утрата.

Возможно, именно сохранившаяся способность Ицхака не только понимать, но и чувствовать всем сердцем и душой весь этот мир как сотворенный Им позволило ему через годы снова спуститься в Россию, чтобы там служить Ему?..

Заметки в «Живом журнале»

Р. Авром Аба в центре, справа — Александр Шейнин, слева — Ицхак Коган

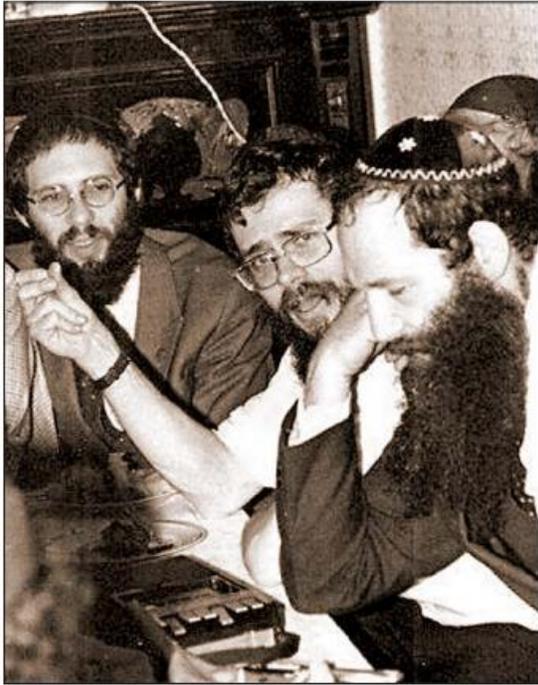
Четыре поколения хасидов Ленинграда. Р. Рефозл Нимотин и Мордехай Романов, Ицхак Коган, Александр Шейнин и Иоси Коган

Раввин Медалье на хупе у Чудновских. Ленинград. 1983 год

Раввин Медалье пишет брачный контракт — ктубу Александру и Марии Шейнним

Первый хасидский фарбринген с раввином Давидом Вайтманом из Бразилии (в центре), слева — Александр Шейнин, справа — Ицхак Коган. 1981 год. Ленинград

Через 15 месяцев после хупы — семья Шейнных

Доктор Александр Шейнин с сыновьями. 1990 год. Иерусалим

ИЗ ИСТОРИИ ХАСИДИЗМА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРЕСТУПНИК АЛТЕР РЕБЕ

19 Кислева евреи отмечают Новый год хасидизма, праздник в честь освобождения из тюрьмы после пятидесятирехдневного заключения по ложному доносу одного из родоначальников движения ХаБад Алтер Ребе.

Алтер Ребе олицетворял третье поколение династии руководителей российского хасидизма. На его долю выпало создание письменной Торы хасидов. И он сделал это. До той поры идеи хасидского движения существовали на уровне учений, которые передавались устно из поколения в поколение, но зафиксированы в фундаментальном труде не были. И вот Алтер Ребе создает уникальную книгу Тания, которая подводит черту под всякими домыслами о хасидизме. А домыслов было много. Уже самому Алтер Ребе пришлось столкнуться с силами, которые были против хасидизма. И это неслучайно. В XVI веке, не столь давно по историческим меркам, полным крахом закончилось движение лжемессии Шабтая Цви. Поэтому литовское еврейство, бывшее в ту пору духовным оплотом иудаизма, активно выступало против мессианства, порой видя его там, где не было и следа. Недобросовестные люди в окружении тогдашних руководителей литовского еврейства «докладывали наверх» совершенно нереальные истории об Алтер Ребе. Говорили, например, что он танцевал с женщиной 9 Ава, в день глубокой скорби всего народа, когда не только танцевать, но и есть и пить нельзя. На самом деле это была «вольная композиция», имевшая некую реальную основу. Ну, во-первых, «женщина» — это внучка Алтер Ребе, только что родившаяся, которую ему вынесли на подносе. И он, в самом деле, с этим подносом в руках сделал несколько танцевальных па. Во-вторых, в том году день 9 Ава пришелся на Субботу, а в этом случае традиция предписывает переносить траур на следующий день. Вот как оно было на самом деле. И это только один пример.

Некоторые доносы на Алтер Ребе сохранились в архивах. На него доносили, что он — турецкий шпион, переводивший деньги врагу России. На самом деле Ребе поддерживал поселения евреев в Хевроне и Иерусалиме. И получается, что он действительно переслал деньги в Эрец-Исраэль, бывший тогда турецкой

провинцией. А поскольку Россия находилась в состоянии войны с Турцией, этого было вполне достаточно для его ареста.

Когда его арестовывали, один хасид сказал: «Если ты настоящий Ребе, тебе нечего бояться, а если не настоящий — жизнь покажет...»

То, что он был настоящим Ребе, показал исход дела...

Когда его везли в тюрьму, сопровождающий его жандармский офицер, человек духовно развитый, спросил Алтер Ребе: «Написано, что, после того как Адам съел яблоко с Древа познания, он стал метаться по саду, прикрываясь листьями... Всевышний говорит ему: Адам, где ты? Так что же получается, Всевышний не знал где Адам?!»

Ребе стал объяснять коллизию со ссылкой на великого средневекового комментатора Торы Раши. Жандарм прервал его: «Я знаю, что говорил Раши, я читал... А что ты сам думаешь об этом?» Тогда Алтер Ребе говорит: «Случаются в жизни такие ситуации... Человек доживает до пятидесяти четырех лет и задумывается на том, что он сделал в жизни, зачем его душа попала в этот мир... И тогда звучит вопрос — где ты, Адам?..»

Алтер Ребе настолько точно оценил состояние души своего собеседника, настолько точно определил его возраст, что жандарм опешил. «Твое положение будет тяжелым, — сказал он, — ты государственный преступник. Чем я могу облегчить твою участь?»

«В тюрьме я не буду ничего есть, — ответил Ребе. — Если вы хотите, чтобы я не умер с голоду, возьмите в Петербурге у человека, которого я укажу вам, только гречневую кашу и редьку с медом».

Поэтому хасиды традиционно едят 19 Кислева гречневую кашу.

В это время в России царствовал Павел I. Ему доложили, что в Петропавловскую крепость заключен необычный узник: ему грозит суровое наказание, а он совершенно спокоен, занимается своими делами, как будто ничего не происходит. Павел надел обычный офицерский мундир и пошел взглянуть на странного заключенного. Неожиданно Ребе отдал «офицеру» царские почести. Павел поинтересовался, а не боится ли узник быть наказанным еще строже за царские почести, отданные простому человеку. Алтер Ребе ответил: «Общаясь с Царем Небесным, я тут же почувствовал, когда вошел царь земной». Этот ответ буквально ошеломил Павла, и он потребовал у судейских, чтобы приговор был справедливым. А что это значит? Ведь справедливость в данном деле означает безусловное оправдание!

На суде Алтер Ребе опроверг двадцать один пункт обвинения из двадцати двух, выдвинутых против него. Но был один пункт, который просто не мог оставаться без внимания! В книге Тания Ребе писал, что весь мир получает материальные блага в зависимости от того, как евреи служат Всевышнему. Иными словами, получается, что весь мир зависит от евреев. Что было делать судьям? Признать правоту Ребе, как того требовала справедливость? Но это уже слишком. Судьи просто не задали двадцать второго вопроса. Алтер Ребе был оправдан.

Во время войны 1812 года Ребе проявил себя как настоящий патриот. Он велел своим людям фактически стать разведчиками в стане Наполеона. Об этом написаны книги.

А Наполеон был знаком с черной магией, он искал Алтер Ребе, понимая, что мудрец и есть его духовный оппонент. Однажды, покидая Ляды, где он жил, Ребе вспомнил, что забыл дома тапочки. Он велел своим людям немедленно вернуться и сжечь дом. Он знал, что если Наполеон станет обладателем его вещей, то получит большую власть и сможет противостоять Ребе: давно известно — материальное часть духовного.

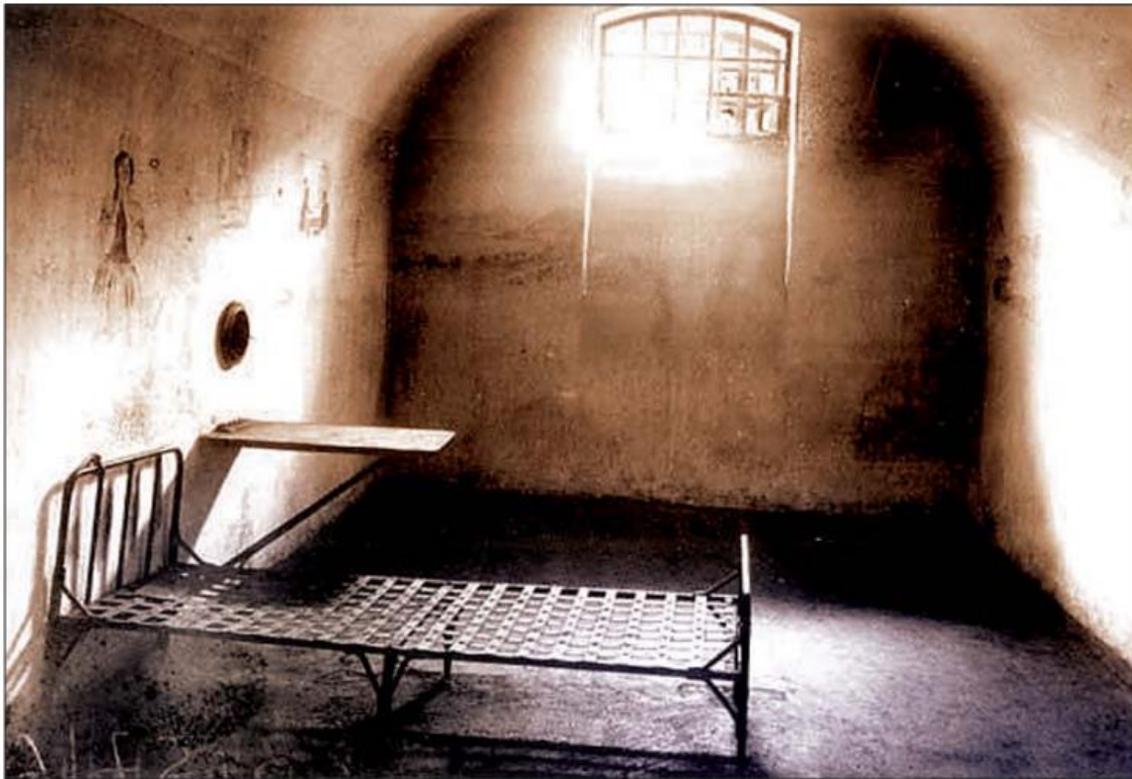
В СССР отмечать день 19 Кислева было очень опасно. Старые хасиды никогда не подпускали к таким делам молодежь, чтобы не причинить им неприятностей. Когда мы повзрослели, то узнали все о значении этого дня. У нашей семьи был друг, учившийся еще в Любавичах, раввин, шойхет, носитель никогда не прерывавшейся традиции. Мы с моим другом взяли бутылку водки — «Московскую», с медалями, 0,75 литра — и заявили к нему. Это был, кажется, 1977 год... Раввин открыл дверь и замер от удивления.

— Мы пришли, чтобы отметить 19 Кислева, — сказал я.

— Но чтобы отметить этот праздник, надо обязательно спеть мелодию Алтер Ребе, — ответил он.

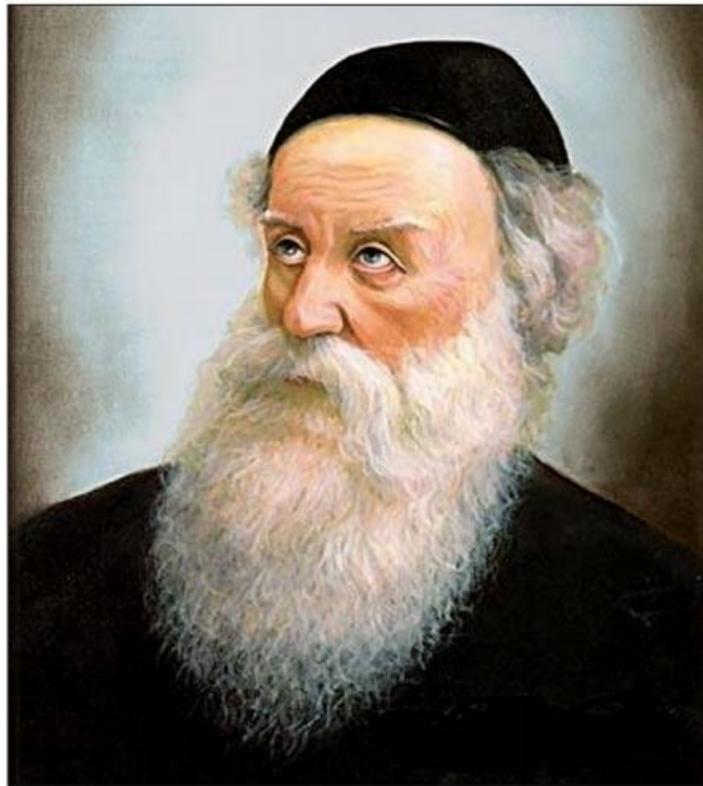
Мы стоим в прихожей, он так ошеломлен, что даже не приглашает нас войти в дом... И вдруг начинает петь и сбивается — довольно сложная мелодия. С полчаса он мучился, пытаясь воспроизвести всю мелодию... Наконец у него получилось.

— Теперь можно делать лехаим, — сказал он и пригласил нас войти.

Камера в Петропавловской крепости

Основатель движения
ХаБаД — Алтер Ребе

РАВВИН И КУРИЦА

В 1984 году моя теща Ева Давыдовна высказала неудовольствие в связи с тем, что каждое лето я уезжаю со своими учениками по еврейским местам Советского Союза, а семью оставляю дома. Эта традиция зародилась еще в семидесятые: я брал с собой четырех-пятерых человек, мы садились в машину и отправлялись в путешествие. На этот раз я решил изменить планы.

Но поехать с семьей не так просто: трое детей — Аня, уже большая, семнадцати лет, десятилетняя Сима и трехлетняя Эся, моя супруга Софа и, конечно, баба Ева, теща Ева Давыдовна. Со мной получается шесть человек в нашем не очень просторном «Москвиче». Если учесть, что мы возим не только спальные принадлежности, но и посуду для молочной и мясной пищи, легко догадаться, что из-за нагруженных доверху вещей машина превратилась в колобок. В салоне на заднем сиденье помещались втроем и поперек держали младшего ребенка.

Мы выехали из Ленинграда через Невель на Гомель и Калинковичи, потом переместились на Украину. Сделали остановку в Летичеве. Из Летичева направились в Меджибож. Перед поездкой в круиз на пять тысяч километров нужно было еще подготовить машину технически. Я делал все сам и очень устал, поэтому после выезда из Ленинграда смог вести машину только два часа. Смеркалось. Я остановил машину, вышел из нее и сел сзади на багажник, чтобы немного подремать. Ко мне подошла Софа и сказала, что теперь поведет сама. Водительские права у нее были, но садилась за руль она нечасто. Я сел в машину и действительно тут же уснул. Четыре-пять часов ночью она сама вела машину. Когда я проснулся, было уже светло. Мы подъезжали к Невелю. Я сменил Софу за рулем, и вскоре мы уже были в городе.

Посмотрели Невель и не увидели никаких следов еврейства... в этой бывшей столице хасидизма. Поехали дальше, доехали до Гомеля. Под Гомелем сделали остановку в мотеле. Какие мотели были тогда в Советском Союзе? Просто стоянка для машин, где можно припарковаться. Из Гомеля поехали в Калинковичи. Я очень хотел посетить там известного раввина, которого так и называли Калинковичи-Ров, раввин Калинковичей. Он прожил больше ста лет и знал все законы, даже умел составить гет — разводное письмо. Но я его уже не застал.

В Калинковичах едем на машине по улицам, вижу евреев, останавливаюсь, подхожу к ним и спрашиваю на идише: «Где тут синагога?» Они мне также на идише отвечают: «Мы не знаем!» Они ведь не знали, кто я такой, и боялись

сказать, где синагога: я был молод, подтянут — на верующего еврея в их представлении не похож. Но я-то знал, что она там есть. Тогда я подошел к нееврею и спросил: «Где тут евреи молятся?» Он ответил: «Вон там, через два квартала, в доме у Бори Мопсика!» Мопсик — это его настоящая фамилия.

Я зашел к Боре — невысокий, сморщенный немолодой уже человек.

Я начинаю разговор на идише, расспрашиваю, как живут евреи. Сказал, мол, слышал о вашем знаменитом раввине.

— Когда был раввин, все было в порядке, — отвечает он. — Теперь, когда раввина нет, курицунекому порезать! Вот уже год ходит по двору!

— Я шойхет, — говорю. — Я могу порезать курицу.

— Ты шойхет? — вопрошает он с недоверием. — Покажи твой халеф!

Я достаю халеф, протягиваю ему. Боря его со всех сторон осмотрел. Но я-то сразу увидел, что он непрофессионал. Он заметил там еврейские буквы, и это его успокоило.

— Ну, если шойхет, так порежь!

Я пошел... Теща моя говорит: «Изя, только не испорти, только не испорти курицу!»

Действительно, важно не испортить шхиту: плохо порежешь — мясо будет некошерным.

Но я все сделал нормально...

— Может, вам еще что-то надо? — спрашиваю.

— Что мне надо? У меня бар-мицва была в тридцать седьмом году. С тех пор мои тфилин никто не проверял. Мне, правда, привозили тфилин из Москвы, но они были нехабадские. Разве же я надену нехабадскую завязку?

Я вспомнил, что захватил запасную пару тфилин, которую мне прислали из Америки. Подумал, вдруг кому-то понадобится. Я достал тфилин из машины и принес ему.

— Так это же тоже нехабадские, — говорит он.

Я посмотрел — действительно, нехабадская завязка. И что же делать? У меня был Сидур раввина Тайца. Каждый еврей, где бы ни находился, может найти в нем ответы на любые вопросы. И даже как перевязать завязку — сделать из нехабадской хабадскую! Я попытался — никак не получается. Два часа я мучился, сколько пота из меня вышло — никакого результата! Решил: возьму сейчас свои тфилин и посмотрю, как это сделано «в натуре», может, я чего-то не понимаю в рисунке. Как только я распустил свои, у меня все быстро получилось.

Боря Мопсик стал прыгать от радости, а потолок у него в доме невысокий. Он прыгал и кричал радостно: «Даже если бы я вдруг нашел тысячу рублей, я не был бы так счастлив!» Он принялся обнимать и целовать меня. Не скрою, приятно было, что удалось хоть немного помочь евреям.

Я уже собирался уходить, но тут вспомнил, что в машине осталась банка мясных консервов, присланная из Америки. Человек годами живет без мяса, ну хоть в праздник или Субботу будет у него мясная еда. Предлагаю ему американские консервы. Он смотрит с некоторым недоверием.

— А сам-то ты это ешь?

— Ем! — отвечаю.

— Ладно, тогда давай! Потом, когда в Калинковичи приезжали мои ученики, они обычно привозили из Ленинграда что-нибудь мясное для тамошних евреев.

Вот так курочка целый год ждала своей участи, потому что раввин ушел из этого мира и некому было ее порезать.

Потом мы поехали на Украину, миновали Летичев. Там протекает река Волк. Я не был уверен, что в Меджибоже будет возможность окунуться в реке, и прыгнул в воду.

Приехав в Меджибож, мы стали искать еврейское кладбище. Мы знали, что здесь похоронен Баал Шем Тов³². Нам говорят: поезжайте вон туда! Мы приехали к братской могиле, где похоронены евреи, расстрелянные в Меджибоже нацистами. Видим, это не то, что мы искали. Возвращаемся в центр. Выясняем, что в Меджибоже осталась только одна еврейка, которую зовут Полина. Она-то и отправила с нами своего мужа, чтобы он показал, где похоронен Баал Шем Тов. Оказалось, что захоронение зажато между двумя деревенскими домами. Некогда там и в самом деле было еврейское кладбище, но потом стали строить дома, и только небольшой клочок земли с захоронением и еще парой памятников остались. Причем, с улицы ничего нельзя было заметить. Все это можно было увидеть, только когда тебе покажут.

Я на кладбище не пошел. Софа и Ева Давыдовна подошли к захоронению Баал Шем Тоба. Потом жена сказала мне, что она попросила только три вещи: чтобы мы уехали в Израиль, чтобы Анечка смогла выйти замуж — в Израиле ее ждал жених, и чтобы у нас родился мальчик и продолжил род коэнов. Все это осуществилось после нашей встречи с Ребе.

Сейчас Меджибож — центр паломничества. Старинное еврейское кладбище освободили от застройки, выкупили все участки земли. В городе есть даже улица Баал Шем Тоба — центральная улица, которая ведет к кладбищу.

ЧИСТЫЙ И ВОЗВЫШЕННЫЙ ЗВУК

В конце семидесятых годов в Ленинградской синагоге практически не было людей, которые умели публично трубить в шофар³³. Мне было очень больно от этого. В то время я уже начал заниматься шхитой. Я спросил у старших, которые еще ходили в синагогу, могу ли я учиться трубить в шофар? Мне ответили, что, если будешь делать все как положено, — можешь. Я достал шофар и стал учиться. Ходил к старикам, которые знали, как надо трубить,— к реб Нафтоли Герцу Хедекелю, к реб Медалье, к реб Рефоилу Немотину. Часами ходил по саду нашего шуваловского дома и трубил, отрабатывая технику извлечения звука. Здоровье и физическая сила позволяли мне это делать со всей мощью.

Наступил праздник Рош а-Шана, и трубить в шофар мне предстояло уже в синагоге. И я протрубил — думаю, получилось неплохо. Вдруг вижу, мой папа, который молился впереди, рядом с местом, где трубят в шофар, со слезами на глазах подошел ко мне и обнял, от счастья не сказав ни слова. Это были объятия отца, который гордится своим сыном! Мне удалось достичь мощного звука, который поднимает, собирает вместе и зовет в грядущие времена.

Когда закончилась праздничная молитва, ко мне подошел шамес Ленинградской синагоги реп Авром Аба. «Изя, хочешь сделать мицву? — сказал он.— Ребецен Груня, дочь одного из самых известных раввинов России, уже много лет парализована. Прежде на Рош а-Шана кто-то приходил к ней домой и трубил в шофар, в этом году некому к ней пойти. Может, ты сходишь и протрубишь?»

Я, конечно, согласился, благо идти было недалеко. Все двери в квартире были открыты на случай, если кто-то приходил в дом и приносил ей лекарства и еду: она не могла встать с постели. В комнате стоял очень тяжелый запах — женщина лежала уже много лет, у нее действовала только верхняя часть туловища, а ноги вообще не шли. Я стал сомневаться, могу ли я вообще трубить в такой обстановке. Место трубления в шофар должно быть чистым. Но мне пришла в голову мысль, что, если женщина живет в этом пространстве и другого пространства у нее нет, значит, Всевышний обязывает ее находиться именно здесь. Я попросил ее произнести благословение, что она сделала с удовольствием. Я подошел к форточке, глотнул свежего воздуха и стал трубить. Думаю, таких трублений у меня в жизни больше не было — наверное, мне никогда не удавалось извлечь таких чистых, таких возвышенных звуков, если подобные слова позволительно

сказать применительно к самому себе. Это было нечто особенное... Передо мной был мир, ниже которого в физическом отношении, казалось, ничего быть уже не может: с жуткими запахами и нечистотой. А что такое трубление в шофар? Это коронование Всевышнего на престоле Царя мира. И женщина, жаждавшая услышать эти звуки, через них соединялась с Творцом, устремляясь в грядущие времена. Я это никогда не забуду.

Потом у меня были ученики, которых я учил трубить в шофар...

В августе 2003 года перед праздником Рот а-Шана ко мне обратился раввин Ицхак Зильбер из Иерусалима с просьбой о помощи заключенному Арье Журавлеву, которого депортировали из Израиля в Россию. Он находился в следственном изоляторе московской тюрьмы «Матросская тишина». Позже ко мне приходил его брат. Мы организовали передачу кошерных продуктов, а поскольку по российским законам раввин имеет право посетить своего подопечного, находящегося в заключении, то меня попросили также, если будет такая возможность, навестить Арье в тюрьме. Я согласился. Записали мои данные и пообещали со мной связаться. Шло время. И мне уже казалось, что наша встреча вряд ли состоится: слишком нереально все это выглядело.

И вот однажды, когда мы ехали на шихту по Ярославскому шоссе и уже выезжали из Москвы в сторону Сергиева Посада, раздался звонок. Мне сообщили, что разрешение на нашу встречу только сейчас получено, и нужно ехать в «Матросскую тишину» безотлагательно. Была уже середина дня. Мне пришлось отстоять огромную очередь к окошку, где принимают передачи. Потом пришлось пройти еще какие-то необходимые формальности. После долгих мытарств мне, наконец, удалось войти. С Арье нам разрешили говорить часа полтора. Он сказал, что хотел бы научиться трубить в шофар с тем, чтобы в праздник Рош а-Шана выполнить заповедь. А у меня шофар как раз был при себе, поскольку в канун еврейского нового года самому приходилось практиковаться в трублении. Мы сидели в комнате для встреч с адвокатами, там не было специального помещения для отправления религиозных обрядов. Прямо там я и начал учить его трубить в шофар. К празднику он освоил трубление и смог отметить новый год в соответствии с требованием еврейского закона.

Пока мы с Арье общались, мой сын Иосиф ждал меня в машине. Вскоре начали звонить с птицефабрики, где мы должны были резать кур. Сказали, что если мы не приедем, они сами, без нас, начнут забивать птицу. Я просил их не делать этого: нам нужны были кошерные куры на праздник, обещал заплатить им,

сколько надо. Мы приехали на птицефабрику уже вечером, но там меня все-таки дождались.

В следующий раз я пришел навестить Арье с продуктами и бутылкой виноградного сока. Это уже было в праздник Суккот.

Охранник налетел на меня с претензиями: «Что это ты принес в тюрьму!».

Я ответил: «Зачем ты кричишь? Во-первых, я пришел, потому что меня сюда пригласили, а во-вторых, в прошлый раз я согласовал с начальством, что я могу принести с собой, а что нет... Пошли к начальству!»

Начальнику я объяснил: «В прошлый раз все было нормально. Я не вынашиваю никаких каверзных планов, я просто хочу расположить человека ближе к Б-гу, ближе к другим людям. Я принес бутылку виноградного сока, а мне не разрешают пронести...»

Начальник говорит охраннику: «Ты что не видишь, что это сок? Чем он тебе помешал?..» Тот сразу притих....

Как бы там ни было, Арье Журавлев протрубил в шофар в праздник Рош а-Шана! Столько на моем веку было трублений! И среди них и это, которое произошло в тюрьме!

Рав. Ицхак Зильбер и Арье Журавлев. 2002 год

В месяц Элул надо трубить в шофар.
Синагога на Б.Бронной, Москва. 1995 год

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

РАССКАЗЫВАЕТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ
АРЬЕ ЛЕВИ ЖУРАВЛЕВ

Меня арестовали в Израиле, выдали в Россию, но потом я был полностью оправдан российским судом.

Идея протрубить в шофар в «Матросской тишине» на праздник Рош а-Шана принадлежала раввину Ицхаку Зильберу, у которого я учился в Израиле. Рав Зильбер делал все возможное, чтобы в тюрьме я продолжал соблюдать еврейские законы. Я даже надевал в камере тфилин, которые мне выдавали перед утренней молитвой, а сразу после молитвы забирали. Рав Зильбер вышел на раввина Ицхака Когана с просьбой, чтобы тот пришел ко мне с шофаром и научил меня трубить. Пришлось преодолеть немало препятствий, чтобы пронести шофар в тюрьму. Он ведь имеет заостренную форму. Возникло очень много вопросов, и реб Ицхак, и я ходили к начальнику тюрьмы, чтобы получить разрешение. Требовалось ведь, чтобы рав Коган не просто пришел с ним, а затем унес с собой, — надо было

оставить шофар в тюрьме. С огромным трудом нам удалось решить этот вопрос. Перед Рош а-Шана реб Ицхак пришел ко мне, мы начали трубить. Сразу же сбежала половина охранников: они решили, что мы подаем какие-то сигналы. Но все обошлось. И реб Ицхак меня обучил. Однако в камеру мне шофар, конечно, не дали — оставили у охраны.

Со мной в камере сидели неевреи, и когда я молился в Рош а-Шана, а потом в Йом Кипур, раздал им молитвенники. Договорился с одним из неевреев, что во время молитвы в тот момент, когда нужно было трубить, я делаю знак рукой, после чего сокамерник стучит в «кормушку», охранник открывает дверцу, передает шофар, я трублю, а потом отдаю обратно. И так происходило всякий раз, когда надо было трубить. Все прошло хорошо, и мне даже оставили шофар на Йом Кипур.

А когда на Суккот мне передали четыре вида растений, там, естественно, был и этрог. А в тюрьме полагается разрезать овощи и фрукты. Я раза четыре или пять ходил к начальнику тюрьмы для того, чтобы этого не делали. Так мне удалось выполнить заповедь «арба миним»...

Месяца через полтора я вышел из тюрьмы. Суд постановил меня освободить, но не отменил предыдущее решение. Из-за этой неувязки я целую неделю находился в подвешенном состоянии. Когда после суда меня привезли обратно, сокамерники спросили: «Ну что?» А поскольку следующая недельная глава Торы носила название «Ваеце», что означает «И вышел», я ответил, что выйду на следующей неделе.

Они спрашивают: «С чего ты взял?».

Я объясняю про недельную главу «Ваеце».

Они говорят: «Не может быть! Такого не бывает!»

На следующую неделю я вышел из тюрьмы. Оказалось, что я был прав...

Остается только добавить, что теперь в праздник Рош а-Шана мы трубим у здания Российской государственной библиотеки, потому что там сокрыта библиотека Ребе. Мы трубим, потому что эти книги — как живые люди, находящиеся в заточении.

Мы идем по Москве, встречаем евреев, говорим: произнеси благословение, и мы протрубим в шофар!

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

ПОЛИНА И ДАВИД ЭЛЬДИНЫ

Полина:

В Одессе начался мой путь к Торе и Израилю. Я была не знакома с традицией, воспитана по-советски. Встречи с настоящими людьми изменили мое мировоззрение и направили к тому, чтобы принять еврейский образ жизни... Там, в Одессе я впервые услышала о семье Коганов, которые жили в Ленинграде. Казалось, это был свет в окне для всех. Тем более что Изя и Софа всегда появлялись в нужный момент...

Поставка мяса еврейским общинам России — это был большой проект. Изя резал кур и быков, Софа мочила, солила, паковала мясо и отправляла в другие города. Я получала уже готовые пакеты. В 1983—84 годах, после учебы в Одессе, я жила и работала в Тирасполе. У меня была замечательная должность: нужно было ездить в командировки и подписывать какие-то документы в разных инстанциях. Я была молода, еще не замужем и готова ехать в любое место; мне даже не нужна гостиница, у меня везде были родственники. Я приезжала к Изе, брала сверток и отвозила его в Одессу или Кишинев.

Однажды, помню, я сопровождала туристическую группу. Оставила туристов в гостинице, приехала к Изе и забрала мясо. Была зима — пурга, ночь. Я думала, как мне оттуда выбраться. Изя дал мне денег на такси. Я так боялась всего. Ведь больше двух килограммов в одних руках быть не могло, легко могли припаять спекуляцию.

Наша свадьба с хупой проходила у них в квартире двадцать пять лет назад, 31 декабря 1985 года, в но-вогоднюю ночь. Хупу делал реб Авром Медалье, старый ленинградский раввин.

В ту пору у нас не было ни кола ни двора. Давид подыскал какую-то квартиру. И мы еще не знали, как будем жить...

Но Давид подошел к Софе и сказал: «Я хочу, чтобы на нашей свадьбе Изя мог нормально поесть». «Конечно, — ответила Софа, — если вы будете делать хупу у нас и готовить буду я, Изя сможет нормально кушать...»

Мы не знали, сколько соберется народу. Время было довольно тяжелое. Приходилось многое скрывать, прятаться. Мы, конечно, сообщили о свадьбе своим друзьям в разных городах: Киеве, Виннице, Одессе, Кишиневе... Многие

приехали — оказалось, больше ста человек. Как все поместились, не представляю. Однако как-то все сидели за столом. Была еще комната для хупы и комната для невесты — туда приходил жених покрыть ее фатой. Все будто сделалось само собой. К Софе приходили помогать наши родные и друзья. Но когда пришли мы, Софа сказала, что жених и невеста — это царь и царица, и они ничего не должны делать, просто прийти на свой праздник и радоваться. Так оно и было.

Я помню, как ходила в микву...

Туда можно было попасть только по специальной договоренности, предварительно получив ключ от входной двери. Невесту сопровождала Изина мама и принесла свои пироги. Она рассказала, что перенесла тяжелую операцию и дала обещание, что будет каждый раз приносить пироги в микву невесте в знак благодарности Всевышнему.

Давид:

Очень многие приехали на хупу. Это было событие в жизни еврейской общины. Еврейская община в те годы — не только Ленинград... Это было не просто важное событие, но и искренняя радость для всех. Сначала хотели праздновать у Левы Фурмана, но он поставил условие: больше восьмидесяти человек он в своей квартире принять не сможет. Но народу оказалось слишком много. А у Исаака Абрамовича границ не было, границы — это вообще не для него.

Из обычной тумбочки он сделал «арон кодеш», шкаф для свитков Торы: у него в доме хранилась «сефер Тора»... Конечно, хотелось, чтобы хупа была с «сефер Тора», со свитком. А это могло быть только в зале торжеств синагоги — но не всегда, не для всех, да и не всем туда хотелось...

А у Коганов это было почти подпольно, но в то же время демократично. Как бы противоречиво это ни звучало: при всей подпольности — открыто...

В этой квартире проходили многие торжества... А в еврейской традиции есть правило прибавлять святость к святости: где молятся, там и учат Тору, где учат Тору — дают имя новорожденному, благословляют, устраивают хупу.

Я помню, что был раввин из-за рубежа, посланник Ребе. Всегда хотелось, чтобы в такие моменты был кто-то из дипломированных раввинов, которые приезжали к нам из Латинской Америки или Австралии — значения не имело... Гнездо, куда залетали эти редкие птицы, было в квартире Ицхака Когана. Не побывать там, будучи в Ленинграде, было просто невозможно. Другого такого адреса не было...

В то же время мы понимали, что каждый подобный праздник выбивает всю семью из колеи на несколько дней... Но выхода просто не было. Были квартиры, куда люди при-ходили на занятия ивритом или Торой. Но когда на крупные события собиралось человек сто, реально взять на себя хлопоты, поднять все это возможно было только там.

Была какая-то особая атмосфера: мы все жили не столько реальностью, сколько мечтами и иллюзиями. Добрыми иллюзиями. Кое-кому потом удалось их реализовать, у других — не сложилось... Но тогда границ между нами не было: кто-то пытался соблюдать традицию, кто-то декларировал себя светским человеком... Как это происходило? Это можно наблюдать на примере нашей синагоги на Бронной — она необычная. Если внимательно посмотреть, то у нас можно обнаружить горских, грузинских, бухарских, литовских евреев. Никакого разделения нет. Такая же атмосфера была в Ленинграде. Теперь Исаак Абрамович перенес ее сюда...

Когда он уезжал Израиль, мы все были в шоке: что теперь будет! Мы боялись, что без Изи все начнет рассыпаться. В то время еще не было понятно, что скоро можно будет уезжать за рубеж свободно. Пока еще ехали единицы. Мы думали, что власти решили выпихнуть его из страны, чтобы с остальными было легче общаться, возникло ясное ощущение, что это удар по общине...

Я помню, как мы сидели у Левы Фурмана и рассуждали: кому-то Изя поручил возглавить ихиту, кому-то оставил свою машину... Мы пытались по кускам распределить работу, но это выглядело несерьезно... Координирующий и цементирующий фактор отсутствовал. Правда, через год открылся свободный выезд из страны. Но это уже начало другой истории.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Шойхет

КОШЕР В СТРАНЕ СОВЕТОВ

Я уже рассказывал, как мы с папой покупали на рынке кур.

Но купить живую курицу мало: нужно еще ее кошерно порезать. Потом ее необходимо оскубить — снять с нее перо. Причем опускать в кипяток нельзя. Ощип — длительная и кропотливая работа, вычистить птицу вручную непросто.

Мама заинтересовывала нас, детей, материально: она платила по рублю за курицу — старыми деньгами, конечно. К тому же перо, которое мы снимали, можно было сдать в приемный пункт по пятнадцать рублей за килограмм. А чтоб собрать килограмм пера, нужно, наверное, около тридцати кур ощипать. Вот мы и старались. У Додика, моего брата, получалось медленнее, но чище. Я делал работу быстрее, но не так тщательно. Ощипанную курицу нужно было вскрыть, и, если возникали какие-то вопросы, приходилось идти к шойхету или раввину, чтобы они посмотрели, можно ли считать ее кошерной. Потом мясо мочили и солили.

Причем делали мы это не только для себя.

Я уже говорил, что во время похорон моего дедушки раввин взял клятву с папы и мамы в том, что их дом навсегда останется кошерным. Так вот, такую же клятву он взял и у молодой семьи раввина Давида Гисина из Луги. Но молодая женщина, жена сына раввина, сказала, что она не может взять на себя обязательство вести кошерный дом, потому что она не знает, где и как достать кошерное мясо. Если кто-то ей принесет — другое дело — она, конечно, будет его готовить. Мой папа сказал: «Все, что я достану для себя, буду делить с Мурой». Так всю жизнь у нас было заведено: обязательно для Муры оставляли часть кошерного мяса.

Чтобы доставить кур с рынка домой, нужно было везти их трамваем или метро. Однако приходилось скрывать свой груз, потому что живых птиц в общественном транспорте перевозить запрещалось. Их везли в закрытых мешках, чтобы никто не слышал, как они там кудахчут. Некоторые птицы задыхались — это была настоящая трагедия, потому что доставать их было непросто. Меня кто-то научил делать курам искусственное дыхание. Некоторых я умудрялся оживлять: брал клюв в рот и двигал крыльями, как будто делал искусственное дыхание человеку.

Домой приходил шойхет — обычно это был реб Хедекель — резать кур.

Я помню еще двух шойхетов: реба Мейера с Загородного проспекта и реба Мордху, который жил на Малом проспекте Васильевского острова. Реб Мордха был совсем старый и приходиться к нам не мог, надо было везти кур к нему домой, что мы и делали, если реб Хедекель почему-либо отсутствовал или болел. Я не помню, чтобы реб Мейер резал кур. Обычно его приглашали, когда надо было сделать брит-милу. И еще он резал быков.

Доставать кошерное мясо было непросто, особенно перед праздниками. Мама будила меня в четыре часа утра, чтобы занять очередь пораньше. Она заказывала такси, и мы ехали либо на Кузнечный, либо на Некрасовский рынки. Там было

специальное место, где продавали кошерное мясо. Шойхет не имел права торговать мясом — только хозяин быка. Около продавца стоял кацев — мясник, следивший, чтобы кошерное мясо не смешалось с некошерным. Кацева звали реб Шейм. Я помню его лучше других из-за крупного шрама на голове после удара шашкой. Он получил это ранение еще во время Гражданской войны; по-видимому, рану зашивали на скорую руку, неаккуратно, поэтому шрам и через много лет производил устрашающее впечатление. Еще помню, что реб Шейм был человеком вспыльчивым и неуравновешенным.

Перед праздниками больше чем два килограмма в руки не давали. Мяса на всех желающих не хватало: в Ленинграде разрешалось резать на кошер только одну корову в неделю. Если мяса оказывалось больше нормы, пусть даже на разных рынках, санитарные врачи созванивались между собой и пресекали нарушение. Они забирали мясо на анализ дня на три, после чего оно становилось некошерным.

Мы с мамой приезжали рано и занимали очередь. Всем, кто стоял в очереди, на руке писали порядковый номер химическим карандашом. Надо было выстоять несколько часов в подворотне в ожидании, когда откроется рынок, а открывался он в восемь часов. Конечно, особенный ажиотаж был перед праздниками. Но очередь была всегда. Ведь на рынке кошерное мясо продавали один раз в неделю, может быть, пару часов. Когда я уже был женат, случалось, мясом торговали на Сытном рынке на Петроградской стороне, поблизости от моей работы. Я выскакивал в обеденный перерыв и спрашивал у реб Шейма, осталось ли что-нибудь из мясного. Он сообщал: легкое, сердце, может, и нога оставалась.

Вот так мы и жили. Когда я работал на заводе, все это уже едва теплилось. Совсем не осталось никого, кто бы мог кошерно резать скотину и даже кур. Мой учитель реб Рефоэл рассказывал, что, когда совсем некому было резать, а реб Морда уже лежал в постели, к нему приезжали, забирали из дому и везли к быку. Он был дряхл, трясся от старости, но когда резал скот, выглядел, как молодой. Навык сохранился у него на всю жизнь до глубокой старости.

А потом мясо вообще пропало — два года в Ленинграде не было кошерного мяса... И когда Мотл Лившиц приехал в Ленинград делать обрезание, мы сидели с ним за столом и ничего не ели мясного. Не для нас была та еда...

ВОЖДЕЛЕННАЯ КОЛБАСА

Мне удавалось соблюдать кашрут, работая на заводе и учась в вечерней школе.

Все это было глубоко скрыто от окружающих. В школу, а потом на работу я ходил со своим бутербродом. Все время хотелось колбаски, колбасный запах просто кружил голову. В детстве мы с братом говорили маме: мы тоже хотим колбасы. «Деточки,— отвечала она, — сейчас я вам сделаю бутерброд». Она брала кусок черного хлеба, терла его чесноком с солью, сверху мазала гусиным или куриным жиром.

«Дети, это наша колбаса», — говорила она. Действительно, пахло чесноком и было вкусно.

Во время бар-мицвы я впервые попробовал крошечный кусочек кошерного жира с проблесками мяса: простой шматок, весь высохший, который кто-то сохранил для торжественного случая. Этот запах я никогда не забуду.

В первый раз я нормально поел колбасы уже будучи женатым, когда мы с Софой поехали в Вильнюс и Ригу по еврейским местам. Тогда в Рижской синагоге работал Гершон Гуревич — уникальный раввин. Он был и шойхет, и моэль, на все руки мастер. На нем держалась вся община. В Ленинграде с кошерным мясом было много проблем из-за сильнейшего прессинга, безжалостно давящего на еврейство города. Я поинтересовался у рижского раввина: как, мол, у вас тут с мясом?

— Мясо было недавно, — ответил он. — В воскресенье резали. А сегодня уже четверг. Поскольку места для хранения мало, пришлось делать колбасу.

Слово «колбаса» вызвало самые необузданные картины в моем воображении. Я потерял опору под ногами, но позу держал.

— А можно нам посмотреть?

— Да, пожалуйста.

Он привел меня в маленькую копильню, зайти в нее можно было только согнувшись. Запах висевших повсюду колбасных колец ударил в голову. Я поинтересовался, можно ли это купить.

— Да бери сколько надо, — ответил раввин.

— У нас не особенно много желающих.

Мы купили двадцать килограммов по шесть рублей за кило. Около килограмма я съел по дороге в Ленинград. Это было мое первое настоящее знакомство с кошерной колбасой. Потом опять наступил долгий перерыв.

МИНИСТР ШИХТЫ

Как я уже сказал, в те годы в Ленинграде совсем не стало кошерного мяса. Даже кур некому было порезать. Когда в очередной раз из Москвы приехал Мотл Лившиц, шойхет и моэль, я попросил его порезать корову.

— Реб Мотл, — говорю, — пожалей моих детей, два года они не видели мяса...

— Изя, — ответил он, — если я без разрешения властей порежу в Ленинграде, мне запретят это делать в Москве. Ты молодой человек, религиозный, ты должен все это освоить сам.

Я посмотрел на него с сомнением.

— Приезжай на месяц в Москву, — продолжал Мотл, — я научу тебя резать птицу.

Мама не хотела, чтобы я уезжал, она нашла в Ленинграде шойхета, который согласился меня учить.

Но прежде чем начать обучение, я спросил у очень мудрых людей, имею ли я право заниматься этим делом. Ведь в ешиве я не учился. Мое еврейское образование было сугубо домашним. Может ли такой человек, как я, браться за обеспечение всей общины кошерным мясом? Это очень ответственно: даже на раввинов нет такого спроса, как на шойхетов. Свои вопросы я передал через посланников Ребе Симху Гринберга и Ионатана Соколова, молодых студентов из ешивы в Америке. Они адресовали их рабби Соловейчику из Бостона. Через несколько недель пришел ответ, что я не только могу, но и должен. И я начал учиться. Учеба происходила ежедневно. В четыре часа дня я заканчивал работу, и до одиннадцати вечера мы занимались. В пятницу — до десяти. Дело было летом — солнце в Ленинграде заходит поздно. Потом я сдал экзамен. Молодой шойхет должен иметь свидетельство от опытного шойхета в том, что он может резать, а также удостоверение от раввина в том, что новоявленный шойхет соблюдает еврейские законы и живет в соответствии с еврейскими традициями.

Я пришел к старейшему шойхету реб Нафтоле Герцу Хедекелю, учившемуся еще в Любавичах, чтобы он меня послушал и посмотрел, чему я научился.

— Ты научился? — воскликнул он с удивлением. — Ты можешь резать только, как обезьяна!

В законе есть такое положение: человек, который не знает традиций, а просто режет — режет, как обезьяна. И такая деятельность, конечно, неприемлема.

— Но вы же меня знаете, — возразил я. — И сами вы уже резать не можете, вот пришлось мне научиться.

В общем, я его уговорил. Он отправился со мной на машине на резку. По дороге он меня расспрашивал, и его отношение ко мне изменилось. Когда перед Йом Кипур, Днем Искупления, надо было резать курицу, он поручил это мне.

В это время я встретился с реб Рефоэлом Немотином. Этот человек целиком отдавал себя тому, чтобы сделать меня, Ицхака Когана, таким, каков я есть теперь. Может быть, он хотел еще лучше. Но уж — что получилось. В те годы раввинов не аттестовали, но как шойхета его аттестовал сам Гаон Рогачевский³⁴. Поскольку у меня не было необходимых бумаг, подтверждающих мою квалификацию и дающих мне право работать, то я мог резать только в присутствии опытного шойхета. Но для них это выливалось в ужасные мучения: приходилось по многу километров трястись в автомобилях: далеко не «тойотах» и «мерседесах». Я для себя решил: до Йом Кипур я их с собой потаскаю, а потом остановлюсь, подожду, пока кто-то к нам приедет. Пытались послать раввина из Америки, чтобы он меня заслушал, но его тут же отправили обратно, как будто кому-то это стало заранее известно: даже въехать в Советский Союз не дали.

Осень 1981 года. Накануне Йом Кипур режу перед синагогой кур на Капарот, в соответствии с традиционным обрядом искупления. В птицерезку меня не пускали. Мне говорили: если хочешь работать шойхетом в Ленинграде официально, ты должен публично отказаться от отъезда в Израиль. Мне предлагали хорошую зарплату. Но я не готов был принять это предложение на таких условиях.

В тот день ко мне подошел профессор Абрам Львович Медалье и сказал, что слышал от реб Рефоэла: мол, у меня есть проблема с каббалой— удостоверением от раввина на право работать шойхетом. «Так вот, я на самом деле аттестованный раввин, — сказал он. — Но в связи с тем, что я семнадцать лет отсидел в тюрьме, не хочу, чтобы все это происходило публично». В его присутствии я порезал две курицы и петуха. Он одобрил, но сказал, что писать ничего не будет. «Если кто-нибудь спросит, — добавил он, — кто тебе давал разрешение, дай ему мой номер телефона, и я объясню, почему не мог написать». Ага, вот уже кое-что есть!

Но как только он кончил говорить эти слова, слышу — кричат: «Изя, к тебе кто-то из Москвы приехал!» Я вошел в синагогу, поднялся на второй этаж и увидел молодого человека, которого звали Иеуда Катан. Он сказал, что никаких подробностей не знает, но от Ребе мне пришло срочное сообщение...

Какое же?

«Возьми министерство шхиты в свои руки».

Какое там министерство шхиты, я еще халеф еле держу в руках!

Зато Йом Кипур прошел на подъеме — я этого никогда не забуду. События нарастали как снежный ком. Реб Рефоэл заставил меня учиться резать не только птицу, но и скот.

Через несколько месяцев у меня уже были ученики.

ОТКАЗ ОТ ЗАРОКА

В те годы, чтобы заниматься шхитой, нужно было обладать не только изрядной физической силой, но и бесстрашием. Приходилось «общаться» один на один с быком, который не признает в тебе хозяина...

К шхите скота я пришел не сразу. Даже ког да я уже начинал резать кур, мне это казалось противоестественным. Однажды меня взяли на шхиту быков — обилие крови меня шокировало. И про себя я дал зарок никогда этим не заниматься. Но проходит месяц за месяцем, мы с моим учителем реб Рефоэлом ездим по окрестностям Ленинграда, ищем и находим где курицу, где гуся, где утку.

Однажды реб Рефоэл сказал:

— Ну вот, наши женщины опять будут мучиться с перьями, неужели и куса говядины им так и не удастся на стол поставить...

Я оправдываюсь. Мол, у меня нет ножа, которым режут быков... А потом, однажды увидев, как это делается, я дал себе зарок, что никогда не буду этим заниматься.

— По поводу зарока пойдя к раввину Медалье и спроси, что с этим делать, — ответил реб Рефоэл. — А насчет халефа, ножа для резки, я поговорю с реб Мотлом, и он пришлет тебе его из Москвы.

Что было делать? Я пошел к реб Аврору Медалье и рассказал ему про зарок.— Это кто-нибудь слышал? — спросил он.

— Нет! — отвечаю.

— Ну тогда дай что-нибудь на цдоку, пожертвование, и ты свободен от этого.

С зарокон было покончено.

Через неделю-полторы реб Рефоэл принес мне нож, и я начал резать баранов. Как сейчас помню первых трех. Нервничал. Двух я вообще резал, как кур. Конечно, моя работа была забракoвана. Реб Рефоэл даже стал кричать на меня, что

этому тихому, уравновешенному человеку было совершенно несвойственно: «Режь, как полагается — это тебе не курица!»

Только третьего барана я порезал, как положено. Впервые за долгие годы мы приготовили баранину, всего десять-двенадцать килограммов кошерного мяса. Ведь кошерной считается только передняя часть туши — двенадцать передних ребер.

Потом под Лугой, в 140 километрах от Ленинграда, я нашел телочку, совсем маленькую. За нее просили триста пятьдесят рублей — это были большие деньги по тем временам. Я договорился, что ее привезут на грузовике. По пути я обнимал свой драгоценный груз, чтобы животное ни в коем случае не повредило себе ногу во время тряски в машине. Приехали на место. Помню: телку звали Марта, и день был — 8 марта. Да еще реб Рефоэл заболел, сообщил, что приехать не сможет и посоветовал взять Абрама Львовича Медалье, чтобы тот присутствовал при резке. Однако реб Авром не был специалистом в шхите. А поскольку это была первая телка в моей практике, меня это тревожило. Я все-таки порезал ее, мы проверили — и все было хорошо. Но чтобы окончательно развеять сомнения, все потроха я привез прямо на дом к реб Рефоэлу. Он посмотрел и сказал, что все сделано, как полагается. Тогда я стал делить мясо на всех. А мясо молодое, костлявое. Передняя часть — всего сорок пять кило. Отрублю кусок — кости торчат. Я отрубая кость и кладу себе. Принес свою долю домой — это были в основном кости, на которых виднелось немного мяса. Софа удивилась: уж очень костлявой оказалась телка. Я объяснил: не мог же я людям отдать кости, вот и принес их тебе.

Первые месяцы мне все время снилась шхита. Да и наяву в основном попадались быки. Люди ведь быков выращивают на мясо, а телок предпочитают оставлять для надоя молока. Потом привык: каждый делает то, что должен...

После резки всегда надо проверить, все ли сделано в соответствии с законом о кашруте. Есть понятие «никур»: нужно вынуть все крупные кровеносные сосуды, в которых может остаться кровь. Единственный человек, который, как я знал, мог это сделать, перестал соблюдать кашрут: что поделаешь, не было кошерного мяса. Однажды после резки я приехал к нему, он сделал никур, обработку жил, но я все равно не был уверен, что поступил правильно. И тогда всю эту огромную девяносто килограммовую тушу я поволок на восьмой этаж к реб Хедекелю, старейшему шойхету, знавшему абсолютно все о шхите. Он только что получил квартиру в новом доме, и лифт не работал. Он сказал, что все сделано хорошо, но кое-что надо все же добавить — это упущение не делает мясо некошерным, но

все-таки. И он показал мне еще одну жилу, в середине грудины, которую надо было вынимать. Теперь я уже все знал точно. Потом, когда приехали американские раввины, чтобы проверить нашу работу — мою и моих учеников, они спросили, откуда вы знаете, что эту жилу из грудины надо вынимать, ведь этого сейчас никто не делает. Мы объяснили, что нас этому на учил реб Хедекель, мы так и говорим: жила реб Хедекеля.

УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ

Ребе неслучайно сказал, что министерство шхиты я должен взять в свои руки. Я думаю, что занятие шхитой способствовало цельности моего религиозного становления. В моих глазах люди, которые занимались шхитой до меня, демонстрировали совершенство служения Все-вышнему. Это касалось всех, даже, казалось бы, мелких деталей их религиозного поведения, включая ношение никогда не знавшей ножниц парикмахера бороды. За эти бороды их били в коммунальных квартирах. И за то, что они негасили свет в туалетах по субботам, их тоже били. И реб Хедекеля за все били! И он все испытания прошел с честью. Когда он получил отдельную квартиру, он говорил, что не может поверить в привалившее счастье. Его больше никто не ударит за то, что в Субботу он не погасил свет в туалете. Обычно он приходил к нам домой резать кур. Когда по каким-то причинам это невозможно было делать у нас, он резал в своей комнате в коммунальной квартире.

Мое религиозное и духовное становление во многом связано с особой ответственностью перед людьми, т.е. теми, для кого я делал шхиту. Ведь я резал в том числе и для старых шойхетов, перед которыми в своих глазах выглядел, как мальчишка. И поэтому мне хотелось скрупулезно соблюдать все установления Закона. Чем больше мы обретали духовную цельность, тем сильнее к нам тянулись люди. Вероятно, такое стремление отражается на человеке, на его поведении, на его притягательности.

Ученики дали мне возможность обрести не только духовную волю, но и физическую закалку. Однажды Шая Гиссер попросил, чтобы я приехал в Одессу и посмотрел, как там работает шойхет. Это была настоящая подпольная операция: как проникнуть к шойхету? Надо было действовать скрытно, не скажешь ведь: «Господа, к вам едет ревизор...»

Я посмотрел и сказал: «Шая, если хочешь, приезжай в Ленинград, я научу тебя резать не хуже». Так в 1980 году у меня появился первый ученик, а потом и другие

последовали за ним. Учился у меня молодой человек из Латвии, но он оказался слишком интеллигентным для шхиты. Теорию выучил, но дальше дело не пошло. Были ребята из Вильнюса, Куйбышева, Москвы, Харькова. В Ленинграде у меня было много учеников. Свою последнюю группу из двенадцати человек я собрал, когда уже получил разрешение на выезд. Нельзя было оставить Ленинград без мяса, и не только Ленинград, а практически весь Советский Союз. В то время Ленинград стал поставщиком мяса для всех евреев страны, соблюдающих кашрут. Шойхет работал и в Москве, но ему разрешали резать корову или быка только один раз в месяц. А мы в Ленинграде никого особенно не спрашивали...

Реб Лейбл Йосфин очень хорошо знал моего дедушку, был близок к нашей семье. Он жил круглый год на станции Горская под Ленинградом в пяти километрах от Разлива, где собирались подпольные миньяны: евреи окрестных мест ходили туда молиться. Реб Лейбл обычно шел туда пешком. Мы жили в Тарховке, он проходил мимо нашего дома и забирал меня с собой.

Однажды он спросил:

— Изя, скажи, как случилось, что ты начал заниматься шхитой?

— У нас два года не было мяса, а детей надо было кормить...

— У нас — иначе. Когда не было кошерных продуктов, жена стала кормить детей некошерными. Наверное, в этом моя вина.

А потом так получилось, что один из его сыновей женился на нееврейке, это была настоящая душевная травма для отца. Он корил себя за то, что уступил... Уступишь в одном, потом уже уступаешь в другом, третьем. Главное, что я вынес из нашей беседы: никогда нельзя уступать. В минуты сомнения всегда нужно принимать решение, которое позволяет оставаться рядом со Всевышним, не разрывая заповедных ниточек, нас с Ним связывающих. Шхита подняла меня на иной уровень еврейского самосознания. И в этом, конечно, помогло мое знакомство со старыми шойхетами, которые были примером для подражания и являли собой образец, к которому нужно стремиться и быть достойным его.

СУДЬБА

РЕФОЭЛ НЕМОТИН. КОМАНДИР И ЕГО СОЛДАТ

В 1938 году преследования хасидов ХаБаДа достигли апогея. Многие были арестованы, значительная часть — расстреляна. Среди них и отец моего учителя реб Рефоэла Немотина.

Вместе с братом он пошел узнать, за что арестовали отца. «Вы будете отрицать, что ваш отец хасид?» — такой ответ они получили.

И до 1990 года реб Рефоэл не знал ни даты гибели отца, ни каких-либо других подробностей,— ничего. Только в 1990-м ему выдали документ о том, что его отец был расстрелян на Левашовском пустыре под Ленинградом в августе 1938 года. Самого Рефоэла Немотина отправили в ссылку в Кокчетавскую область Казахстана.

Над ним издевались: он должен был сопровождать свиней на мясокомбинат и выполнять другие работы, оскорбляющие его еврейское достоинство. Свиней возили на тракторе, и однажды, когда он ехал с ними на открытом прицепе в сильнейший мороз, почувствовал, что замерзает. Он уже произнес слова, которые обычно говорят, когда человек уходит из этого мира.

Он заснул...

Проснулся реб Рефоэл от того, что свиньи окружили его и укрыли своими телами, — он отогрелся. Тогда он понял: свиньи, хоть и нечистые животные, но созданы, чтобы спасти еврея, который не переносит даже внешнего вида свиньи.

Реб Рефоэл очень мучился от голода, поскольку совсем ничего не ел: вся пища была не кошерной. Он ослабел до крайности. Но однажды, плетясь по поселку, вдруг увидел на дороге петушка. И вспомнил, что он шойхет. Он отправился к еврею-парикмахеру, депортированному из Польши.

«Дай мне опасную бритву и еще ремень и камень, чтобы править ее», — сказал он.

Настроил, заточил, как халеф, которым режут птицу. Потом порезал курицу и сварил бульон. Когда впервые за долгие годы он поел бульон из кошерной курицы, которую сам зарезал, почувствовал, как к нему возвращаются силы. За работу он получал небольшие деньги и мог иногда покупать птицу. К этому времени в ссылку стали прибывать арестованные в Польше евреи. Приехал кацев, который занимался мясом в Польше.

— Рефоэл, — сказа он, — до каких пор ты будешь давать нашим женщинам только перья? Давай порежем корову, быка или барана...

— Где я возьму халеф для шхиты?

— Пойди к кузнецу, закажи, он тебе сделает.

Реб Рефоэл пошел к кузнецу без особой надежды.

— Нужно сделать длинный прямоугольный нож, сказал он. — Но он должен быть из специальной стали, очень прочной и в то же время мелкозернистой.

— Не морочьте мне голову, — ответил кузнец, — у меня есть только один кусок рессорной стали, который остался еще с дореволюционных времен: «Добрыня № 8».

Это была единственная сталь, которая шла на халеф у евреев в дореволюционной России.

С тех пор реб Рефоэл снабжал всех евреев кошерным мясом. Пригодилась ему шхита. Вряд ли Рефоэл Немотин мог предвидеть, что это спасет ему жизнь, когда дедушка заставлял его заниматься шхитой. И недаром сам Рогачевский Гаон давал ему каббалу.

Ну а потом мы все от него научились не только шхите, но и как быть настоящим евреем, преодолевая все испытания.

Как-то в Ленинградскую синагогу зашел один человек из Израиля. В это время как раз шли массовые аресты активистов алии, да и просто религиозных евреев. И он спросил меня: «Почему всех кругом арестовывают, а тебя не трогают?» Мне было очень больно слышать эти слова, но я не знал, что ему ответить.

Через год он снова пришел в синагогу. И я ему сказал:

— В прошлый раз ты задал мне вопрос. Сейчас у меня есть ответ на него.

— Да что ты, я знаю теперь, с кем я говорю, извини, я не хотел тебя обидеть!

— Но я все же хотел бы ответить тебе, — настаивал я. — Когда идет война, очень многое зависит от офицера, который командует тобой. Некоторые командиры, чтобы выполнить приказ, бездумно бросают своих подчиненных на амбразуру, иные же выжидают момент, который позволит придумать какой-то маневр и сохранить солдат. Жизнь солдата во многом зависит от командира. Мой командир — очень опытный человек, и он говорил мне, когда можно высовываться, а когда надо переждать. Поэтому я до сегодняшнего дня еще на что-то способен. Мой командир — реб Рефоэл Немотин.

ПОДПОЛЬНАЯ ЕШИВА

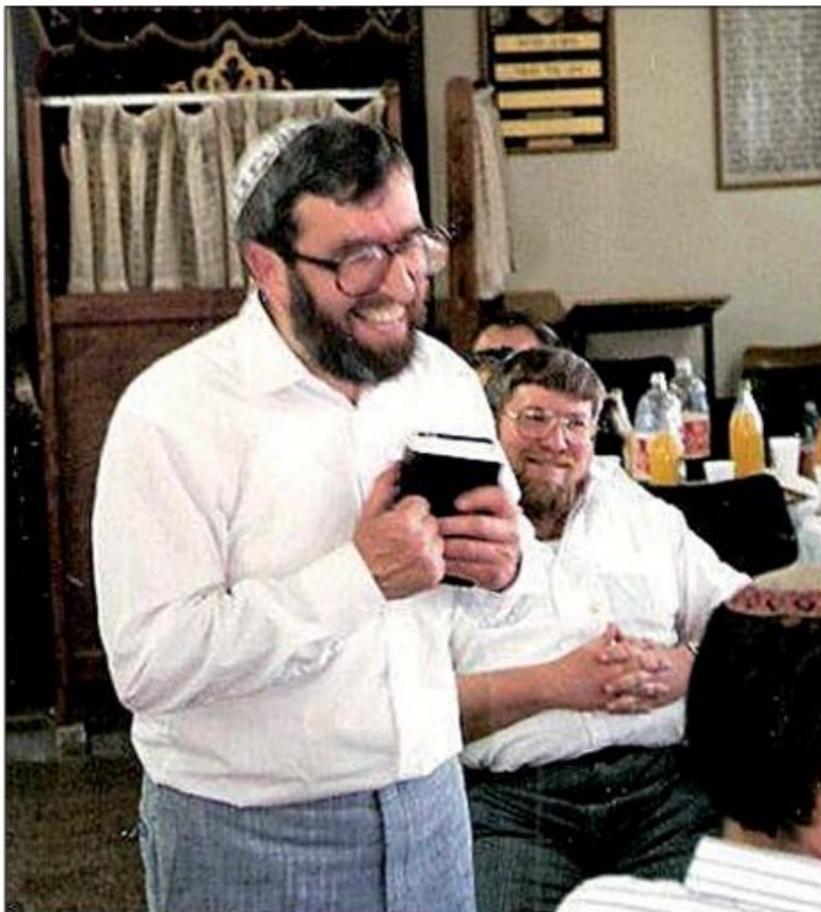
Наша база находилась под Ленинградом в Шувалове. Фактически это была подпольная ешива. Там строили первую в городе сукку³⁵ за пределами синагоги. Там праздновали Субботы в соответствии с еврейской традицией. Ешива располагалась в деревянном доме, принадлежавшем Юрию Львовичу Вайхновецкому, невельскому еврею, в прежние годы занимавшемуся обработкой кошерного мяса. С ним дружил еще мой папа. Когда кошерного мяса не стало, он оставил это занятие. Но мы решили снять дачу именно у него. И не ошиблись. Юрий Львович закрывал глаза на то, что у нас по Субботам собирались люди, больше того, он сам приходил молиться в наш миньян. Как сегодня говорят, он нас крышевал — причем в полном смысле этого слова: не давал никому приблизиться к дому. Мы стали снимать дачу круглогодично. Он сдавал нам помещение за символические деньги. Я видел, что его радует еврейское религиозное возрождение, особенно участие в нем молодежи.

Когда мне пришлось заняться шхитой не только птиц, но и скота, я узнал, что есть такая специальность — менакер; в прежнее время Вайхновецкий и был менакером — от слова «никур», — человеком, занимавшимся обработкой жил при кошеровании мяса. Он отлично разбирался в шхите. Ведь когда животное порезали, туша должна быть обработана до состояния, пригодного к мочению и солению, — для этого нужно освободить кровеносные сосуды. Никто не мог нам помочь в этом, и он предложил свою помощь. К сожалению, он не слишком скрупулезно соблюдал кашрут, и мы не знали, можем ли полагаться на его умение. Поэтому свою первую полутушу я отвез к реб Хедекелю.

Юрий Львович буквально расцвел, когда мы предоставили ему возможность прикоснуться к нашим занятиям. Ешива в Шувалове жила и развивалась. Перед моим отъездом в Израиль в ней учились двенадцать человек, которых надо было кормить и поить: они ведь жили там постоянно. Я сам никогда экзамены по шхите у них не принимал — считал себя недостойным. Принимали реб Рефоэл Немотин и реб Авром Медалье. Приезжали раввины из-за границы, которые имели право на аттестацию шойхетов, еще раз проверяли знания и умения учеников уже после наших специалистов.

Группа учащихся ешивы собралась со всего Советского Союза. У меня уже теперь, в 2006 году, учились харьковчане трех поколений: дедушка, его зять и внук, причем младший. Одиннадцать человек из этой «команды» еще как-то могли объясниться с зарубежными раввинами, а один вообще не знал ни слова на иврите

— все законы он учил по-русски. Раввины отказались принимать у парня экзамен, сославшись на то, что не понимают его, и решили, что пришлют в Ленинград раввина, который знает русский язык. В конце концов, этот ученик тоже получил каббалу шойхета. Его зовут Гриша Климовицкий, сегодня он единственный шойхет в Соединенных Штатах Америки, который режет оленей на Аляске.

**Арье Вольвовский в день
обрезания своего сына
в Израиле. Евфрат 1988 год**

**Юрий Львович
Вайхновецкий (в центре),
справа — Давид Коган,
слева — Ицхак Коган.
1991 год.
Ленинград — Шувалово**

СУДЬБА

АРЬЕ ВОЛЬВОВСКИЙ. ЧЕЛОВЕК СО СЧАСТЛИВОЙ УЛЫБКОЙ

Был у меня ученик Арье Вольвовский, ставший мне впоследствии близким другом. Может, мы с ним не так много контактировали, но всегда взаимно чувствовали родственные души. В нем кипела радость жизни. И он был одним из лучших в Советском Союзе преподавателей иврита в конце семидесятых — начале восьмидесятых годов.

Перед Олимпиадой власти высылали из Москвы всех неугодных и «ненадежных». Его как отказника отправили в Горький — туда же, куда и академика Сахарова, и тоже, кстати, в 1980 году.

В ссылке Арье должен был как-то зарабатывать на жизнь, и он придумал весьма оригинальный способ в духе Остапа Бендера. Он ходил по окрестностям Горького и предлагал в деревнях и селах необычную услугу: каждый из местных жителей мог воочию увидеть себя в гробу. Для этого Арье носил складной гроб, в нужный момент собирал его, клиент ложился, тот покрывал его саваном, складывал руки на груди, потом фотографировал и отдавал «покойнику» фото. Заказчик мог оценить, как он будет выглядеть в глазах окружающих, когда придет его срок. Услуга пользовалась большим спросом. Он даже не всегда успевал удовлетворить потребности всех желающих.

Когда благосостояние его улучшилось, он нашел себе новое занятие — появился в городской синагоге и сблизился с людьми, приходившими на молитвы. В основном это были старики — молодым в Советском Союзе молиться не позволялось. Он увидел, что отсутствие кошерного мяса доставляет этим людям настоящее страдание. К кому же он мог обратиться с этой проблемой? Ну конечно, у него же есть друг Изя, близкий человек, шойхет, который может научить его всем премудростям шхиты! Арье приезжает в Ленинград и появляется у меня дома со своей неотразимой улыбкой.

— Знаешь, зачем я к тебе приехал? — спрашивает.

— Нет.

— Я приехал учиться шхите.

Я стал ему объяснять, что это не так просто: надо соблюдать кашрут, праздновать Субботу, ежедневно молиться...

— Ну и что? — отвечает он. — Все, что ты скажешь, я буду делать.

Но всего до конца я не мог ему сказать: надо, чтобы жена вела еврейский образ жизни... И еще многое другое...

Но, во всяком случае, мы решили начать. Способности у него были уникальные.

Обучение проходило в Шувалове. Дело было летом. В Ленинграде Суббота в летнее время наступает в 12 часов ночи. Только около часа пополуночи мы садились к столу. У Арье был великолепный голос, он прекрасно пел. Он пел субботние песни на открытой веранде. И только потом мы узнали, что вся округа собиралась слушать его пение. Когда он уехал из Шувалова, все спрашивали: «Куда девался ваш певец — мы из-за него сюда приходим...»

Он и в самом деле был очень способным: и руки, и память, и желание, и искренность — все было при нем. Но была одна проблема: его жена — как мы ее называли, Мила-комсомолка. Она ничего не хотела слышать про еврейские

традиции — да, она хотела ехать с мужем в Израиль, но ничего соблюдать не собиралась. И еще у них была дочь Катя.

В это время к нам приехал из Торонто известный раввин Иммануил Шойхет.

Я решил поделиться с ним своими сомнениями: мол, человек технически готов полностью — и законы знает, и нож хороший, и делает все как надо, но жена его ничего не хочет слышать про еврейство, как это все связать вместе?

«Если вы сейчас отошлете его в Горький ни с чем, — ответил реб Иммануил, — что тогда получится? Евреи так и останутся без кошерного мяса. А Арье постигнет разочарование, поскольку он ничего не смог добиться. Он может просто опустить руки. Пусть он начнет работать... условно. Надо дать ему шанс привести в порядок свои семейные дела».

Наверное, я более жесткий человек, чем реб Иммануил. Я передал Арье все, что сказал раввин. Но и от себя добавил, что надо обязательно сделать хупу. Без хупы какая еврейская семья? «А в дальнейшем ты должен уговорить жену, чтобы она начала вести еврейский дом как положено». Софа встретила с Милой и уговорила на хупу без особого сопротивления с ее стороны. В микву перед хупой она пошла, но то, что она будет ходить в микву каждый месяц, — трудно было даже вообразить — во всяком случае, в ближайшее время.

Арье получил аттестацию, мы сделали хупу и справили свадьбу в Шувалове. Через две недели после своего отъезда он позвонил мне и сообщил, что его жена поехала в микву в Москву, — в Горьком, конечно, миквы не было.

Это еще не конец истории. Но пока я хочу подчеркнуть: человеку, который искренне тянется к служению Всевышнему, Он обязательно помогает. Арье очень активно проявил себя в Горьком — не только как шойхет, он еще давал уроки Торы. Властям это, конечно, не нравилось. Горький был спокойным городом, где, как считалось, уже полностью разобрались с еврейством. Оставались старички — последний эшелон, который надо было своим чередом отправить в мир грядущий. Власти думали, что покончили с еврейством навсегда. И вдруг появляется умный, энергичный парень, притягивающий к себе сотни молодых людей. И власти решили с ним разделаться. Среди его учеников оказался психически больной человек. У него возникали провалы памяти где-то на две недели в течение месяца. В период болезни он абсолютно не координировал свои действия, живя в прострации. А потом все приходило в норму. Он был очень близок с Арье. Власти и КГБ умело использовали это. За то время, пока этот несчастный был в прострации, они собрали информацию о деятельности Арье, устроили суд и на три года упекли его в тюрьму, причем в Якутию, в одно самых холодных мест

Советского Союза. А тот человек, узнав о своем невольном предательстве, покончил жизнь самоубийством.

Во время заключения Мила приезжала к нам, чтобы найти для Арье что-то мясное. Он ведь некошерного не ел. Причем, как она сказала, ему можно передать только колбасу, но и она должна быть на вид точно такая же, как та, что продается в магазине. Я обратился к нашему знакомому Шимону Крахмальнику из Могилева-Подольского — мяснику и колбаснику, знавшему об этих продуктах все. Он сказал: чтобы придать колбасе специфический цвет, следует коптить ее вместе с вишней. Мы срезали вишню у хозяина. Закоптили. Из трех килограммов собрали около кило, но зато все было очень похоже. Передали Миле, и Арье получил в Якутии наш подарок.

Его посадили в 1984 году, уже в конце советского режима. Я уехал в Израиль в 1986-м. Он вышел на свободу буквально через пару месяцев после этого. Позвонил мне. Спрашиваю: «Арье, как ты?» Он отвечает: «У меня все в порядке. Только одно огорчает: руки мои обморожены, чувствительности в них больше нет, шойхетом быть не смогу». Ему приходилось на сильнейшем морозе работать без рукавиц. Но Всевышний не оставил его без награды. В течение двадцати пяти лет — после того как у них с Милой родилась старшая дочь, детей не было; когда они приехали в Израиль, в семье родился мальчик.

Мы с Арье недавно встречались, он приезжал в Москву.

ВСЕВЫШНИЙ МЕНЯ БЕРЕГ

Когда я работал шойхетом, со мной часто происходили занятные истории.

Однажды меня пригласили в Кавголово под Ленинградом порезать быка. Огромный был бык, очень хороший, абсолютно кошерный. Потом хозяин просит меня порезать еще и теленка. Он переезжал в город, и скотину держать больше не собирался. И тут я понимаю, что теленок рожден от этого быка. А существует закон, который запрещает резать животное и его порождение в один и тот же день. На этот счет имеются прямые указания в Торе. Я отвечаю, что не могу его порезать: в тот же день — нельзя. «Подожди,— говорю, — сейчас в нем двадцать пять килограммов мяса, а через год будет все двести пятьдесят!» Так мы и уехали.

Прошло время. Наступает последняя неделя нашего пребывания в Советском Союзе. На следующий день надо забирать документы в ОВИРе. И тут звонок:

Борька твой подрос, приезжай — порежь. Сам я уже практически не резал — хотел, чтобы ребята, которые остаются здесь, практиковались. Но я, конечно, им помогал, свидетельствовал. Обычно мы вместе с реб Рефоэлом ездили. Я сказал Софе, чтобы на завтра она без меня отправлялась в ОВИР, объяснила, что я занят. А поскольку я глава семьи из восьми человек, если надо, приду на следующий день. Вместе с учениками мы поехали на моей машине. Теперь хозяин быка жил в городе, там ему удалось отыскать сарай, где вырос бычок.

Хозяин выводит огромного быка. Ребята кое-как его положили, но дальше справиться не могут — он их разбрасывает так, что они летают вокруг, как птички. Реб Рефоэл посмотрел на меня: мол, помоги ребятам. Физически я был покрепче своих учеников... Пришлось мне порезать этого быка самому — отличный бык оказался. И я навсегда запомнил, как он лизал мне руки. Это был вторник, а в понедельник, накануне, у одного из самых близких мне людей в годы отказа, моего ученика Алика Шейнина родился сын. В следующий понедельник была брит-мила, а в воскресенье я уже улетал. Отдал Алику язык этого быка: пусть на обрезании чувствуют, что я вместе с ними.

Прошло тринадцать лет. Я уже в Москве. Мне звонит из Израиля Алик Шейнин и приглашает на бар-мицву своего сына. Я соглашаюсь: семейное торжество намечалось после осенних праздников, когда есть немного свободного времени. Приезжаю, сразу отправляюсь на бар-мицву, но, как всегда, опаздываю... И что я вдруг слышу? Красочный рассказ об этом быке. Значит, не только на меня он произвел впечатление своей силой, но и на Алика, который в тот день был рядом со мной.

И ЕЩЕ ОДНА ИСТОРИЯ...

В СССР было незыблемое правило торговли, и называлось оно «норма отпуска продуктов в одни руки». В каждом магазине висел перечень нормированных продуктов. Так, максимальный отпуск мяса на одного человека составлял два килограмма. Если кого-то задерживали и в руках у него оказывалось больше двух кило, он мог быть обвинен в спекуляции продуктами питания. Не исключалась, правда, возможность приобретения мяса на рынке, где эта норма отсутствовала, но и цены там были совсем другие — гораздо дороже.

Я видел, что за моей шхитой следят, но выбора у меня не было. Были случаи, когда меня, что называется, Б-г берег. Иногда я ехал с двумя огромными «передками» быков в багажнике автомобиля. И машина от большого веса

поднималась носом вверх, как глиссер. Меня останавливали милиционеры и спрашивали, что в машине, почему она встала на дыбы. Я отвечал: «Старая машина, вся просела, рессоры не выдерживают...» «Ладно, езжай!»

Ко времени отъезда из Советского Союза у меня было две дырки в техпаспорте. Если бы я получил третью, то пришлось бы пересдавать экзамены на права. Обе дырки я получил, потому что перевозил миньян в своем «Москвиче». Миньян иногда приходилось собирать и везти в Ленинградскую синагогу. Спереди, как и положено, сидели два человека, но на заднем сидении размещались остальные восемь. При такой ситуации автомобиль, как и в случае с багажником, перегруженным мясом, двигался, задрвав нос. Однажды меня останавливают на Кировском проспекте.

Милиционер спрашивает:

— Сколько человек у тебя в машине?

— Не считал.

— Ладно, тогда я посчитаю...

Он начал по одному вынимать евреев с заднего сидения.

— Этого не прощу, — говорит, — ни себя не жалеешь, ни людей, ни машины...

ОДНАЖДЫ МЫ ПОРЕЗАЛИ БЫКА

— Исаак Абрамович, — говорит хозяйка, — пожалей меня, как я дотащу заднюю часть до приемного пункта, отвези, пожалуйста...

— Без проблем, — говорю, — садитесь!

Впереди, рядом со мной, сидел реб Рефозл. Сажаю ее сзади, заднюю часть кладем рядом, а переднюю прячем в багажник. Проехали буквально километр, ну, может, два — нас останавливают милиция и ОБХСС... Полный комплект! Проверяют документы.

Спрашивают:

— Что в машине?

Говорю:

— Бык.

Ага, поймали!

— Откуда бык?

— Вот хозяйка забила быка, попросила довести до приемного пункта.

У нее все документы в порядке! Они нас вынуждены отпустить — придраться-то не к чему!

Довез хозяйку до приемного пункта, сгрузили заднюю часть, а переднюю повезли в Шувалово и там окончательно превратили ее в кошерное мясо.

Обычно мне удавалось найти общий язык с быками. Я говорил с ними спокойно: «Боренька, Мишенька, подвинься, дай ножку...»

Но однажды меня пригласил комсорг совхоза «Ручьи» под Ленинградом. Я приехал, как всегда, вместе со своим учителем реб Рефоэлом, сказал хозяину, что сначала хочу посмотреть на быка. Тот отвечает: «Вон там, в поле стоит». Подхожу, смотрю и вдруг совершенно неожиданно получаю сильнейший удар в грудь. Я и мигнуть не успел, как бык прыгнул и головой ударил в грудь. Я полетел вверх, упал на землю, и бык стал топтать меня ногами. В этот момент я подумал: неужели Всевышний хочет, чтобы я вот так окончил свою жизнь? Я был физически силен, и мне удалось схватить быка за рога и прижать голову к земле. Тут подбежали люди, связали его, я его порезал. Он оказался некошерным. Я до сих пор помню, что у него срослась средняя доля легкого. Это было первое настоящее столкновение с быком. После этого у меня долго болела грудь, может быть, была трещина в ребрах или даже перелом. Уже потом хозяин быка сказал мне, что забыл предупредить: бык, мол, у нас сумасшедший, на людей бросается.

А второй случай был такой... Бык очень спокойный, но огромный. К тому же — было очень скользко. Чтобы завалить быка, его нужно дернуть. Я связал у него передние ноги, на заднюю надел петлю и протянул вперед — дернул, а бык остался на месте как ни в чем ни бывало. Я поскользнулся и упал, а он, увидев, что я под него свалился, решил через меня переступить. Обидеть меня он не хотел, просто случайно наступил копытом на икроножную мышцу. Было очень больно, у меня нога в этом месте почернела. Вечером я вернулся домой, прыгая на одной ноге: на больную ногу ступить уже не мог. К нам приехал из Москвы Гриша Розенштейн, который владел навыками нетрадиционной медицины и был экстрасенсом.

— Что это у тебя? — спрашивает.

— Да вот, бык наступил на икроножную мышцу.

— Давай, я тебе сниму боль.

— Как ты снимешь?

Он сделал мне точечный массаж, и меня отпустило — я пошел.

Третий неординарный случай с быком я помню очень хорошо. Бык был огромный — я его порезал. Думаю: надо еще посмотреть, как порезал. Стал

смотреть, а у меня в руке огромный халеф, нож для шхиты. Рабочие не удержали его голову. И бык, уже порезанный, в агонии нанес мне сильнейший удар по ногам. Я лечу вверх, с ножом в руках — он меня где-то на метр поднял своим ударом. Приземляюсь на копчик, а про себя думаю: мне бы только нож не испортить, потому что, если я его ударю о землю, он обязательно испортится, и тогда я не смогу проверить его после шхиты. У меня искры посыпались из глаз. Все это происходило на глазах моего сына.

Хозяин говорит:

— Уже, наверное, больше резать не будешь, на сегодня — все.

— Дай пару минут, — отвечаю, — очухаюсь, тогда посмотрим.

Но, слава Б-гу, пришел в себя и продолжил работать.

Еще один случай был. Привезли калмыцких быков. Калмыцкие — дикие быки, они пасутся в степи. Человек для них — совершенно посторонний объект. А рога у них, как вилы, поскольку они должны защищаться от диких зверей, да и между собой дерутся очень жестко. В Калмыкии скот хороший, он дает большой выход кошерного мяса, потому что скотина живет в естественных условиях и выкормлена молоком матери. Помощники держали его голову, а я еще не успел порезать его, когда он боднул меня рогами и попал в пах. Все закричали, а я только почувствовал, что меня немножко подняло вверх. Я отпрянул назад, смотрю — у меня ширинка полностью разорвана, но тела рог не коснулся. Я оставил эти брюки на память своим детям, чтобы они видели наглядно: если Все-вышний хочет, Он защитит. Вот и после известного визита бандита Копцева в синагогу остался лапсердак, порезанный его ножом на груди. Интересно: он разрезан только сверху, даже подкладка не повреждена.

Самая ужасная история с быком произошла на Раменском мясокомбинате лет десять назад. Я шел на шхиту. Вдруг вижу, один бык выпрыгнул из загона. Я попытался заставить его вернуться обратно. Но он побежал, как одержимый, к проходной, проскочил ее и помчался в сторону скотного двора, откуда его накануне пригнали, это приблизительно шесть-семь километров. У них есть особая тяга к скотному двору. Но этот бык — сумасшедший. За ним побежала охрана. Я тоже побежал. Чтобы попасть на скотный двор, надо было миновать садоводство. Мы стали ловить его канатами. Поймали, накинули на шею, привязали к яблоне, чтобы подойти сбоку. Но бык вырвал эту яблоню с корнем и опять побежал. И тут я увидел, что метрах в трехстах стоит мужчина с ребенком и замороженно смотрит на бегущего быка. Мы были на «газели», за рулем сидел мой помощник Игорь. Я говорю ему: «Догоняем быка и бьем машиной!» Мы наносим

первый удар — он продолжает бежать. Я говорю: «Прижимай к обочине!» Сам высунулся в окно и снова набросил на него веревки. И через дугу на двери «газели» стал притягивать его. Он тем временем всю машину побил ногами. Но, слава Б-гу, мы успели оградить дедушку с внуком. Утащили быка машиной. Как только останавливались, он сразу начинал брыкаться. Мы его просто уморили, потом связали... Уже наступила ночь. Пришлось порезать его прямо в поле при свете фар.

И тут проходит молодая парочка, идут себе в обнимку. Остановились, смотрят, что там происходит. Когда молодой человек увидел эту картину, он потерял сознание. А девушка ничего, нормально реагировала.

«ЕВРЕЙСКОЕ МОЛОКО» ОТ ВЕПСА

Я уже говорил об обычных русских людях, окружавших меня на работе в годы отказа, которые относились с пониманием к моей религиозности. Теперь хочу еще немного рассказать о наших помощниках, вовсе не евреях, которые способствовали моему становлению и как шойхета, и как религиозного человека вообще.

Ее звали Броня, она была полькой. Торговала курами на Кузнечном рынке в Ленинграде, сама же их и резала. А мы как раз искали место, где можно резать кур.

Я нашел ее на рынке и предложил: резать будем мы сами — и для вас, и для себя. Она согласилась, но давала нам всего две-три курицы на резку. Нам было этого мало. Приезжаем в очередной раз к ней в Тарховку, под Ленинградом, где она жила. Только я порезал курицу, слышу — кричит: «Пожар! Телевизор загорелся!» Я был молод и достаточно проворен — прыгнул в окно, только и успел сказать: «Дайте мне одеяло!» Быстро выдернул шнур из розетки. У этих телевизоров — «Радуга» назывались — была неприятная «болезнь»: иногда они самовозгорались. Трансформатор начинал гореть, даже когда «ящик» был выключен, но шнур подключен к сети.

Я накрыл телевизор одеялом и вытащил через окно, хотя он тяжеленный был, килограммов тридцать, если не больше. Слава Б-гу, он не взорвался. Я тогда сказал Броне, что можно получить деньги с завода: ведь мог же сгореть весь дом! «Подайте заявление, — предложил я. — Укажите, что ваш дом уже загорелся, и они вам наверняка заменят телевизор». Так и получилось. После этого она стала давать нам столько птицы, сколько надо было, и мы у нее резали кур.

Этот случай очень изменил ее отношение к нам. Оказалось, что мы не только готовы пользоваться ее живностью, но в случае опасности всегда придем на помощь. Так проблема птицы была решена.

А вот проблема найти корову или бычка оставалась. Очень мало мяса выходило на кошер. Однажды мне сообщили, что есть такой Николай Николаевич, который держит не только коров, но и баранов, живет он на хуторе близ Кузьмолова, неподалеку от Кавголова, под Ленинградом. Я поехал с ним знакомиться. И сразу понял, что с его помощью мы можем решить проблему «халав исраэль» — «еврейского молока», которое считается кошерным, если дойка проходила под присмотром еврея. Я изложил ему суть дела.

— Хорошо, приезжай, буду доить при тебе, — сказал он.

— На утреннюю дойку я приезжать не могу, а на вечернюю — обязательно.

— Хорошо, — отвечает, — буду ждать на вечернюю дойку.

И он никогда не доил коров, пока я не приеду. А приезжал я три раза в неделю. Брал молоко не только для себя, но и для родителей, и ребят, которые тоже соблюдали «халав исраэль». Софа делала и творог, и сметану, и другие натуральные молочные продукты.

Первую в моей практике телку, которую звали Марта, порезать было негде: в городе, на виду, этого делать нельзя, надо, чтобы никто не видел. Я спросил Николая Николаевича, могу ли я привезти к нему телку и порезать. Он согласился. Реб Рефозл был нездоров, и я приехал с реб Авромом Медалье. Там и порезали. Увидев мою работу, он сказал: «Теперь ты будешь резать у меня скотину, а я больше не стану». У Николая Николаевича было большое хозяйство: быки, телки, бараны и куры. Он очень любил своих животных: тайно от жены брал только что снесенные яйца и скармливал их бычкам. Он говорил, что, если давать бычку два-три яйца в день, его мясо будет белым. Его животные были абсолютно здоровы.

Однажды нас приехал проверять известный американский раввин Мойше Гайнеман из Балтимора. Мы должны были подготовить мясо, уже проверенное на кошер, на котором нам предлагалось сделать никур — жилование, специальный процесс обработки жил. В этот день мы порезали двух коров и двух быков, но ни одно животное не годилось. Купить мясо, на котором можно было бы сдать экзамен, я не мог из-за отсутствия таких средств. Абсолютно изможденный, я вернулся к раву Гайнеману и объяснил, что пока ничего не получилось. Решил срочно ехать к Николаю Николаевичу и попросить у него барашка на резку... Я и водитель, и шойхет, и разделывать мясо тоже приходилось мне! Нагрузку этого дня нелегко было выдержать. Я поехал со своим учеником Хаимом Аароном

Фейгенбоймом, который должен был в тот день аттестоваться. Мы доехали до переезда, он оказался закрыт, и я уснул в машине. Потом Хаим рассказывал, что переезд был закрыт около получаса. Наконец он разбудил меня, и мы поехали дальше. За эти полчаса я немного восстановился.

Было за полночь, когда мы разбудили Николая Николаевича.

— Выручай, — говорю, — дай барашка!

— Ладно, — отвечает, — сейчас приведу.

Мясо оказалось абсолютно кошерным. Половину мы забрали с собой. На ней все мои ученики сдали «экзамен по никуру». Поскольку ученики испытание выдержали, то и я автоматически «получил зачет» как их учитель. Раввин Гайнеман должен был рано утром ехать в аэропорт. Было очень поздно, оставалось всего несколько минут до времени разведения мостов. Я посадил гостя в машину, и мы буквально перелетели в последнюю минуту через мосты, встретившиеся на нашем пути. Привез его в гостиницу «Астория» и поспал несколько часов в машине, пока мосты снова сложились... Раввин не принадлежал к хасидскому направлению, но он был поражен нашей подготовкой.

— Кто вас учил? — спросил он.

— Старые хасиды, — ответил я.

Он отметил, что такую подготовку редко встретишь в мире. Сегодня мы видим, что это так и есть. К нам приезжают учиться ребята из многих стран. И наши ученики работают во всем мире. Вот такая школа была в России!

А Николай Николаевич... Когда мы уехали в Израиль, он вскоре ушел из этого мира. Это был человек редкой доброты. Он принадлежал к народности вепсов, жившей в Карелии. В свое время Петр I привлек их к строительству Петербурга. Теперь их осталось мало. Николай Николаевич считал себя изгоем в стране, которая не смогла обеспечить будущее его народа. Он всегда помогал мне. Мне запомнилось, как он сидел на крыльце и ждал меня; если даже я опаздывал на полчаса, а то и на час, он не трогался с места и не начинал дойки, чтобы на еврейский стол попало кошерное молоко.

ЖИВОТНОЕ С ЦАРСТВЕННОЙ ОСАНКОЙ

Два года назад, в 2008-м, мы ездили в экспедицию за мясом оленей.

Животные, которые разрешены Торой для употребления в пищу человеку, всегда несут энергию своего здоровья, внешнего вида, эмоционального состояния. Птица олицетворяет полет. Овца — покорность. Бык несет огромную силу.

Неслучайно один мудрец сказал, что не может учить Тору, пока не поест мяса быка. Конечно, в годы отказа нечего было даже мечтать о том, чтобы порезать оленя. Когда вернулся в Москву, уже в новой России, я все время вынашивал эту мысль — ведь обучая ребят шхите, я должен приводить их к уровню мастерства специалистов высокой квалификации. А поскольку олень — разрешенное к пище животное, мы должны уметь использовать его в шхите. Здесь нужны особые навыки. Ведь у каждого животного свои неповторимые особенности: быка режут не так, как барана, оленя — не так, как быка.

Я делал несколько попыток организовать экспедиции на север, но всякий раз безуспешно. Мне всегда назначали время прямо перед Пейсахом, поскольку потом на лето оленей угоняют в тундру. А тут вышло иначе: перед Рош а-Шана к нам зашел молодой человек просто посидеть за субботним столом. Спрашивает меня, могут ли олени использоваться в пищу как кошерные животные, можно ли их резать?

— Можно, — отвечаю, — проблема в том, чтобы их достать.

— Я могу помочь. Когда вам удобно?

— После осенних праздников, — говорю, — время хорошее, да еще и не такой сильный мороз на Севере.

Он пообещал договориться. И действительно, договорился в Нарьян-Маре, что к нашему приезду местные оленеводы пригонят на мясокомбинат оленей.

Но недаром евреи говорят: «Человек планирует, а Всевышний над ним посмеивается».

Во вторник к вечеру мы приземлились в Нарьян-Маре, а на утро четверга у нас уже был обратный билет. В экспедиции участвовали шесть человек: ученики, директор ешивы, мой сын. Выходим с летного поля. К нам подходят оленеводы с плохой новостью: они пригнали оленей почти уже к Нарьян-Мару, но из леса вышли волки, напугали их, и они убежали на сто километров в тундру. Чтобы пригнать оленей обратно, нужно как минимум два дня. А у нас двух дней нет...

Когда мы приземлялись, я видел вертолеты.

Спрашиваю:

— Мы можем туда долететь?

— Можем, но это дорого.

Ладно... Мы договорились с вертолетчиками, что в девять часов утра вылетаем.

Но ведь нельзя резать без того, чтобы не окунуться в микву. Хотя бы в какой-то бассейн с проточной водой. Нам помогали всем чем мог ли. Договорились с

детской спортивной школой, чтобы нас пустили в бассейн. Но когда мы появились с нашими бородами, совсем не похожие на детей, нам категорически отказали. Однако, проезжая по городу, я видел замерзающую Печору. Времени нет — в девять часов вертолет. Мы бросились к реке, чтобы окунуться. Печора оказалась очень мелкой, и нам пришлось долго бежать, чтобы хотя бы лечь в воду попластунски, и это в сильнейший холод с ветром. Там уже зима скоро! Мы что было мочи побежали обратно на берег в наш «соболь». Люди наблюдали за нами с интересом — с моста через реку им было все видно. Мы стали одеваться. «Соболь» попытался тронуться с места, но завяз в прибрежном песке, и нам пришлось его толкать.

Но мы успели вовремя. Наш вертолет опустился прямо к стаду. Оленеводы отловили трех самых крупных оленей. Мы ведь платили за голову по пятнадцать тысяч рублей и, конечно, хотели увезти с собой побольше мяса. Но из трех только один оказался кошерным. Причем, мы ведь используем только половину — это почти ничего. Тогда я попросил загнать нескольких телят этого года, которые еще не пережили зиму...

Я понял, зачем мы поехали за оленями. Конечно, это мясо имеет свой неповторимый вкус, оно с запахом ягеля. Но дело не в этом. Нужно обязательно увидеть оленей! Олень несет в себе царственность. Кто наблюдал, как бежит стадо в пятьсот особей, высоко подняв головы, никогда этого не забудет. Олени опускают голову, только когда пасутся. Но во время бега они несут ее величественно, словно на ней красуется корона. Интересно, что даже маленького олененка очень трудно свалить на землю и сильному человеку, но когда его повалили и связали, он перестает сопротивляться: делай с ним что хочешь — у него потеряна жизненная энергия. А вот бык и баран будут брыкаться до конца. Наш народ говорит Всевышнему: «Мы твои дети». Думаю, такую же царственность должны нести и мы, чтобы это видели все. Добро, которое мы можем принести в этот мир, — для всех, не только для нас.

Мы порезали оленей. Вертолет забрал нас из тундры.

Есть мицва, которую можно выполнить только после резки оленей: покрыть кровь мелкого животного. Кровь оленя должна быть покрыта землей или песком. Как и птицы. Кровь быка не надо покрывать, и барана не надо.

Каждый из нас исполнил эту мицву.

«Батальон четверых хасидов»

«На оленях мы помчимся...»

Высадка «десанта» в тундре

КОШЕРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В РАМЕНСКОМ

До 1993 года я не находил никакой возможности отыскать в Москве базу, где можно было бы заготавливать кошерное мясо. Я вынужден был ездить для этого в Ленинград, где у меня еще с прежних времен были налажены поставки скота. Я должен был бросать все свои дела дома и в синагоге, да к тому же приходилось переправлять мясо в Москву для обработки и последующей рассылки по стране. Нужно же не только порезать быков, но еще вымочить и просолить мясо!

Однажды мой ученик и близкий товарищ реб Хаим Аарон Фейгенбойм сказал мне, что у него есть знакомый на Раменском мясокомбинате под Москвой. «Может, съездим, попробуем договориться?», — предложил он. Директор предприятия Нисон Александрович Баер встретил нас приветливо и предложил посмотреть: что из этого получится.

— Я привезу быков из совхоза, а вы режьте! — сказал он.

Но что такое резать быков «на кошер», он, конечно, не представлял. Быка же нельзя оглушать электричеством, как это обычно делают на комбинате, а потом резать. Нужно соблюдать все правила кошерного забоя... А это непросто. Мы порезали сто быков за три дня. И из ста только три оказались кошерными: два — просто кошерными, и один — «глат-кошер» — абсолютно кошерный, как говорится, без сучка и задоринки. Такой выход продукции даже нельзя назвать минимальным.

— Я сделал все возможное, — сказал Нисон Александрович. — На три дня я отдал в ваше распоряжение комбинат, но ничего не вышло.

Мне было тяжело это слышать. Я видел, что он и, правда, сделал все что мог. А что мог я? Я же не могу назвать некошерное кошерным. Проблема заключалась в том, что комбинат три дня работал в особом режиме, а результатов не было. Я вернулся в синагогу расстроенный.

На следующий день ко мне пришел глава еврейской общины Малаховки Исаак Яковлевич Абрамов.

— Изя, — говорит он, — может, ты хоть чем-то нам поможешь — в синагоге нечем сделать кидуш, средств нет.

— Мы же рассылаем гуманитарную помощь, — отвечаю ему. — Давай список, человек тридцать — сорок, мы выпишем на них помощь, вот и будет у тебя хоть что-то конкретное...

И продолжаю:

— Вы же в Малаховке всегда были надежным оплотом кашрута. Кто у вас там занимался этим? Остались ведь поставщики, найди мне кого-нибудь!

— Да, знаю у нас одного человека, я с ним поговорю.

Вечером мне звонит поставщик Михаил Федорович Егонин.

— Говорят, ты «на кошер» хочешь резать, — у меня есть одиннадцать быков, пожалуйста.

— Давайте в воскресенье на Раменском комбинате порежем.

— Договорились. Из одиннадцати девять быков оказались «глат-кошер».

Так началась наша совместная работа. Михаил Федорович всегда поставлял животных на кошерное мясо. Он знал, что нужно брать быков из частного скота — совхозный не проходит. Впоследствии мы резали скот неподалеку от мясокомбината в подсобном хозяйстве Приборостроительного завода в Раменском. Мы работали вместе несколько лет. Потом завод решил это хозяйство продать: оно было непрофильным, и держать его стало невыгодно. Я предложил Нисону Александровичу Баеру приобрести его, что он и сделал. Сегодня это подсобное хозяйство Раменского мясокомбината для производства кошерного мяса.

Нисон Александрович внес неоценимый вклад в развитие технологии кошерного производства. На Раменском мясокомбинате установлен единственный в России специальный бокс для кошерного забоя. Отправляясь во Францию, он взял меня и моего сына, а также своего технолога, чтобы выбрать агрегат, между прочим, весьма дорогой — стоимостью около двухсот тысяч долларов. Нисон Александрович установил его на заводе. Принцип работы этого агрегата разработан специально для кошерного производства. Это совершенно другой технологический уровень! Сегодня им пользуются во всем мире, потому что при такой системе в организме животного во время забоя не вырабатывается адреналин, что является обязательным требованием при производстве кошерного мяса. На линии проверяется здоровье животных. Быки, аттестованные как «кошер» и «глат-кошер», получают особую пометку. Сегодня мы используем, в основном, только «глат-кошер» — у нас есть такая возможность. Далее отделяется передняя часть туши, одиннадцать ребер (у животного всего тринадцать ребер), и направляется на кошерное жилование. Из туши нужно удалить крупные кровеносные сосуды. Потом мясо замачивается и солится, после чего оно готово к продаже. Сегодня у нас работает еще и колбасный цех, т.е. мы не только режем и кошеруем мясо, но и изготавливаем продукцию.

Что же касается кур, мы режем их прямо на птицефабриках, потом привозим и кошеруем на Раменском мясокомбинате.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Израильтянин

ЗАЧЕМ ПЕРЕСАЖИВАТЬ ПЛОДНОСЯЩЕЕ ДЕРЕВО

За годы отказа мы окрепли в нашем служении Всевышнему — не только сами, мы старались приобщить к этому других. Это давало ощущение духовного возрождения...

Разрешение на выезд в Израиль по-прежнему оставалось желанным, но перестало быть высшей целью. Наша психология изменилась: когда мы получили отказ, испытали настоящий шок, а когда получили разрешение на выезд в Израиль, стали соизмерять необходимость продолжения жить в СССР с нашим желанием уехать.

Прощание с людьми, которые находились рядом со мной в отказе, было очень тяжелым и даже болезненным. Приехав в Израиль, я почувствовал себя подавленным. Отказник получал разрешение на выезд, а его друзья и соратники в очередной раз получали по голове от властей, многих ожидали серьезные неприятности. К выезду такой ценой я не был готов. Мой учитель как-то сказал: дерево вросло в почву, оно дает плоды, — зачем же его пересаживать в другое место? Я знал, что Ребе всегда заботился о том, чтобы евреи, которые оказывают влияние на религиозную жизнь общины, оставались в Советском Союзе: он не всегда был сторонником их отъезда. Они должны были оставаться лидерами. Как только я получил намек на разрешение, сразу спросил у Ребе, могу ли я уехать из Советского Союза. Его ответ: я должен ехать, поскольку это выше природного порядка вещей.

Мы приехали в Израиль 16 ноября 1986 года. Личная встреча с Ребе произошла через три с половиной недели, после нашего приезда. Разговор продолжался беспрецедентно долго — 2 часа 10 минут. Эта встреча полностью меня изменила. Изя Коган стал другим человеком. До этого часа я не понимал, чем должен заняться в Израиле. Я был, как партизан, долгое время находившийся в

подполье и видевший мир — снизу... После встречи я понял: пришло время работать так, чтобы тебя все видели. Надо выделить главное и с этим главным неуклонно идти к цели, а не просто предпринимать какие-то единичные действия, которые позволили бы сохранить статус-кво. Иначе просто не достичь решения масштабных задач современной жизни.

В ходе беседы Ребе говорил о том, что не только я сам не должен забывать русский язык, но и моим детям необходимо хорошо говорить по-русски. Ведь через некоторое время им придется возвратиться, чтобы работать с российскими евреями. Разве я мог после четырнадцати лет ожидания разрешения на выезд в Израиль помыслить о возвращении?!

ИЗ ИСТОРИИ ХАСИДИЗМА

VII ЛЮБАВИЧСКИЙ РЕБЕ. ДУХОВНАЯ СВЯЗЬ С КАЖДЫМ ЕВРЕЕМ

Наши мудрецы говорили: «В каждом поколении есть свой Моисей».

В нашем поколении наставником и пастырем еврейского народа стал Ребе Менахем Мендл Шнеерсон.

Он родился в городе Николаеве в 1902 году. Вскоре семья переехала в Екатеринослав, куда его отец рабби Леви Ицхак получил назначение главным раввином. В 1923 году молодой Менахем Мендл знакомится с VI Любавичским Ребе Иосифом Ицхаком Шнеерсоном, который несколько лет спустя был приговорен большевиками к смертной казни и спасен благодаря вмешательству мировой общественности. После освобождения Ребе Иосиф Ицхак эмигрировал в Ригу, а затем обосновался в Варшаве. Там в 1929 году Менахем Мендл женился на Хае-Мусе, дочери VI Ребе. Супруги переехали в Берлин, а затем в Париж, где будущий Ребе закончил Сорбонну и получил диплом судового инженера.

В 1941 году, спасаясь от нацистов, семье пришлось эмигрировать в Америку. После смерти Ребе Иосифа Ицхака в 1950 году Менахем Мендл стал его фактическим преемником, возглавив Любавичское движение. Но лишь год спустя он официально соглашается стать лидером хасидов, VII Любавичским Ребе.

С середины прошлого века благодаря его деятельности в еврейской жизни произошли кардинальные изменения. В результате сегодня на земном шаре нет

такого уголка, где ни работали бы посланники Любавичского Ребе. Они зажигают свет Торы там, где находятся, приближают евреев, и не только евреев, к служению Всевышнему.

Зачастую посланник сам создает еврейскую общину там, где есть десять евреев. А если и десяти евреев не набирается, он работает с туристами, привлекая их для молитвы.

Кроме того, Ребе удалось соединить общеобразовательные институты с еврейским движением. Сегодня практически во всех больших университетах и колледжах США и Европы работают с молодежью его посланники. Ведь после Второй мировой войны еврейское движение находилось в очень тяжелом положении: было столько потерь, что люди терялись в своей вере. И вот обрести ее заново — веру в жизнь, в будущее еврейского народа — помог Ребе Менахем Мендл.

О Любавичском Ребе я слышал с детства от родителей как о человеке, который заботится о каждом еврее и с каждым чувствует нерасторжимую духовную связь. Но поскольку я учился в советской школе, а дома рос в замкнутой еврейской среде, эти слова воспринимались как легенда. Религиозная жизнь нашей семьи, все наше еврейское бытие проходило под лозунгом: «В следующем году в Иерусалиме» — слова, которыми заканчивается Пасхальная Агада³⁶.

Это была клятва верности поколениям евреев, которые жили до нас.

Пейсах вообще был для нас особым праздником: мой дедушка отдал жизнь за то, чтобы у евреев Ленинграда была маца, когда в 1949 году власти запретили ее выпечку. В 1950 году его замучили в следственных органах, регулярно вызывая на допросы, чтобы выяснить, как он организовал подпольную мацепекарню. Ему было пятьдесят четыре года...

Накануне трагического дня он стоял в синагоге у «арон кодеш», шкафа, где хранятся свитки Торы, молился и говорил: «Всевышний, забери меня, я не могу выдержать все эти мучения...» На следующий день, выйдя на улицу после допроса, он упал замертво. И это был его особый удел, потому что, если бы он умер в застенках, его невозможно было бы нормально похоронить. А так в последний путь его провожал весь еврейский Ленинград.

И все эти годы я не забывал девиз: «В будущем году в Иерусалиме». Я вырос, женился, у нас сложилась религиозная еврейская семья. Но перед тем как жениться, я спросил у своей будущей жены Софы: поедет ли она со мной в Израиль, если вдруг представится такая возможность? Она, не раздумывая,

согласилась. В 1967 году мы поженились, а в 1972-м подали документы на выезд. Выехали мы, правда, только в 1986-м...

Когда мы стали отказниками, появилась связь с Ребе через его посланников.

Община фактически обязала меня заниматься ихитой, потому что в Советском Союзе не было кошерного мяса,— нечем было кормить детей. Я спросил Ребе, имею ли я право заниматься этим делом, я же специально ешиву не заканчивал. Ребе ответил мне, чтобы я взял, как он выразился, «министерство ихиты» в свои руки. Я чувствовал себя ребенком, которого бросили в воду, чтобы он учился плавать. Но уже через год я руководил подпольной ешивой с учениками со всего СССР — молодыми людьми, которые понимали, что должны помочь своим общинам.

Это было в 1980 году. Некоторые мои друзья и ученики уже уехали в Израиль. И они обратились к Любавичскому Ребе с просьбой благословить меня, чтобы я как можно скорее уехал из Советского Союза. Они получили ответ: Ребе дает свое благословение «на все, что бы он ни делал». В то время я не понимал, как Ребе может быть до такой степени уверен во мне, в том, что все, мною сделанное, будет сделано правильно...

Однако очевидно, что в течение всего периода отказа, в Израиле, а потом в Москве — и до сегодняшнего дня благословение Ребе работает.

АУДИЕНЦИЯ

В Израиле я удостоился аудиенции Ребе вместе с супругой. Меньше чем через три недели после приезда нам предложили отправиться в Нью-Йорк. С самого начала встречи не покидало ощущение, что я приехал к очень близкому человеку, такому, каким может быть только отец.

Первый вопрос, который он нам задал: почему вы не взяли с собой своих детей. Те, кто помнит, как выезжали тогда из Советского Союза, понимают, что у нас не было денег даже на себя: нам купили билеты...

Ребе интересовался, как проходил наш выезд из Советского Союза. Потом он сказал на идише: «Власти хотят меняться, не надо им мешать». Уже тогда, в 1986 году, он почувствовал, что в СССР грядут перемены.

Во время аудиенции Ребе неожиданно спросил, какова ситуация с миквой в синагоге в Марьиной роще...

А история эта довольно печальна. Долгие годы миквы там вообще не было. Однажды ребята ее все-таки построили, используя для этого свои отпуска,

проверили — никаких протечек не было... Ночью пришли сотрудники КГБ, засыпали ее и сверху покрыли паркетом. На это было ужасно смотреть.

И вот Любавичский Ребе интересуется миквой...

Что ему ответить?

«Наверное, Ребе знает, что микву в Марьиной Роще засыпали...»

А Ребе смотрит на меня и улыбается: «А там есть отдельный вход для женщин?»

Миква одна — и для мужчин, и для женщин, просто были установлены разные часы посещения. Но я не был уверен, что отдельного входа для женщин не было, и сказал, что не знаю.

А Ребе продолжает улыбаться: «У меня есть сведения из достоверных источников, что в синагоге в Марьиной роще миква будет работать...»

Сразу после аудиенции звоню в Москву, чтобы уточнить, есть ли отдельный вход для женщин?

Мне отвечают, что — нет, но можно сделать через комнату раввина Давида Карпова...

И как только там сделали отдельный вход для женщин, пришли сотрудники КГБ и сказали, что они готовы разрешить открыть микву для пользования. Вот так Ребе умел все предвидеть! Он понимал, что публично пройти через главный вход женщины стеснялись, а через боковую дверь могли войти, не привлекая к себе внимания.

И еще одна вещь произвела на меня потрясающее впечатление. Ведь в течение одной недели вместе с супругой мы дважды удостоились встречи с Ребе. Это было в четверг с 9 на 10 Кислева, и еще раз с 16 на 17 Кислева, когда мы уезжали из Нью-Йорка.

Перед первой аудиенцией мне сказали, что я ничего не должен просить у Ребе. Я решил, что для себя ничего не стану просить. Но у моего любимого ученика Мойше Рувена Асмана, теперь главного раввина Украины, никак не шел шидух³⁷ с дочерью еще одного моего ученика из Харькова Зуси Любарского. На аудиенции я вытащил из кармана фотографию и говорю Ребе: «Там, в России, остался мальчик — он мне, как сын, — и у него не идет шидух... Может, вы благословите его?»

Ребе посмотрел на фото, увидел, что Мойше без бороды и спросил: «Это мейделе (девочка)?» И продолжал: «Пусть берет штурмом, и все будет хорошо!»

После аудиенции я позвонил в Ленинград Мойше: «Ребе сказал — брать штурмом!»

Было раннее утро пятницы, канун Субботы. Он сел в самолет, полетел в Харьков к отцу своей девушки и сказал: «Ребе велел — брать штурмом!» На что Зуся ответил ему: «Если Ребе сказал, как я могу быть против!»

Через неделю мы опять были на аудиенции.

Я поблагодарил Ребе:

— Ваше благословение подействовало, у молодых скоро будет свадьба!

— Кто будет делать хупу? — спросил Ребе.

— У нас всегда делает хупу реб Авром Медалье. Сейчас он болен, у него был инсульт. Слава Б-гу, есть ваш посланник Шмуэль Эбер ...

Ребе посмотрел на меня серьезно.

— Передайте Шмуэлю Эберу, — сказал он, — чтобы не забыл зайти к реб Медалье и взять у него посланничество.

Вот так взгляд Ребе пронизывал пространство даже через моря и океаны: ни в коем случае нельзя обидеть старого раввина! Шмуэль Эбер мог ставить хупу только после того, как реб Медалье сделает его своим посланником. Что это, как ни подлинная любовь к каждому еврею вне зависимости от того, где тот находится и в какой ситуации оказался, — абсолютно безграничная любовь, которую Ребе всегда проявлял к своему народу!...

Перед встречей с Ребе я ужасно волновался. Нас с женой привезли в «Севен севенти», дом Ребе в Нью-Йорке, на утреннюю молитву. Мне сказали, что я должен встать впереди. Когда Ребе выйдет из своего кабинета, необходимо сказать благословение... У меня сердце просто выпрыгивало из груди. Наконец Ребе вышел, мы встретились глазами, и я произнес благословение. Мне показалось, что в этот момент я стал другим. Причем перемены не происходили постепенно, мало-помалу, как это обычно бывает, все изменилось прямо здесь, в этот момент... Ребе дал мне силы и желание смотреть на этот мир сверху. У нас, евреев, которые жили религиозной жизнью в России, всегда был комплекс подполья: мы скрывались и смотрели на этот мир снизу, из подпола. В фильме Галины Евтушенко «Раввин» я сравнил ситуацию с подводной лодкой, которая ходит под перископом. И вдруг понимаешь, что находишься на палубе корабля, когда все видно вокруг и все видят тебя. Это состояние мне и, наверное, многим другим подарил Ребе после встречи: ты причастен к переустройству мира. Это и есть публичная декларация веры, добра, милосердия, которую Ребе принес в этот мир.

ВРАТА В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ

Ребе сказал, что надо строить город для тех, кто приедет из Советского Союза. Это было, как бомба. До него об этом никто не говорил.

Выезд из страны каждого человека сопровождался гонениями: власти били тех, кто оставался. Что-то происходило обязательно: какие-то аресты или репрессии — по-другому не было. Я очень переживал... В течение трех недель после нашего приезда места себе не находил. Ходил к Стене Плача. Много выступал, где-то что-то рассказывал. Но никакого успокоения не было. Выезд такой ценой не планировался.

Однако Ребе сказал мне, чтобы я готовился принимать репатриантов из России, которые скоро начнут приезжать без ограничения. А потом, через четыре месяца, он заявил об этом публично. И пояснил, что специально для них нужно строить город ХаБаДа в Иерусалиме. Это прозвучало как откровение. Ведь в ту пору, в 1987 году, еще уезжали по капельке, никто не понимал, что скоро образуется огромный поток. Но и эти единицы нужно было где-то селить. Иерусалим не был готов к алии. В городе действовали только два центра абсорбции — «Гило» и «Мевасерет Цион»³⁸. Последний — в основном, для высокопоставленных отказников и американцев. Вскоре я понял, как организовать прием. Надо снять квартиры и везти туда людей прямо из аэропорта. В Израиле есть неписанный закон: где еврей положит голову в первую ночь, там ему потом захочется жить.

Ребе говорил, что для репатриантов из Советского Союза нужно приготовить три вещи: работу, жилье и еще создать условия для каждого, позволяющие почувствовать, что он совершил духовное восхождение. Тогда и появилась идея создать духовный центр для евреев из СССР.

Созданию города ХаБаДа в Иерусалиме Ребе придавал большое значение. На протяжении года весь ХаБаД жил этой идеей. В начале 1988 года, когда мы начали заселять коттеджи, Ребе послал уважаемых и состоятельных людей принять участие в закладке первого камня Духовного центра евреев из Советского Союза; среди них были Шолом Бер Дризин, Иосиф Ицхак Гутник из Австралии, Рональд Перельман из Филадельфии. Но дальше этого дело тогда не продвинулось. Правда, Ребе лично дал чек на десять тысяч долларов на это строительство — такого прежде никогда не было — и послал специальную телеграмму с благословением. Понадобилось двадцать два года, чтобы в 2010 году духовный центр и синагога «Ор Менахем Мендл. Бейт Соша» были открыты.

В ту пору у меня установилась регулярная переписка с Ребе. Я писал ему каждую неделю, а он отвечал мне... Фактически Ребе назначил меня ответственным за прием репатриантов и за будущий город ХаБаДа. Я понимал, что нужно срочно снимать квартиры. Нам дали немного денег — пять тысяч долларов. Тогда месячная аренда квартиры стоила от двухсот до двухсот пятидесяти долларов.

Софа была в положении, и мы решили уйти из центра абсорбции, тем более что кое-какие деньги мы уже заработали. Это позволило нам снять пятикомнатную квартиру в Гило за триста долларов, причем сначала она стоила двести пятьдесят, а уж потом хозяин увеличил цену. Мы начали принимать людей в заранее снятые квартиры. Это была экстренная мера — на первое время. Потом они находили жилье сами. Репатриантам начали выдавать деньги на съем квартир. Раньше они получали только «корзину абсорбции» и жили в центрах абсорбции, пока не устраивались. Никто не предполагал, что вскоре в Израиль придет столько евреев, что никаких центров уже не хватит. А Ребе это предвидел. И требовал строить жилье. Но пока мы сняли около полутора десятков квартир, некоторые близкие нам люди сдавали их вообще очень дешево...

Так началась абсорбция в Иерусалиме. Это было очень важно: для евреев, приезжающих в Израиль, в Иерусалим — святой город.

Первые репатрианты, приехавшие в Израиль в конце восьмидесятых годов, в основном, были отказниками. И многие из них придерживались еврейского образа жизни. Так уж сложилось. Были те, кто носил большие бороды, были и те, кто ходил вовсе без бороды. Кое-кому надо было объяснять, что если в религиозном районе женщина пойдет в короткой юбке, то рискует получить тухлое яйцо в спину. Их туда не селили. Им предлагали, в основном, районы со смешанным, религиозным и светским населением — Гило и Рамот Алеф.

В городе, который предполагалось строить по указанию Ребе, должны жить люди, соблюдающие еврейскую традицию, и те, кто готов идти этой дорогой. Не обязательно, чтобы они уже соблюдали все законы, важно, что они хотят этого. Мы понимали, что это значит: мы же из Советского Союза, а не из района Меа Шеарим³⁹...

Ребе поставил задачу найти площадку под строительство домов. Он требовал искать разные варианты. Был дешевый вариант в Неве-Яков — Ребе не согласился. Был еще вариант в районе Арнов, где в основном живут американские евреи, — с очень хорошими, почти готовыми квартирами по приемлемой цене — шестьдесят тысяч долларов в среднем. Ребе сказал — нет. Он, видимо, хотел что-

то уже более или мене готовое к заселению. Когда мы нашли в Рамоте пятьдесят два коттеджа, уже почти построенные, и он сказал: «Всевышний дал благословение на это место». Меня назначили ответственным за заселение. Все спрашивали: откуда ты наберешь пятьдесят две семьи, которые захотят жить вместе и в соответствии с еврейской традицией?

Вскоре все коттеджи были заняты, хотя они стоили достаточно дорого. Трехкомнатный дом стоил от шестидесяти до шестидесяти пяти тысяч долларов, а четырехкомнатный — от восьмидесяти шести до восьмидесяти девяти тысяч долларов. «Машканта», ссуда на квартиру, была гораздо меньше этой суммы. На семью для приобретения трехкомнатного коттеджа давали только тридцать три тысячи долларов. И еще на восемь тысяч долларов можно было взять «машлиму», ссуду, которая предоставлялась под девять процентов годовых. Этого явно не хватало и покрывало, может быть, только половину стоимости жилья.

Ребе призвал евреев помочь новым репатриантам обосноваться в Иерусалиме.

В Америке нашелся очень богатый еврей Рональд Перельман, который пожертвовал два миллиона долларов на эту программу. Мы стали делить эти деньги на пятьдесят два дома, но никак не удавалось распределить эту сумму на всех...

Я написал Ребе, сообщил, что нам не хватает денег, приложил список жителей и все расчеты. Я понимал: надо ехать в Америку, вопрос слишком серьезный. Ребе ведь мог предложить с кем-то встретиться, обратиться к кому-то лично... Приезжаю. Иду к секретарю Лейблу Гроннеру и говорю, что хочу передать письмо Ребе.

— Хорошо, — отвечает, — пожалуйста.

В этот день Ребе уехал на Огель, могилу VI Любавичского Ребе, он всегда там молился по понедельникам и четвергам. В эти дни хасиды обычно ждали, когда Ребе вернется, чтобы помолиться вместе с ним «минху» и «маарив»⁴⁰. Я тоже решил подождать. Еще до начала «минхи» секретарь Ребе сказал мне, что уже есть ответ. Очень хорошо! После молитвы захожу к нему, он отдает мне записочку. Написано на иврите: «Я помянул вас, когда молился на могиле VI Ребе...»

И все?! А где деньги?

— Это ответ, — говорит Гроннер. — Но мне деньги нужны!

— Таков ответ.

— Так я должен вернуться сейчас в Израиль?

— Если тебе здесь больше нечего делать, возвращайся!

Чтобы в тот же день вернуться, надо было еще доплатить за билет...

Я возвратился в Израиль очень расстроенный, потому что, как мне казалось, ничего не сделал и не знал, что будет дальше.

На следующий день, наверное, единственный раз в истории Израиля, произошло резкое падение курса доллара. Он стоил 1.65 шекеля, а стал — помню как сейчас! — 1.52. Стоимость квартир была в долларах, а «машканти» — в шекелях. Разница выразилась точно в той сумме, которой нам не хватало. Эта ситуация продержалась какое-то время, а потом курс снова поднялся до двух шекелей за доллар. Ах вот, оказывается, что значит: «Я помолился за вас на могиле VI Ребе»!

Потом, правда, у нас возникли проблемы, но это уже другая история...

Первые три года вообще ничего не надо было возвращать. Рассрочка была рассчитана на семнадцать лет. Только потом люди поняли, что им надо платить. А пока все думали, что это подарок Ребе. За это время произошел колоссальный эмоциональный подъем жизни в шхуне, нашем микрорайоне: люди приглашали друг друга на Субботы, ходили в гости, устраивали праздники прямо на улице, разъезжали по центрам абсорбции и собирали людей...

Но, как оказалось, не все были в этом заинтересованы.

Что поделаешь? Это дело живет, но, надо сказать правду, не в той мере, как того хотел Ребе... Он ведь хотел город, а пятьдесят два коттеджа — всего лишь микрорайон. Конечно, если собрать всех, кто жил и родился в этом районе, может, и в самом деле, получится город! У нас ведь есть дети, имеющие уже своих детей — и не одного или двух, которые родились в этом районе...

Первым был наш Иосик.

«ПРОВОРНЫЕ УВИДЯТ ЦАРЯ В ПОЛЕ»

И все-таки многие боялись селиться в этом районе — казалось, очень дорого. Они не понимали, каким образом будут расплачиваться. Ведь «машканта» и «машлима» — тоже большие деньги, которые придется вернуть. Я написал Ребе, что есть несколько человек, которые уже решились на покупку домов, но, в основном, люди опасаются: цена слишком велика. Был месяц Элул, предшествующий празднику Рош а-Шана. И Ребе ответил мне на иврите: «Проворные увидят царя в поле». Эта аллегория означает, что преддверие нового года — месяц тшувы, возвращения к Всевышнему. Еврей, делающий тшуву именно сейчас, не должен, идя к царю, проходить все инстанции — министров,

канцелярию, охрану. Все проще: Царя можно встретить в поле. Иными словами, с Ним можно общаться напрямую.

И мы решили, что будем обосновываться в этом городе: Саша Фейгин, Мойше Гойхберг, наша семья, еще несколько человек... 18 Элула, в Субботу, наметили собрать первый миньян. Но для этого нужен Свиток Торы. Я стал спрашивать, но никто не хотел одалживать... Я расстроился. Мне посоветовал обратиться к местному врачу, каббалисту. «У них отдельный миньян — может, тебе и дадут...» Я стал разыскивать человека, который может решить этот вопрос. Его звали Давид Царфати. Оказалось, что у него стоматологическая поликлиника.

— Мы евреи из России, — говорю ему, — собираемся молиться в нашем поселении, но у нас нет Свитка Торы, хотим одолжить у вас.

— Хорошо, берите, только не забудьте вернуть...

И он дает мне свиток, но не на двух ручках, а один круглый — как у сефардов... Можно молиться и с таким.

— А у меня жена тоже стоматолог, — рассказываю своему новому знакомому.

— Ну, раз стоматолог, пусть зайдет. Поговорим, может, я ей чем-то помогу...

Мы помолились со свитком... А со свитком нельзя меньше трех раз в новом месте молиться...

В понедельник, как обещал, возвращаю. Давид сам мне напоминает: «Пусть твоя жена-стоматолог зайдет, не стесняйся, может, я ей помогу...»

Так Софа стала у него работать... А потом она его спасла. Всевышний все выстраивает...

Дело в том, что Давид с семьей бежал из Марокко. У него все документы пропали, семья оказалась в Израиле практически голой. Но у него были свидетели — врачи, которые вместе с ним учились. Они подтвердили его квалификацию. Он получил разрешение на работу. Но потом у него случился конфликт с пациенткой: у нее возникли претензии, и она натравила на него всю израильскую прессу. Тогда открылось, что у Давида нет настоящего диплома, а только какие-то свидетельства. У него отбирают клинику!

Софа приходит домой расстроенная.

— Давид попросил перевести его клинику на мое имя — я ведь дипломированный врач. Иначе он потеряет все. А мне говорят, чтобы я этого не делала, — в прессе пошел звон, и это может плохо отразиться на моих делах.

К этому времени у Софы уже была своя клиника, и Давид помогал ей во всем.

— Но мы ему должны, по Торе должны, — ответил я, — мы брали у него свиток, он взял тебя на работу... Ты должна ему помочь. Иначе нельзя. Что будет,

то будет. Сколько всего про нас говорили в России. Ну, будут теперь говорить еще и в Израиле! Так — что?

И она переписала клинику на свое имя. Я думаю, что и до сегодняшнего дня она числится за Софой... Волна прошла. А человек продолжал работать.

Всевышний ни у кого в долгу не остается...

Проходит месяц или два. К Софе, в клинику Давида, — она уже большую часть времени работала и в своей собственной клинике — приводят девушку лет двадцати, которой за всю ее жизнь ни один врач не мог вылечить зубы, потому что от зубной боли у нее начинался дыхательный спазм: какая-то особая чувствительность! Ей сказали, что есть одна еврейка из России, у которой хорошие руки. И в самом деле, Софа лечила ее несколько раз, и ни одного спазма не было.

После этого случая молва о враче с необыкновенными руками быстро распространилась. У нее появились очереди, она не справлялась. Раввины посылали к ней больных, чтобы она лечила им зубы, — часто без денег. Она и к этому была готова. Только однажды сказала: «Я не знаю, что делать, — людей присылают для бесплатного лечения — как буду платить налоги?»

Первые годы, когда мы только начинали работу на Большой Бронной, Софа буквально спасла своими заработками синагогу. Она помогала нам выжить: в начале девяностых никаких денег у нас не было... Пятьдесят долларов в неделю не могли собрать на синагогу.

ВИНО ПОБЕДЫ

В те годы мне пришлось немного послужить в Армии обороны Израиля.

По закону, который действовал в Израиле, когда мы приехали в 1986 году, каждый новый репатриант, не достигший сорока одного года, должен был пройти армейскую службу. В ту пору мне было сорок с половиной лет, оставалось еще полгода до срока. Мне предлагали эти полгода про- сидеть в ешиве и закрыть вопрос с армией, чтобы она не отрывала меня от других дел. Но я посчитал, что если уж надо защищать своих детей, то не стоит делать это чужими руками. А поскольку, несмотря на свой возраст и годы, проведенные в отказе, я чувствовал себя бодро, то легко прошел медицинскую комиссию, и оказалось, что мой профиль очень высокий — восемьдесят девять баллов из девяноста восьми, которые возможны для израильтянина при призыве в армию. Парадоксально, но два балла всегда снимают за брит — обрезание.

Однако мне объяснили, что раньше чем через два года после того как человек репатриировался в Израиль, в армию не призывают: нужно из-учить иврит, немного попривыкнуть... Но при этом предупредили, что, поскольку мой профиль очень высокий, я буду призван в группу не «до сорока одного года», а «до тридцати пяти лет».

Не прошло и двух лет, как меня вызывают: настало мое время послужить.

Израильская армия — особенная. Там как минимум раз в две недели отпускают навестить семью... Когда я прибыл в свое подразделение, ко мне относились с осторожностью: хотя в группе было сорок два человека, нас, бородатых религиозных евреев, оказалось всего шестеро. Все были из России. Мы жили дружно. И я очень старался. Правда, однажды меня наказала наш сержант, женщина. Когда тебе дают фляжку с водой, ты должен выпить всю содержащуюся в ней жидкость, перевернуть и показать, что там даже капли не осталось. А у меня несколько капель вылились. И она заставила меня отжиматься восемнадцать раз на плацу. Все стали протестовать: «Что ты с нашим раввином делаешь, как тебе не стыдно!» Я сказал: «Нет, раз провинился, значит, буду отвечать как положено». Отжался восемнадцать раз, как приказали.

В первую ночь службы на нас надели все выданное обмундирование, дали вещмешок — только оружия мы еще не получили — и заставили бежать три километра по лесу в районе Шхема. Конечно, я пару раз ногу подвернул, но добрался. Впрочем, все наши ребята оказались не особенно сильными спортсменами. После пробежки каждый должен был пройти осмотр у медбрата, и я видел, как он забинтовывает растяжения и ссадины. Я ему сказал: «Ты мне ничего не делай, дай только бинт, я все сделаю сам». Когда через несколько дней ночью нас опять подняли по тревоге, я прибежал первым.

Во время службы случались всякие казусы. У нас был один парень из Эфиопии — с необычной судьбой. Он несколько раз пытался убежать в Израиль, и последний раз, после очередной неудачной попытки, ему просто переломали ноги. Позже у него все срослось — он был в хорошей физической форме. Но по ночам он вдруг вскакивал и во сне начинал с кем-то воевать. Мы все на него наваливались и успокаивали. Наверное, ему снились кошмары.

Что еще было интересного? Подъем у нас был в полшестого, потом — пробежка и физзарядка. Раньше вставать не разрешалось. Я подошел к командиру и спросил, можно ли мне ходить в синагогу на утреннюю молитву.

— Пожалуйста, — отвечает, — вместо получасовой зарядки можешь молиться.

— Нет,— говорю, — так я не хочу, а то скажут, что из-за своей бороды я отлыниваю от зарядки. Лучше разреши мне вставать в пять часов. За полчаса я успею помолиться.

Мне разрешили. Оказывается, я не один такой был. В синагоге собирался полный миньян. Часть была большая, около тысячи человек. А однажды нас учили, как ориентироваться по звездам, если заблудишься. Отвезли на сирийскую границу. Палатки ставим маленькие, не более метра высотой, рассчитанные на двух человек. Сверху противнику они не видны. Не успели мы поставить палатки, нам говорят: для тех, кто хочет молиться, уже расставлена большая палатка-синагога; и Свиток Торы на грузовике везут. Меня это по-настоящему тронуло: нас вывезли на учения, и первое, что устанавливают, даже раньше штабной и оружейной палатки, — большую палатку для синагоги. Это было очень волнующе.

Еще был такой случай. Ехали мы на грузовике, и вдруг у нашего грузовика MAN как будто выстрелило переднее колесо. Нас было человек тридцать. Все соскочили вниз, думали: может, колесо прострелили. Машина накренилась, нас построили в оцепление, а водитель, совсем мальчик, остался заниматься ремонтом.

Я говорю командиру:

— Давай, я помогу мальчику, я же бывалый.

Он отвечает:

— Ну куда ты со своей бородой пойдешь помогать, он сам справится.

— Послушай, — говорю, — я бывалый, я знаю, что делать. Надо домкрат правильно поставить, а то машина на него упадет.

Командир меня отпустил. Подхожу к мальчику...

— До того как ты начнешь снимать колесо, надо домкратом наклонить машину в другую сторону, чтобы она на тебя не упала.

Парень сначала растерялся и очень обрадовался, что кто-то пришел ему на помощь. Мы сняли колесо. Когда начали ставить «запаску», он на радостях «пришил» мне палец. Ну, то есть — прибил, было больно. Мы поставили запасное колесо. Я ему сказал: давай, прямо с домкратом начинай движение; машина пойдет, у нее все колеса ведущие. Грузовик тронулся с места, домкрат упал, его подобрали. Операция по замене колеса прошла успешно. Меня наградили тем, что еще одну Субботу разрешили побыть дома.

На время службы у меня выпал день рождения. Любавичский Ребе учил своих хасидов в дни рождения устраивать фарбринген: делать «лехаим», разговаривать,

рассказывать разные истории. Но, к сожалению, выпивку я забыл дома, взял только лекех, печенье. Уже в самый последний момент обнаружил, что у меня нет вина. А возле Шхема куда пойдешь? Там купить не у кого. Я вспомнил, что военному раввину в синагогу на кидуш дают вино.

Нашел раввина, говорю ему:

— У меня просьба — может, одолжишь мне пару бутылок вина, у меня день рождения, мы с ребятами хотим вечером сделать «лехаим».

— Ну, пойдём со мной.

Проводит меня к какому-то помещению, открывает дверь, а оно все забито ящиками с армейским вином, которое называется «Вино Победы».

— Бери, сколько хочешь. Мне каждую неделю на Субботу присылают по два ящика, а мы больше двух-трех бутылок на всех не расходуем. Я не знаю, что со всем этим делать. Ничего покупать и привозить не надо!

Да-а... Я понял, что израильской армии пьянство не грозит.

А у меня на день рождения было «Вино Победы».

Кроме службы «тиранут» (в России это называется «курс молодого бойца», или просто «учебка»), которая длилась полтора месяца, я побывал на сборах под Иерусалимом в Анатот. Там была тюрьма для террористов, которую нам приходилось охранять. А потом меня перевели в службу безопасности аэродромов. Дошла очередь и до сборки и разборки автоматической винтовки М-16. Когда сержант, девушка, увидела, как я за шестнадцать секунд собираю и разбираю автомат, глаза у нее округлились от удивления. Оружие я изучал еще в институте. Когда стрелял с прибором ночного видения, кучность попадания в цель у меня была два сантиметра, а в дневное время четыре — с тридцати метров.

Мне очень понравилась служба в израильской армии — дружеская обстановка, чувство единения в достижении цели. Конечно, служил я недолго, но ощущение причастности к делу защиты Израиля сохранил на всю жизнь.

У НАС РОДИЛСЯ СЫН!

Наша семья и по сей день остается единым целым, несмотря на то, что мы живем в разных концах света. Когда мы хотим быть вместе, ничто не может нас остановить. Особенно это стало заметно в последнее время, когда большинство членов нашей семьи собралось в России, в Москве. Моя старшая дочь Аня часто приезжает из Израиля — семейного общения, в котором она нуждается, ничто не заменит. Недавно ей исполнилось сорок два года, и я позвонил, чтобы поздравить

ее с днем рождения. В ответ на мои поздравления она сказала, что необходимо помочь будущей семье: молодые собираются делать хупу, а родители между собой перессорились. Она попросила меня связаться с людьми, которые могли бы повлиять на родителей. Жить внутри еврейского сообщества и оказывать помощь всем, кому только можно, — вот кредо, которое всегда было присуще нашей семье. Искреннее желание помочь людям передалось детям от Софы, от моих предков.

В нашей семье Аня была первопроходцем и, можно сказать, пропагандистом еврейского образа жизни в советской школе. Уже начиная с 1974 года, она не ходила в школу ни в Субботу, ни в праздники. Противостояние советской системе было для нее очень тяжелым. В некоторых еврейских религиозных семьях избирали тактику всякий раз ссылаться на плохое здоровье, что приходилось делать еженедельно. В моих глазах это выглядело несерьезно. Мы прямо сказали классному руководителю, что девочка не может ходить в школу в Субботу по религиозным причинам: в этот день мы не занимаемся никакими делами, но, разумеется, все уроки она непременно выучит в другой день. Это давалось нелегко, ведь всякая вольность, всякое новшество в советской школе, мягко говоря, не приветствовались. Но когда там понимали, что от наших принципов мы все равно не отступимся, такое положение постепенно становилось естественным, а причина забывалась.

Аня училась в музыкальном училище имени Мусоргского на фортепьянном отделении. Однажды ее одноклассники Дима и Маша заметили, что она выходит на улицу и что-то там делает непонятное. Когда ее спросили, она прямо ответила, что выходит молиться: в короткие зимние дни невозможно успеть домой к вечерней молитве. «Зачем тебе выходить? — ответили ребята. — Оставайся в классе, а мы будем тебя охранять». Они подружились. И Дима стал интересоваться еврейскими законами. Аня рассказала о Субботе, и он дома стал печь халы. У родителей возникло ощущение, что Аня плохо на него влияет. Они пришли к нам разбираться. Принесли бутылку коньяка, некошерного, конечно. Мы их встретили довольно тепло и успокоили. Оказалось, они тоже отказники, но только они собирались ехать в Америку. Мы объяснили, что коньяк мы не пьем, в следующий раз лучше приносите водку.

Мы сблизились. Они пришли к нам на Пейсах: заходят и впереди себя несут бутылку водки. А на Пейсах водку нельзя пить — это же хамец, квасное!

Я как увидел, извинился и говорю:

— Пожалуйста, не заноси в дом, поставь у входа...

— Но ведь ты же сам сказал, что водку пить можно.

— Все дни в году можно, — отвечаю, — а в Пейсах нельзя! Оставь за дверью.

Конечно, когда все расходились по домам, никакой водки там уже не было. Видимо, кому-то она была нужнее.

Занятия у Ани проходили и по Субботам тоже. На музыкальных инструментах она не играла, ничего не писала, просто ходила в школу и все. В училище по Субботам преподавали сольфеджио: на уроках приходилось и играть, и петь мелодию. Софа с Аней пошли к завучу — она была и секретарем партийной организации, и Софа сказала:

— Наша дочь не может в Субботу заниматься сольфеджио, нельзя ли перенести этот урок на другой день.

— На фортепьянном отделении нет сольфеджио в другие дни, — ответила завуч, — только на композиторском, но там ей будет труднее, там это самый сложный предмет.

— Хорошо, буду ходить на композиторское, — сказала Аня.

И все годы у нее было сольфеджио с композиторским отделением.

Когда пришло время уезжать в Израиль, надо было получить справку об образовании из музыкального училища. И вот эта женщина, секретарь парторганизации, сказала Ане, что она была счастлива помочь ей соблюдать Субботу. Это звучало весьма необычно.

Наша вторая дочь Сима, которая была на шесть лет младше Ани, пошла в школу, когда мы уже переехали с Колокольной улицы у Владимирской площади на Гатчинскую улицу Петроградской стороны. Мы решили, что тяжело будет осваиваться в новой школе с таким подходом к посещаемости занятий, и определили Симу в ту же школу, где училась Аня. А там казалось естественным, что Коганы в Субботу не ходят в школу. Правда, Симе приходилось добираться на учебу двумя троллейбусами. Иногда случалось, что ребенок засыпал по дороге, потом просыпался и не знал, куда ему двигаться дальше. Мобильных телефонов тогда не было. Но находились люди, которые нам звонили из автомата и помогали ей сориентироваться. Вот такие трудности выпали на долю Симы: не было проблем в школе, зато ребенок мог заблудиться в большом городе, потому что засыпал в троллейбусе, а возможности провозить ее ежедневно у нас не было.

Наша третья дочь Эстер получала образование в Израиле. Она родилась в 1981 году, и к моменту нашего отъезда ей было пять лет. Мы отдали ее в детский сад, который готовил детей к школе. Уже через две недели она свободно говорила на

иврите. Сегодня ее русский язык, конечно, отстает от языка Симы и Ани, но тем не менее она вполне свободно им владеет.

Сима и Эся живут и работают в Москве. Слава Б-гу, у Симы восемь детей, у Эси — пять. Эся работает в синагоге на Большой Бронной, в том числе курирует работу детского сада, а Сима — в структуре раввина Берла Лазара, она ведет занятия в воскресных школах и программы для девушек.

Иосиф родился в Израиле. Я думаю, что его рождение во многом связано с VII Любавичским Ребе. К тому моменту, когда мы впервые встретились с Ребе, у нас были только девочки. Мы, конечно, ничего не просили, но через девять месяцев и четыре дня после этой встречи у нас родился мальчик. Видимо, мощное желание родить мальчика сработало у моей жены... на высшем уровне.

Софа на удивление легко носила Иосифа. Она говорила, что улыбка Ребе, которую она увидела при встрече, придала ей силы. Причем весь период беременности она была очень активна, что ей вообще-то несвойственно. Она читала лекции, училась на курсах повышения квалификации врачей-стоматологов.

В понедельник 20 Элула (14 сентября) 1987 года Софа должна была читать лекцию. Она попросила подвезти ее на машине, чтоб избежать неудобств городского транспорта.

— Куда ты собралась? — спросил я ее. — У тебя уже живот до пола достает.

— Все нормально, — отвечает. — У меня сил достаточно. Поедем. Я чувствую себя хорошо.

А мне тоже предстояло выступление, но в другом месте. В те дни мы много выступали в Израиле. Садимся в машину. И тут она говорит:

— Ты был прав, поехали в родильный дом.

Мы поехали в госпиталь «Шаарей Цедек». Софу сразу направили в родильное отделение и сказали, что и я могу ее сопровождать. Я очень удивился: никогда не думал, что мужчина вообще может там находиться! К ней подключили приборы, и было очень тревожно наблюдать, как они показывают какие-то цифры, а потом вдруг останавливаются... Я же не знал, что все это означает. Прошло какое-то время, и меня попросили выйти. Выхожу. И уже через пять минут мне говорят, что сын родился.

Я тут же позвонил бабе Еве, как ее называют дети, — моей теще Еве Давыдовне.

— У нас сын! — говорю.

А она мне в ответ:

— Изя, ты хорошо проверил?

Так родился Иосик.

Я сразу послал Ребе факс с благодарностью, попросил благословения...

МОНЕТА ЦАРЯ СОЛОМОНА

Через неделю у Иосика был брит, который собрал очень много народу. Имя мальчику давал реб Мойше Вебер. Ребе говорил: если кто-то хочет увидеть праведника в Иерусалиме, он должен посмотреть на реб Мойше Вебера. Это был уникальный человек. У него не было своих детей, но его любовь к людям была безгранична.

Я хотел делать обрезание сам. Но мне сказали: если хочешь оказаться поближе к сыну, будь лучше сандаком. И я стал сандаком у Иосика. Ему дали имя дедушки: Хаим Иосиф Илиягу — раньше это было невозможно, потому что в семье не было мальчиков.

Как только громко сказали это имя, открылась дверь, в комнату вошел посланник Ребе господин Менди Дерен и сообщил, что нам из Америки передали небольшой пакетик. Открываю пакетик и обнаруживаю старинную монету. Рядом со мной стояла моя мама, она едва не упала в обморок. И немудрено: у этой монеты своя особая история. Дедушка купил ее еще перед Первой мировой войной на ярмарке восточных древностей. Монета была выпущена во времена царя Соломона. Надпись на ней гласила: 482 год со дня выхода из Египта, 3 год правления царя Шломо. Я помню ее очень хорошо. Она была изготовлена из «дутого» металла. На монете изображено холодное оружие, вроде искривленной сабли или ятагана, по окружности расположены плоды граната. Старинная монета была фамильной реликвией нашего дома.

Дедушка задолжал много денег в связи со строительством миквы, значительная сумма ушла также на спасение евреев от несправедного суда во Львове. Он решил продать монету и принес ее в Эрмитаж; там ему сказали, что вещь подлинная и предложили самому назначить цену. Дедушка понимал, что она стоит дорого, но, конечно, не знал настоящей цены. Он попросил музейщиков оценить раритет. Но ему ответили, что аналогов у них нет, мол, сколько попросите, столько дадим.

Дома он рассказал эту историю моей маме: «Ривочка, если монета представляет такую ценность для неевреев, как же она должна быть дорога еврейскому народу!»

Подумав, он решил не продавать монету, и она осталась в нашей семье. Долгое время она была спрятана дома у моей мамы. Подав документы на выезд в Израиль, я оказался первым из нашей семьи, кто официально заявил о своем желании уехать на историческую родину. Впрочем, впервые хотели заявить о своем желании уехать в Эрец-Исраэль еще мои дедушка и мама в 1936 году. Маме было тогда всего пятнадцать лет. Но документы пропали; наверное, маме и дедушке повезло: ведь их не арестовали и не уничтожили. Но во всяком случае, желание жить в Израиле никогда не покидало нашу семью. И моя мама сказала: «Изя, ты первый, кто едет в Израиль, я хочу, чтобы монета была у тебя».

Но поскольку в домах отказников часто бывали обыски, я боялся держать раритет у себя. Когда из Америки к нам в гости приехали Долорес и Артур Портные, я попросил их сохранить монету до лучших времен. Прошло время, их семья распалась, муж и жена разошлись, потерялись все контакты. Но вот случилось так, что в день обрезания моего сына Иосифа, в тот момент, когда ему дали имя моего деда, эта монета снова нашла нас. Видимо, люди, у которых она до сих пор хранилась, сочли, что настало время через Менди Дерена вернуть ее нам. Это было символично.

Мы решили, что монета должна быть у Ребе. Я отвез ее в Америку и отдал ему. Сейчас она хранится в столе у Ребе.

ТАНЦУЮЩИЙ В ОБЛАКАХ

В 1987 году Ребе взял меня танцевать вместе с ним. И он сказал тогда, что дает благословение всем евреям России.

На праздник Симхас Тора у Ребе собирается очень много людей, больше, чем в какой-либо другой день в году. Ведь это апогей праздника Суккот — день радости, свидетельствующий о том, что евреям и по сей день принадлежит Тора. И Ребе, глава нашего поколения, возглавляет всеобщую процессию радости. Он всегда брал с собой танцевать одного человека — мужа сестры своей жены, его звали Рашаг. Но в тот год Рашаг заболел. Я был в Америке, и Ребе взял меня.

Сейчас я готов заявить публично — тогда я постеснялся об этом говорить: я увидел, как Ребе танцует в облаках. Вернувшись из Америки, я сказал об этом только в своей семье и еще раввину Мойте Гойхбергу. Ребе делал движения танца, а я видел так, как будто это происходит на облаке. Я подумал тогда: скажут, что у Изи крыша поехала. Много лет спустя, когда я уже вернулся из Израиля работать в Россию, в Москву приехал раввин Гальперин, чтобы провести молитву на

праздник Рош а-Шана. Он сказал мне: «Ты помнишь, когда Ребе взял тебя танцевать, какой туман стоял в зале?!» Для него это был туман, а для меня — облака, среди которых танцевал Ребе.

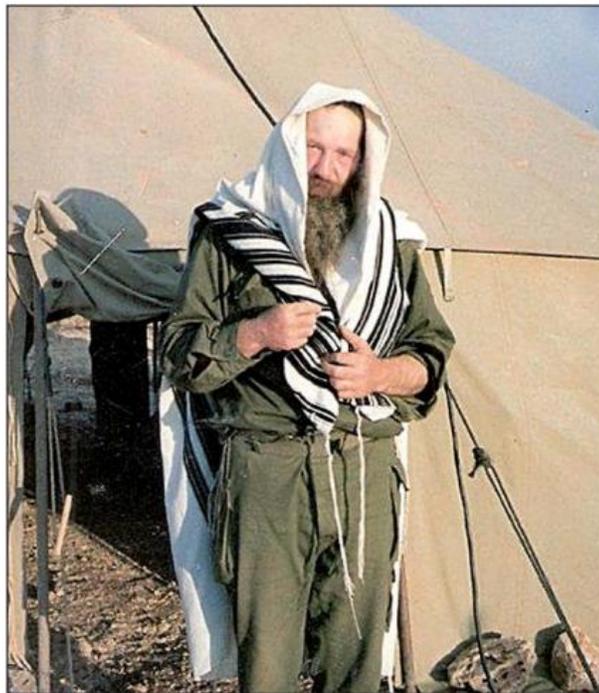
28 Элула 5747. Обрезание Иоси. Иерусалим

Теплая встреча в Израиле. Ноябрь 1986 г.

1988 год. Служба в армии Израиля

1988 год. Служба в армии Израиля

1988 год. Служба в армии Израиля

1988 год. Служба в армии Израиля

ГЛАВА ПЯТАЯ ПОСЛАННИК

Посланник

«ЭНТЕБЕ»⁴² ХаБаДа

Мой первый приезд в Россию после 1986 года был связан с вывозом еврейских детей из Чернобыльской зоны.

Авария на АЭС Чернобыля в апреле 1986 года имела необратимые последствия для людей, проживающих на значительной территории Украины, Белоруссии и России. Что уж говорить о детях! Однако до 1989 года репатриация в Израиль все еще носила ограниченный характер, и о каких-то массовых акциях по спасению людей говорить было просто бессмысленно. Но как только власти разрешили свободный выезд, тут же встал вопрос о безотлагательной эвакуации из Чернобыльской зоны детей, все еще остающихся под воздействием губительных факторов из-за произошедшей несколько лет назад катастрофы.

В марте 1990 года ко мне обратился господин Ури Коэн из Голландии, представлявший организацию «Ноев Ковчег». Он просил, чтобы я позаботился о приеме в Израиле двухсот двадцати шести еврейских детей из Чернобыльской зоны. Г-н Коэн подчеркнул, что все материальные расходы берет на себя, а наше дело принять детей — и все. Я не понимал, как всерьез заняться этой проблемой: необходимы гигантские субсидии, чтобы накормить и одеть детей, организовать их медицинское сопровождение. Я послал письмо Ребе с вопросом, в чем же должна заключаться моя миссия в этом деле. И Ребе сразу ответил, что нельзя принимать решения, касающиеся этой страны (СССР он всегда называл «эта страна»), если в ней не находишься. Тут мне стало ясно, что я должен ехать в Россию. Он написал также, что необходимо пригласить в поездку директоров школ, которые будут принимать детей в Израиле, и выработать совместное решение. Вместе со мной в СССР отправились руководители школы для девочек реб Шмуэль Хейфер и школы для мальчиков реб Берке Шиф.

Мое возвращение в Москву после нескольких лет, проведенных в Израиле, было весьма необычным. Тогда еще не были восстановлены дипломатические отношения, и можно было получить визу только через советское посольство в Австрии. Мы выехали в Вену и оттуда, уже с визами, отправились в СССР.

Прилетели в канун Субботы. Весь день мы молились дома — идти до синагоги в Марьиной роще было слишком далеко. Вечером нам надо было как-то начинать свой путь в Чернобыльскую зону — белорусские города Гомель, Калинковичи и Мозырь. Ведь у нас очень мало времени — визы нам дали всего на несколько дней. Необходимо безотлагательно разыскать машину, которая провезет нас по этим городам. Да еще мы хотели по дороге заехать в Любавичи.

Было лето, преддверие праздника Швуэс⁴³, — Суббота кончается поздно. Только уже ближе к полуночи я вышел на улицу на поиски автомобиля. Остановилось такси. Я объясняю водителю, что нужно сделать большой круг — через Любавичи, Гомель и еще несколько городов. Дорога, понятно, неблизкая: только от Гомеля до Мозыря почти триста километров.

— Ладно, — говорит, — два счетчика платить будете?

— Договорились! — отвечаю.

— Придется еще заехать в гараж. Когда я выезжаю за пределы Москвы, должен брать путевку.

Это действительно был посланник Всевышнего! Три тысячи километров со всеми остановками мы проехали за тридцать шесть часов на 24-й «Волге». Водитель спал только во время наших встреч с детьми и их родителями.

Мне особенно запомнился Гомель: в городе висели таблички с показаниями радиоактивности. И это выглядело устрашающе. Словно призраки, двигались люди зелено-желтого цвета — не только взрослые, но и дети. В других городах это было не так заметно.

В результате поездки у нас всех сложилось мнение, что детей, которых необходимо отправлять в Израиль, немало, но желания, чтобы они уехали, а тем более готовности нас поддержать, — нет и в помине.

Мы вернулись в Москву в понедельник вечером, а во вторник нам надо было уже улетать. Мы связались с офисом Ребе и передали информацию. И тут же получили ответ: «Берите всю ответственность на себя и везите детей в Израиль». Однако срок действия виз заканчивался, и наш отъезд был неизбежен.

Праздник Швуэс я провел в Израиле. И сразу после праздника вылетел в Советский Союз уже один. Вернулся собирать детей для отправки в Израиль. Мне удалось договориться о визе на более долгий срок. В трех городах Белоруссии я должен был проверить, что к отправке готовятся действительно еврейские дети и что все докумен- ты оформлены. Был назначен день отъезда. Это было 9 Ава⁴⁴. Я спросил Ребе, как нужно вести себя в этот день. С одной стороны, это радостное событие — самое настоящее спасение, с другой — день печали и скорби. Ребе

сказал, что выезжать надо все равно, но обязательно учитывая традиции 9 Ава — без песен, веселья, без выражения радости.

Сам я находился в Гомеле, где собралась самая большая группа детей, туда еще привезли ребят из небольшого поселка Речица. Накануне отъезда старший гомельской группы Лев Моисеевич Шапиро, у которого я остановился, буквально ошарашил меня:

— Автобусы мы заказали, но нам запретили вывозить на них детей в аэропорт.

— Что будем делать?

— А деньги у тебя есть? — спрашивает он.

— Есть!

— Тогда арендуем поезд. Но только надо отправляться часа в четыре ночи, пока все спят...

Я дал ему три тысячи рублей. Две тысячи восемьсот восемьдесят рублей стоил поезд: четыре вагона в четыре часа утра должны были выехать в Минск.

— Могу ли я теперь спокойно ехать в Мозырь? — спрашиваю у Шапиро.

— Езжай, — отвечает. — Мы здесь сами управимся.

В Мозыре все было в порядке. На место сбора уже прибыли дети и из Калинковичей. Никто нас останавливал. В пять часов утра в сопровождении милиции мы отправлялись от памятника Ленину. Там собралось много народу — детей провожали родители. Так, с эскортом мы отправились из Мозыря в минский аэропорт.

Я попросил приехать в Минск еще нескольких своих друзей из Ленинграда, которые оказали мне неоценимую помощь, не знаю, как бы я один справился. Они постоянно общались с ребятами, в трудные минуты подбадривали их. Как оказалось, не так-то скоро нам удалось вылететь.

В аэропорту все группы собрались к двенадцати часам дня. Вскоре должны были прилететь самолеты из Бухареста, и в два часа пополудни мы рассчитывали отправиться в путь. Но оказалось, что транспорт задерживается. Через аэропорт до меня дозвонились из Израиля и сказали, что самолеты не пропускают через границу. Я понял, что что-то затевается.

Вокруг недовольно гудела огромная толпа: двести двадцать шесть детей и около четырехсот родителей, дедушек и бабушек. И тут прямо среди них начал работать настоящий провокатор, отец одной из девочек. Он стал публично выступать, утверждая, что никакие самолеты детям не заказаны, что нас никуда не увезут, что вся эта затея — провокация и обман, а советское государство сейчас вышлет за детьми автобусы и развезет всех по домам. Я, разумеется, не мог

вступить в открытую конфронтацию. Спокойно объяснил, что случилось простое недоразумение, самолеты полностью готовы к полету, но, к сожалению, до сих пор не получено разрешение на пересечение границы. «Если вы сейчас уедете, больше вас уже невозможно будет собрать, и, значит, ваши дети не поедут в Израиль». Мне удалось уговорить и родителей, и детей. Все остались — не было ни одного, кто покинул бы аэропорт. Но кто-то распорядился закрыть все точки питания, здание оцепили, к нам никого не пускали. Я вынужден был ночью тайком пробираться к такси, чтобы достать детям хоть какое-то питание и воду. Спали мы на гранитном полу, поскольку мест на скамейках хватило только для самых маленьких.

Противостояние длилось двое суток. Оно началось 31 июля, и только 2 августа в семь сорок вечера мы улетели. Что самолеты прибудут, стало известно уже в час дня.

За всей этой операцией по спасению детей стоял Любавичский Ребе, он отслеживал каждый наш шаг. Увидев, что нам не дают вылететь, он обратился к медиа-магнату Роберту Максвеллу и бизнесмену Арманду Хаммеру, имевшим значительное влияние в СССР. Ребе попросил их обратиться за помощью лично к Михаилу Горбачеву. И президент дал разрешение на пролет через границу.

Узнав об этом, на радостях я взял машину и поехал на колхозный рынок, купил детям фруктов, поскольку за эти два дня они очень ослабели. И вот в семь сорок вечера (7.40!) мы начали посадку. Каждый «Ил-18» вмещал только сто восемь человек. Я загрузил первый самолет, но во втором оказалось слишком много народу — сто восемнадцать детей. Десять человек остались без места. Себя не считаю, я был единственный сопровождающий на два самолета. Бортпроводники второго самолета сказали, что десять человек придется оставить. Я категорически отказался, пригрозил, что не полечу сам, и тогда транспорт лишится сопровождающего. Я предложил, чтобы дети постарше взяли маленьких на колени и пристегнули теми же ремнями безопасности. А сам я, как стюард, буду помогать — мне вообще никакого кресла не надо. Я их уговорил. У них не было выхода: я должен был подписать необходимые бумаги, в противном случае они могли бы лишиться солидной суммы денег.

Наконец мы вылетели. Но когда самолеты поднялись в воздух, стало ясно, что мы не можем лететь в Израиль. Началась война в Персидском заливе. Ирак атаковал Кувейт. Ничего этого мы не знали. Нам сообщили, что мы летим в Израиль через Лондон: на «Ил-18» мы должны долететь до английской столицы, а там пересесть на «Джамбо» — «Боинг 747», который доставит нас в Израиль. В

Лондоне нас посадили на каком-то запасном аэродроме, посчитав, что рейс из Чернобыльской зоны грозит радиационным заражением.

Посланники Ребе привезли нам из Лондона питание, и мы ожили. Но я ужасно боялся, что дети не смогут лететь дальше. Это были ребята от шести до восемнадцати лет, и многие из них плохо перенесли перелет от Минска до Лондона, который длился около пяти часов. Если есть опасность потерять хоть одного ребенка, лучше сделать остановку в Англии.

В это время в Кувейте иракцы атаковали аэропорт, и самолет «Джамбо» не смог прибыть в Лондон. Мне звонит Роберт Максвелл... — Исаак,— говорит он, — вы полетите на тех же самолетах, но нужно сменить экипажи. Они уже находились в полете от Бухареста до Минска и от Минска до Лондона, дальше по инструкции летчики лететь не могут. Я послал свой личный самолет, там четырнадцать мест — на два экипажа по семь человек, которые произведут замену.

— Дети устали, я боюсь их везти; повезу дальше, только если получу благословение Ребе!

Запросили Ребе. И уже через час он ответил: «Летите, все будет хорошо!»

В пять часов утра уже 3 августа 1990 года самолеты взяли курс на Израиль.

Если во время первого перелета детей тошнило нещадно, то во время второго, от Лондона до Тель-Авива, они все спали. Проснулись, только когда лайнеры стали снижаться. Чувствовалось, что самолеты летят с перегрузкой: из двигателей валил дым, образовались черные шлейфы отработанного топлива.

Приземлились, слава Б-гу! Нас встретили. Субботу мы уже праздновали в Израиле. Вот такой у меня был день 9 Ава в 1990 году!

Вспоминается еще один очень важный момент тех дней...

9 Ава утром евреи молятся скромно, не одевают ни тфилин, ни талит⁴⁵, — и так до «минхи». В аэропорту было много евреев. С помощью ребят, которые приехали ко мне из Ленинграда, мы собрали миньян. Вдруг ко мне подходит очень пожилой человек и просит позволить ему молиться с нами. Говорит, что хочет быть в нашем миньяне хазаном на «минху» 9 Ава.

— Пожалуйста, — отвечаю ему, — у нас никто на это не претендует.

— А почему вы не спросите, с какой стати я вдруг решил молиться?

— Почему?

— Это не просто так... В юности я учился в ешиве. Потом пережил гетто, расстрелы, смерть близких. Я перестал молиться после войны, потому что стал свидетелем Катастрофы. Я не понимал, как весь этот ужас совместить с моей

верой. Но когда здесь молятся люди, посланные Любавичским Ребе, чтобы спасти моего внука, я хочу сказать спасибо Б-гу.

Он молился хорошо, он ничего не забыл. А ведь пятьдесят лет прошло!

Вот еще один пример того, как Ребе воздействует на каждого еврея. Он послал нас спасать чернобыльских детей, но его влияние распространялось не только на них. Но на детей — в особенности...

Из среды этих ребят выросло немало интересных людей. Сегодня они ведут еврейский образ жизни. В их числе главный раввин Кыргызстана рав Райхман, руководитель московской ешивы раввин Александр Локшин, глава раввинского суда Исроэль Баренбойм, замечательная женщина Талия Толчинская, жена главы ешивы в Петербурге Хаима Толчинского. Она родила уже десятого ребенка, слава Б-гу! Ребе стоит за каждым евреем, и даже тем, кто еще не родился. Среди чернобыльских детей мне запомнилась девочка Адель — сегодня она жена раввина Хабаровска, у нее шестеро детей...

Я очень устал после напряженной работы. В одиночку собрать людей и привести в Израиль два самолета — непросто. Да еще при противостоянии местных властей...

Я называю эту операцию «Энтебе» ХаБаДа.

РЕБЕ И НОВЫЙ ИСХОД

А Ребе требует, чтобы немедленно везли вторую группу.

Вывоз первой группы был осуществлен под эгидой так называемого Совета Мира. Я думаю, что эта организация на самом деле представляла собой какую-то гэбэшную структуру. Человек, возглавлявший «операцию» с их стороны и, очевидно, представлявший «контору», летел вместе с нами в Израиль. Его фамилия Федоров. В Израиле ни для кого не было секретом, почему на нашем пути постоянно возникали препятствия. Мне сказали, что ему надо сделать подарок. Я не знал, предложить ему деньги или купить что-нибудь. В результате я передал Федорову тысячу долларов. Так прямо ему и сказал:

— Вот вам передали деньги — если хотите, мы можем вам что-то купить или сами что-то купите себе...

— На первый раз хорошо, — ответил он. — Мы с вами ни о чем не договаривались, а в следующий раз я хочу двадцать долларов за головку.

У меня сразу родилось чувство, как будто кто-то снова копает яму для моей тети Эстер и ее детей. Передо мной возникла живая картина тех страшных событий. И, глядя ему прямо в глаза, я сказал:

— Этого никогда не будет.

— Пожалеешь, — ответил он.

На все мои попытки возобновить контакт с тем, чтобы получить приглашение для формирования следующей группы чернобыльских детей, власти отвечали дипломатично: сначала мы хотим убедиться, что дети хорошо приняты и нормально устроены в Израиле. Для этого мы должны были за свой счет принять группу, в состав которой вошли бы медики, а также представители родителей и общественности. В общем, выдвигали совершенно нереальные условия. Я был расстроен. Я понимал, что это продолжение того разговора с Федоровым и результат его неприкрытой угрозы. Я не видел никакой возможности попасть в Советский Союз.

Однажды я встретил своего близкого друга Сашу Фейгина и поделился с ним своей бедой: Ребе потребовал немедленных действий, а я ничего не могу сделать. Саша посоветовал обратиться к известному российскому общественному деятелю, ректору Государственной еврейской академии им. Маймонида Веронике Ириной-Коган.

— Она находится сейчас в киббуце, рядом с Бейт Шемешем, — добавил он, — поехали к ней.

У меня не было никакого выхода, и я, как утопающий, уцепился за эту соломинку. Я нахожу эту невысокого роста женщину. Оказывается, она привезла группу из Советского Союза по программе обмена студентами. Объясняю ей ситуацию: мне надо обязательно попасть в Советский Союз, но мои действия блокирует белорусская «мафия». Она предложила попробовать все сделать через КГБ СССР, минуя «белорусских товарищей».

Уже дня через два после возвращения в Москву Вероника звонит мне и сообщает, что вопрос решен положительно. «Можешь приезжать, — сказала она, — будем собирать всех в Москве через КГБ Союза».

Но ведь я все равно должен ехать в те же районы Белоруссии, где собирал детей прежде, и у меня «на хвосте» окажутся товарищи Федорова! После каждого моего выступления они станут рассказывать родителям, что детям в Израиле плохо и уезжать из Советского Союза не стоит. Я запасся видеозаписью рассказов самих детей. Правда, показать фильм так и не удалось — не оказалось проектора.

Спустя три недели, 25 августа, я выехал в СССР. Когда я понял, что после моих встреч с родителями и в самом деле кто-то выступает, стал объяснять, что эти люди, может быть, в чем-то заинтересованы, и для получения объективной информации я советую поговорить с родителями детей, которые уже живут в Израиле, не сомневаюсь, это станет самой лучшей рекомендацией.

Мы стали собирать в Москве белорусских детей, которые не смогли улететь в первой группе. Для этого я организовал лагерь в Истре под Москвой. Впервые в истории отношений между Израилем и СССР был отправлен самолет рейсом Москва — Тель-Авив, в нем летели наши дети из Чернобыльской зоны. Это произошло 6 ноября 1990 года. Власти, правда, еще побоялись на стойке вылета написать «Тель-Авив» и написали «Ларнака». Но этот рейс № 611 летает уже двадцать лет.

Если два самолета, перевозившие ребят из первой группы, с простоем двух суток в Бухаресте обошлись в сто шестьдесят две тысячи долларов, то «Ту-154», который предоставил Советский Союз, взявший на борт сто пятьдесят детей, обошелся нам всего в восемнадцать тысяч долларов. Со второй группой мы вылетели без всяких проблем.

Здесь уместно вспомнить еще кое-что. Когда мы готовились привезти первую группу, я попросил моего друга Александра Шейнина, который теперь работал врачом в Израиле, позаботиться о медицинском сопровождении детей. Он обратился к заведующему кафедрой радиологии в больнице «Адасса» доктору Зееву Вешлеру.

— Теперь я понимаю, почему спасся только я один — единственный ребенок из детского лагеря смерти «Саласпилс», — сказал профессор. — Для того чтобы сегодня я мог оказать помощь чернобыльским детям. Конечно, я сделаю все что смогу.

Доктор Вешлер попросил только транспорт, чтобы врачей из Иерусалима доставить в поселок Кфар ХаБад. Мы возили с собой по восемь-десять врачей вместе с оборудованием. Они действительно провели уникальное лечение, и практически через четыре месяца дети реабилитировались. Профессор Вешлер видел в этом особую миссию и даже называл меня «Мойше Рабейну»⁴⁶.

Когда во второй раз я отправлялся в Чернобыльскую зону, он сказал, что не стоит мне ходить там с дозиметром, и дал «домашний» совет: когда рубашка начнет прилипать к телу, значит, ты набрал уже достаточно большую дозу радиации и должен срочно выйти из зоны. На этот раз я поехал в Белоруссию с Сашей Фейгиным. «Я тебя больше одного не отпущу, — сказал он. — Нельзя там

быть одному». Прошло совсем немного времени, и он получил известие, что его жена беременна. Она слепая. Я сказал ему: поезжай, помоги ей, я справлюсь. И как раз в это время почувствовал, что к телу прилипает одежда. Было начало сентября, я уже три недели пробыл в зоне — Гомеле и окрестностях. Скоро праздники. Я уехал к дочери Ане в Одессу, где они с мужем вели программы в синагоге. Пробыл там Рош а-Шана и еще несколько дней праздника Суккот. Я увидел, что рубашка больше не прилипает, и вернулся обратно. Мы закончили формирование группы и вывезли детей.

К началу формирования третьей группы мы привезли из Израиля десять тонн кошерных продуктов, без таможенного досмотра, в нашем распоряжении была синагога. Наступила Ханука.

1 декабря 1991 года в Кремлевском дворце съездов прошло празднование Хануки, и по спутниковому каналу связи передавали выступление Любавичского Ребе. А еще через тридцать дней Советского Союза не стало.

Произошло чудо. Всего за несколько лет из района Чернобыля в Израиль было вывезено больше трех тысяч детей. И здесь немалая заслуга Ребе. Ведь это тоже Исход. Исход состоит из двух этапов: на первом нужно вывести самого себя, на втором — других.

Так вот Ребе не был подвержен внутреннему изгнанию, поэтому и помогал другим. Он помогает и сегодня.

**Лев Моисеевич Шапиро,
который помог вывезти
детей из Гомеля в Минск
частным поездом
(в центре).
Гомель. 1990 год**

**В центре водитель такси Алекс,
который за 36 часов
проехал 3000 км по России
и Белоруссии. Май 1990 года**

Группа поддержки из Ленинграда в аэропорту Минска. Июль 1990 года.

Мозырь. 1990 год. Отправка детей из Чернобыльской зоны в Израиль. Сбор у памятника Ленину.

Самолет взял курс на Израиль. 1990 год

Встреча в Тель-Авиве

Отец Авраам Коган обнимает сына Ицхака после успешного завершения операции по спасению детей из Чернобыльской зоны. Аэропорт

ИЗ ИСТОРИИ ХАСИДИЗМА

БИБЛИОТЕКА РЕБЕ. «ИЩИТЕ КНИГИ В МОСКВЕ!»

В этой книге нужно еще раз вспомнить все перипетии почти уже вековой истории, связанной с библиотекой, принадлежащей династии лидеров хасидского движения ХаБад-Любавич Шнеерсонам. Трудно придумать дело, более ясное в своей сути и в то же время более запутанное в силу привходящих обстоятельств, не имеющих никакого отношения ни к формальной законности, ни к простой человеческой справедливости...

В 1812 году основатель династии Шнеерсонов Алтер Ребе за беспримерное мужество — и его собственное, и близких к нему хасидов, — проявленное в борьбе с нашествием войска Наполеона, был пожалован императором Александром I званием наследственного Почетного гражданина Российской империи. Кстати, формирование библиотеки началось уже в те времена — с начала XIX века. Много лет спустя, во время Первой мировой войны, в 1915 году, когда немецкие войска приблизились к Любавичам, V Любавичский Ребе как Почетный гражданин России был предупрежден российским правительством о том, что город будет сдан; в этой связи ему предложили поменять место расположения своего двора. Он переезжает в Ростов-на-Дону, следуя со всем своим имуществом через Москву. К сожалению, из-за недостатка средств многое пришлось оставить в Москве, в том числе и значительную часть библиотеки. Чтобы составить впечатление о масштабах груза, скажу, что только эта, оставленная в Москве часть библиотеки весила четыреста одиннадцать пудов и четыре фунта и была упакована в тридцати пяти ящиках, размещенных на московских складах хасида Персица.

Война продолжалась. Потом началась революция. В 1918 году в Восточном собрании книг Румянцевского музея (впоследствии Государственной библиотеки им. В. И. Ленина) произошла серьезная кража. Ученый совет музея постановил для пополнения фондов забрать три библиотеки, в том числе и «библиотеку Шнеерсона». Это была единственная инстанция, постановившая изъять книги.

В 1919 году Любавичский Ребе через молитвенные дома пытается вернуть библиотеку, но сделать это невозможно: на них уже наложена железная рука большевистской системы. Начинается тяжба. Власти аннулируют мандат,

необходимый для передачи книг, и опечатывают ящики. Сам Персиц погибает при невыясненных обстоятельствах.

В 1922 году VI Любавичский Ребе Иосиф Ицхак Шнеерсон просит вернуть книги, но ему отказывают. В 1925 году он снова обращается с просьбой о возвращении библиотеки — опять безрезультатно. В ответ он получает циничное письмо, в котором сказано, что книги, мол, теперь станут достоянием всего советского народа, а не только небольшой группы частных лиц.

В 1927 году Ребе Й.И. Шнеерсон арестован, а затем выслан из Советского Союза. В постановлении с разрешением на выезд сказано: со всей библиотекой. Да где там! Ему снова отказывают, слово в слово повторив ответ 1925 года.

После нескольких лет скитаний по свету VI Любавичский Ребе обосновывается в США. В 1933 году его американские сторонники обращаются к Конгрессу с просьбой ходатайствовать перед советскими властями о передаче библиотеки. Но они получают неутешительный ответ: мол, конгрессмены могут ходатайствовать только в том случае, если имущество принадлежит американскому гражданину.

В 1950 году VI Любавичский Ребе покидает этот мир. Вскоре его преемником становится VII Любавичский Ребе Менахем Мендл Шнеерсон.

Долгие годы библиотека оставалась в сфере внимания любавичских хасидов, вообще всех евреев, помнивших в тяжелые советские годы о своих корнях. И вот в 1988 году, когда «железный занавес» всерьез пошатнулся, известный американский предприниматель Арманд Хаммер пообещал Ребе помочь в поисках и возвращении библиотеки. Он договорился с российским руководством и получил разрешение на приезд в Москву трех специалистов, которые смогли бы осуществить поиск книг. Библиотекарь Любавичского Ребе Барух Левин и сопровождавшие его двое раввинов начали переговоры. Им сообщили, что еще перед Второй мировой войной в Киеве было решено создать еврейский музей, и книги были отправлены в столицу советской Украины, где в годы войны сгорели. Когда эту информацию передали Ребе Менахему Мендлу, он отреагировал просто: ищите в Москве! Но где искать? По каталогу книг из «библиотеки Ребе» посланники выбрали двадцать самых ценных книг и сделали запрос. Все двадцать неожиданно нашлись в Музее книги библиотеки им. Ленина. Но странным образом выяснилось, что они не из библиотеки Шнеерсона, а из собрания Л.С. Полякова. Конечно, это была дезинформация, поскольку на книгах, полученных в библиотеке им. Ленина, посланники обнаружили пометки нескольких Ребе из династии Шнеерсонов. Но несмотря на это, вопрос был закрыт.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ В ОЖИДАНИИ УЛЫБКИ

В 1990 году, после того как я привез в Израиль вторую группу чернобыльских детей, мне позвонил глава молодежной организации ХаБаДа в Израиле раввин Аронов. Он интересовался, не может ли Вероника Ирина, ректор Российской государственной еврейской академии им. Маймонида, с помощью своих связей организовать встречу с министром культуры СССР для переговоров о судьбе книг из библиотеки Любавичского Ребе.

— Хорошо, узнаю, — ответил я.

НАДЕЖДА УМИРАЕТ ПОСЛЕДНЕЙ

Позвонил Веронике и передал ей вопрос, который задали мне.

Через несколько дней она сообщила, что в Министерстве культуры готовы принять представителей из Израиля и обсуждать этот вопрос. Об этом сообщили Ребе. Ребе сказал, что ехать надо немедленно, и пригласил меня для участия в переговорах. Вместе со мной в группу вошли раввин Аронов, главный раввин ХаБаДа в Калифорнии рав Кунин и профессор Левинсон, раввин, глава библиотеки Ребе в Нью-Йорке. Нашу «четверку» Ребе назначил представителями ХаБаДа в Советском Союзе. В сущности, это была дипломатическая миссия. О своем статусе мы узнали уже в Москве. Ребе наделил нас особыми полномочиями, когда мы уже приехали в российскую столицу.

Двадцать пятого ноября мы приземлились в Москве, а на 7 декабря, в воскресенье, была назначена презентация книг М. С. Горбачеву. Но ее отменили.

В течение этих двух недель Ребе не только определил нашу роль как его полномочных представителей, но и точно сформулировал нашу задачу: книги необходимо вывезти во что бы то ни стало. Ответственность за руководство нашей группой коллеги возложили на меня. Послали эту информацию Ребе. Он согласился. Ведь я не так давно из России, еще не забыл российские реалии, и было понятно, что это только начало.

Первое время мы жили в гостинице «Международная» бывшего «Хаммер-Центра». Арманд Хаммер предоставил нам офис для работы. Но в декабре 1990 года бизнесмен скончался. Последнее написанное им письмо было ходатайством перед советскими властями о возвращении книг Любавичского Ребе.

В гостинице мы прожили около двух месяцев и поняли, что такое жилье обходится слишком дорого. Мы сняли двухкомнатную квартиру №50 на улице Яблочкова, 25. Но Ребе потребовал, чтобы его представительство в Москве занимало отдельное здание. Причем он хотел решить этот вопрос буквально за пару дней, до ближайшей Субботы. Договорились, что в строении на улице Немировича-Данченко представительству Любавичского Ребе предоставят комнату. Вскоре там появилась вывеска.

Как только переговоры начались, у меня возникло ощущение, что книги нам вернут, если не завтра, то уж точно очень скоро. Атмосфера была доброжелательной, даже дружелюбной. Мы встретились с заместителем директора библиотеки, он пригласил двух гебраистов, которые подтвердили, что «библиотека Шнеерсона» находится в фондах Ленинки, а имя Полякова понадобилось только для сокрытия истины. Нам предоставили все документы, но несмотря на то, что уже была назначена дата церемонии возвращения книг, что-то в последний момент сломалось, возможно, противникам Михаила Горбачева по политбюро удалось взять верх.

Торжество было назначено на воскресенье, в дни ханукальных праздников. Из Израиля привезли великолепный ханукальный светильник, который мы хотели передать в знак благодарности. Нас попросили принести подарок заранее для проверки спецслужбами. Когда в воскресенье мы пришли за ханукией, нам сказали, что передача книг откладывается. Как? Что случилось? Внятного ответа не было.

АКАДЕМИК ЛИХАЧЕВ И МЕЛОДИЯ АЛТЕР РЕБЕ

Нас бесконечно водили за нос. Говорили, что против возврата книг сам Д. С. Лихачев, занимавший тогда пост председателя правления Советского фонда культуры.

Академик Лихачев — личность, конечно, незаурядная. Герой всегда остается героем — на протяжении всей жизни. Он с честью прошел все испытания, оставаясь самим собой при советской власти, да и при новой власти не стал плясать под чужую дудку. Нам сказали: если вам удастся уговорить Лихачева, все преграды на вашем пути рухнут. Мы встретились с ним через полтора месяца после приезда в Москву. Этот день выпал на 24 Тевета, годовщину Алтер Ребе.

Приходим к нему в офис на Гоголевском бульваре и разясняем свою позицию: книги Любавичского Ребе предназначены не для того, чтобы пылиться

на библиотечных полках, и тем более не для того, чтобы гнить в запасниках, с их помощью люди веками обращались к Всевышнему, получая духовное наполнение.

Видим — не работает. Он отвечает, что книги находятся в специальных условиях хранения; если же их отдать в пользование, они быстро испортятся... Вдруг он сообщает нам, что должен на несколько минут выйти из комнаты. Встает, выходит за дверь. Мы молчим. И тут Вероника Коган, которая вместе с нами пришла к академику Лихачеву, говорит:

— Сегодня же годовщина Алтер Ребе. Пойте его мелодию!

Есть такая особенная мелодия, которую еврейская традиция связывает с Алтер Ребе!

И мы запели. Особенно здорово пел раввин Кунин — у него великолепный голос.

Чуть приоткрылась дверь — и снова закрылась. Вероника показывает нам, чтобы мы допели мелодию до конца. Входит Дмитрий Сергеевич Лихачев.

— То, что вам не удалось объяснить словами, — сказал он, — за вас рассказала эта мелодия. Я за то, чтобы книги были возвращены Любавичскому Ребе.

У нас крылья вырастают. Все! Лихачев с нами! Мы получим книги!

Но вдруг снова появляются статьи в прессе о том, что многие против возврата библиотеки, в том числе и Д. С. Лихачев. Что делать? Я вижу единственный выход: разыскать Лихачева, снова встретиться с ним и попросить его, чтобы он написал свое мнение на бумаге.

Академик Лихачев жил и работал в Ленинграде. Той зимой он находился на своей даче в Комарово. Вместе с раввином Куниным едем к нему на машине моего ленинградского приятеля. Находим дом Лихачева, стучим в дверь. Нам открывает пожилая женщина. Объясняем, что хотим видеть Дмитрия Сергеевича.

— Это невозможно, — отвечает она, — Дмитрий Сергеевич отдыхает.

Вдруг слышим его голос:

— Это мои раввины пришли,пусти их, пожалуйста.

— На вас все ссылаются, — говорю я ему, — утверждают, что вы изменили свое мнение, высказанное нам, и поэтому книги не отдают.

— Лихачев меняет свое мнение только один раз, — отвечает он. — Сейчас я вам напечатаю на машинке (у нас хранится этот документ).

Д. С. Лихачев был верен своему слову, но власти не были верны своему! Все осталось по-прежнему.

Потом была встреча с помощником Михаила Горбачева А. С.Черняевым. Ничего не помогало. Нам все время говорили — завтра.

Из-за постоянных проволочек мои товарищи лишились виз и были вынуждены уехать из страны.

«ХАСИДЫ ВЗЯЛИ ЗАЛОЖНИКА»

Но время шло. В мае 1991 года нам вернули синагогу на Бронной, а в августе нас пригласил в Кремль А. Н. Яковлев и сказал, что вопрос с библиотекой решен: идите в Ленинку и начинайте отбор книг. Он посоветовал также, поскольку там мало специалистов, пригласить людей, сведущих в иудаизме. Мы взяли ребят из ешивы при синагоге. Какая радость была!

Нас принял директор библиотеки им. Ленина А. П. Волик. Всю пятницу мы ждали решения каких-то формальных, как нам сказали, вопросов. Началась Суббота. И вдруг в одиннадцать часов вечера директор библиотеки сообщает нам, что по телевидению передают, будто хасиды захватили его в заложники и требуют возврата «библиотеки Шнеерсона».

Первая реакция — быстрее уносить ноги. Но я сказал: «Ни в коем случае». Я понимал, что пока вопрос не решен, мы должны оставаться в библиотеке. Нас провоцируют: если мы убежим, потом скажут все что угодно.

А. П. Волик проявил себя в высшей степени порядочно. Нам разрешили доставить субботнюю еду. Мы зажгли свечи, произнесли благословение, а потом молились. Тем временем библиотека была оцеплена, в помещение никого не пускали. На следующий день разрешили войти журналистам. Но у нас Суббота, мы не можем давать интервью. Вместо нас говорил Анатолий Петрович. Разумеется, он отрицал, что его удерживали насильно.

Суббота закончилась. В этот момент мы начали свой пикет у Ленинской библиотеки с требованием принять наши документы для рассмотрения в суде жалобы на то, что у нас украли собрание бесценных книг. Пикет продолжался три недели — в итоге документы приняли.

Во время нашей работы в библиотеке один юноша вынес нам листы, вырванные из старинных еврейских книг. Он нашел бесценные страницы на свалке и решил, что это нам может пригодиться. Это не были листы из собрания книг Ребе, но все равно они принадлежали к раритетам XVI века. Их выбросили просто потому, что не знали, откуда они вырваны. Разумеется, мы сказали, что такое обращение с книгами недопустимо. Заявили публично, что стали

свидетелями такого безобразия. В средствах массовой информации нас сразу же обвинили в клевете. Я побеседовал с этим молодым человеком: готов ли он сказать публично, где он их нашел. «Надо сделать так, чтобы во время интервью не было видно моего лица, — ответил он, — иначе меня просто выгонят с работы».

По телевидению показали сюжет, закрыв его лицо. Молодой человек сказал, где он нашел эти страницы, прежде чем принести их нам.

В октябре 1991 года Госарбитраж РСФСР обязал библиотеку имени Ленина вернуть коллекцию хасидам. Библиотека это решение не выполнила, заявив, что ее архивы — национальное достояние советского народа. В ноябре того же года Высший арбитражный суд РСФСР вторично постановил немедленно начать передачу книг. Однако потом выяснилось, что невозможно передать книги негосударственной организации. Мы обратились в академию им. Маймонида. Но в феврале 1992 года пленум Высшего арбитражного суда отменил предыдущие решения. Это был очередной тупик.

За прошедшие годы мало что изменилось. В 1993 году министр культуры российского правительства Евгений Сидоров передал одну из книг коллекции — «Тания» — вице-президенту США Альберту Гору. Тот вернул ее Любавичскому Ребе. Семь книг получил Билл Клинтон в рамках межбиблиотечного обмена. В 2001 году раввин Берл Лазар сообщил, что он имеет заверение властей в том, что те готовы вернуть книги в случае, если они останутся в России, а именно в Московском еврейском общинном центре в Марьиной роще. Мы были готовы и на это. Но так или иначе, за все время в общей сложности вернулось не более тридцати книг.

Потеряв всякую надежду на то, что в России этот вопрос может быть решен, американские хасиды обратились в суд США. Поскольку хасидизм — всемирное движение, стало быть, «библиотека Шнеерсона» — и американская собственность тоже. Тамошние правоведы долго проверяли, прошли ли мы в России все необходимые судебные инстанции, а потом приняли дело к рассмотрению. В результате появилось постановление американского суда, что Россия должна вернуть книги.

Но воз, как говорится, и ныне там...

Когда в качестве посланника Любавичского Ребе я возвращался в Москву, он сказал, что в России к власти пришли новые люди, и они вернут книги с улыбкой.

Власти России несут ответственность за преследования Любавичского движения. Ни одно религиозное направление не истреблялось с таким

остервенением, как ХаБаД-Любавич. У меня есть полный мартиролог еврейских мучеников. Пролитая ими кровь взывает к российским властям, требует снять все заслоны, освободить из застенков святыню и вернуть людям, которым она принадлежит по Б-жественному и человеческому праву.

Молитва над книгами из собрания Ребе Шнеерсона.
РГБ, Москва. 1997 г.

Пикет возле Государственной библиотеки им. В. И. Ленина с требованием возврата книг Шнеерсона.
Сентябрь 1991 г.

Пикет сотрудников библиотеки им. Ленина против возврата книг Шнеерсона.
Декабрь 1991 г.

Сотрудники Ленинки принимают хасидов. 1998 г. РГБ, Москва

Книги Шнеерсона на полках Ленинки. 1990 г.

СИНАГОГА НА БРОННОЙ: «СОЖИТЕЛЬСТВО» С ВЦСПС НЕВОЗМОЖНО

«Синагога Полякова» — давняя московская достопримечательность.

В 1872 году крупный промышленник и банкир, строитель российских железных дорог, статский советник Л. С. Поляков, многие годы возглавлявший московскую еврейскую общину, добился от властей разрешения на открытие в собственном доме «молитвенного учреждения с количеством прихожан до сорока семейств». Через несколько лет, в 1883 году, он приспособил под синагогу один из своих домов у Тверского бульвара, выходящий фасадом на Большую Бронную улицу. Здание в мавританском стиле, увенчанное шестиконечной звездой, было построено по проекту архитектора М. Н. Чичагова.

В советские годы большевики обрушили на «синагогу Полякова» и ее лидеров шквал гонений и репрессий. В 1937 году по обвинению в «проведении контрреволюционной пропаганды террористического характера» был сначала арестован, а потом и расстрелян особенно популярный среди евреев кантор Мойше Хаим Гуртенберг, глава общины.

Не прошло и месяца после казни кантора, как был арестован раввин московской еврейской общины Шмер Лейб Медалье, проводивший большую работу по оказанию помощи голодающим евреям. Обвиненный в «участии в террористической организации», он был расстрелян в апреле 1938 года. Вскоре синагога была закрыта.

В начале 1950-х годов здание было передано ВЦСПС, в нем разместился Московский дом художественной самодеятельности, впоследствии Дом народного творчества им. Н. К. Крупской. При этом власти совершенно изменили облик здания, «спрямив» фасад, полностью перестроили помещения, чтобы ничто не напоминало о первоначальном назначении дома на Большой Бронной....

Идея вернуть синагогу к служению Всевышнему, возвратить ее облик к первоначальному замыслу создателей принадлежала Любавичскому Ребе Менахему Мендлу Шнеерсону.

Почувствовав неладное, поняв, что евреи «прицеливаются» к зданию, чтобы вернуть его, власти в спешном порядке готовили решение передать его в пользование Всесоюзной организации курдов. Но сработало предвидение Ребе: он дал нам задание немедленно освободить синагогу на Большой Бронной. Я пригласил своих друзей из Ленинграда, попросил их привезти «арон кодеш», священный шкаф для хранения свитков, а также сам Свиток Торы, который

находился у меня в квартире, где одно время размещалась подпольная синагога. Собралось человек тридцать. Понятно, что такая акция неординарна даже в постсоветское время, а тогда ведь еще доживал последние месяцы Советский Союз! Шел март 1991 года.

Итак, я шел впереди, нес «арон кодеш», за мной следовали мои товарищи и студенты ешивы. Мы шли молиться. Когда мы подошли к двери, тамошние работники, в основном, женщины, бросились навстречу, чтобы остановить процессию. Я сказал им: «Каждый, кто тронет реликвию, умрет на месте». Они испугались, убежали куда-то. В это время раввин Кунин дернул дверь и сорвал замок...

Мы начали молитву. Вскоре появилась милиция.

Как старший я спросил их:

— Зачем вы приехали? Они ответили:

— Мы будем вас выбрасывать на улицу.

Я сказал:

— Сейчас не время для таких действий. В этой синагоге мы молились долгие годы... И много лет мечтали сюда вернуться. Дайте нам спокойно помолиться. Дальше будем разбираться.

Надо отдать им должное — они позволили нам закончить молитву. Потом меня задержали и составили протокол.

Не прошло и трех месяцев, как появился указ мэра и решение правительства Москвы о возврате этого здания еврейской общине. Мы начали формировать синагогу на первом этаже здания, но на втором все еще оставалась ведомственная организация ВЦСПС. Так продолжалось одиннадцать месяцев, вплоть до праздника Пейсах.

Перед праздником я встретился с заведующей Дома творчества.

— У нас есть закон, — сказал я ей, — кто войдет в здание во время праздника и принесет с собой квасное, хамец, тот должен быть убит; но я — цивилизованный человек и не могу допустить такой жестокости, поэтому готов помочь вам и оплатить расходы на переезд.

Мы пришли к соглашению, и я перевез их имущество за наши деньги.

Но не обошлось без инцидента. Советская власть, как известно, просто так не уходит. В сентябре в газете «Советская Россия» появилась статья под названием «Незаконное сожительство». Приближался Йом Кипур, и мы приобрели несколько цыплят для традиционного очистительного обряда «капарот». Так вот, в статье речь шла о том, что в центре Москвы в курятнике при синагоге разводят цыплят.

Мол, в доме, который раньше распространял свет культуры, теперь творится такое безобразие. Меня здорово задело эти слова — «незаконное сожительство». В здании еще оставались прожектора и всякое другое имущество. После выхода этой статьи мы за ночь сняли все сорок восемь прожекторов, в том числе и из-под купола, и сложили все это в кучку.

Я им сказал:

— Статья «Незаконное сожительство» вышла, наверное, не без вашего ведома; вот мы и поняли, что это относится к вашему оборудованию в нашем в зале; действительно, оно намочень мешает. А сожительствовать с вами мы не собираемся — здание должно принадлежать нам полностью.

«ДЕТИ, КТО ИЗ ВАС КОЭН?»

Официально здание синагоги на Большой Бронной мы получили 8 мая 1991 года. Приближался Швуэс. Мои коллеги вынуждены были уехать из Советского Союза. Им не продлили визы. Я остался один.

Вдруг выходит распоряжение Ю. М. Лужкова, занимавшего тогда пост заместителя мэра, о передаче здания нам. Конечно, я понимал, что процесс передачи имущества займет какое-то время. Но я тут же начал готовиться к празднику.

Отправился к директору Межсоюзного дома самодеятельного творчества — организации, разместившейся в здании бывшей синагоги Поляковых. Пришел к ней с огромным букетом цветов.

— Вопрос уже решен, — сказал я. — Дело лишь в том, будем ли мы сотрудничать ко всеобщему удовольствию или начнем военные действия.

— Что вы предлагаете? — спрашивает она.

— У нас грядет праздник, и чтобы нам не пришлось толпиться вокруг здания, пока идет передача материальных ценностей, мы готовы снять у вас все помещение на три дня. Заплатим, сколько вы скажете.

Три дня — потому что сначала выпала Суббота, а потом еще два дня праздника Швуэс.

— Хорошо, — соглашается директор, — давайте составим договор.

Вопрос был решен.

Главная заповедь праздника — прослушать десять заповедей во время чтения Торы. Мы сделали объявления по всему городу. Радиостанция «Эхо Москвы» сообщила, что открылась синагога на Большой Бронной улице и приглашает всех

на праздник. Собралось очень много народу, в том числе и детей. Я организовал празднование так, чтобы каждые два часа приходила новая группа. Зал не мог вместить всех. Это был настоящий человеческий порыв: нам вернули синагогу! Дети шли со всех концов города. «Каждому еврейскому ребенку — еврейское образование!» — было написано на транспарантах.

Дети пришли — и мне предстояло до ребят, учившихся в советской школе, донести, что Тора была дана еврейскому народу Всевышним на горе Синай. Вот наступает момент чтения десяти заповедей, и нужно вызвать к Торе Коэна, потом Левита, и наконец, Исраэлиты. Но как это сделать? Буквально в последний момент мне приходит в голову мысль, которая оказалась просто спасением.

Я спросил собравшихся в зале детей:

— Ребята, а кто из вас коэн?

И в первой же группе мальчик говорит:

— Я коэн.

— Откуда ты знаешь, что ты коэн? — спрашиваю.

— Мне папа сказал.

— А твоему папе кто сказал?

— А моему папе его папа сказал...

Я говорю:

— Дети, потрогайте этого мальчика за руку. Вот он-то и есть самое большое материальное доказательство того, что евреи получили Тору на горе Синай.

— Почему?

— Да потому что на горе Синай Всевышний разделил евреев на Коэнов, Левитов и Исраэлитов на коаним, которые должны служить в Храме, левиим, которые должны им помогать, и народ Израиля, который должен жить по законам Торы. И вот мальчик, которого вы видите здесь сегодня, мальчик, который знает, что он коэн, — и есть материальное подтверждение того, что мы действительно получили Тору.

Точно также я нашел Левита в первой группе. В двух группах все прошло благополучно.

Вот рассаживается третья группа. Я на коне! Я понял, как нужно искать Коэна.

Я говорю:

— Дети, есть среди вас коэн?

Молчание. Нет коэна в третьей группе.

— Дети, а кто из вас левит?

Нет никого.

Вдруг раздается тихий голос:

— А дедушка коэн подойдет?

Спасение! Я говорю:

— Дедушка тоже годится!

Подошел дедушка коэн. Он пришел с ребенком, а внук его уже не коэн. Но сработало отлично! Главное — подержать за руку мальчика или пусть даже дедушку коэна, материальное доказательство нашей связи со Всевышним!

Сейчас еврейские дети получают немало знаний, а тогда, в 1991 году, было не так...

Еще до начала праздника я написал Ребе о том, что собираюсь праздновать в синагоге на Большой Бронной Швуэс. Ребе всем прислал благословения, но написал также, что и Субботу нужно тоже отметить здесь. Я ответил Ребе, что о Субботе тоже договорился.

«НЕ МЕНЯЙТЕ СВОИ ПЛАНЫ!»

19 августа 1991 года в Москве появились танки. Сперва позиция ГКЧП представлялась очень сильной, и было совершенно не понятно, чем обернется путч. В то лето мы впервые организовали еврейские загородные лагеря. Среди наших воспитателей было немало людей, приехавших из-за границы. Мы тревожились за их судьбу: все указывало на то, что в стране совершен государственный переворот, и заранее предсказать действия путчистов не было никакой возможности. Мы обратились к Ребе. Он сказал: «Не меняйте свои планы».

Планы мы не поменяли. Но люди, ответственные за финансирование наших лагерей, жили не в Советском Союзе, а за рубежом. Деньги к нам перестали поступать, и дети просто голодали. Моя дочь Сима работала в лагере воспитательницей вместе со своими израильскими подругами. И я решил, что не могу оставаться в стороне; узнав, что детям нечего есть, я поехал в лагерь. Все-таки, что ни говори, а я — человек, связанный с еврейским пищевым промыслом.

По дороге у меня отлетело заднее колесо — моя старая машина буквально разваливалась. Я, конечно, нашел его, поставил на место, закрепил, одним словом, доехал. Вижу, рядом с лагерем в кустах стоят четыре девицы. Трое ревут, одна губу закусил. Это была моя дочь Сима. Дети голодные, а им нечем их накормить.

Я говорю: «Сима, садись в машину, поехали на базар за продуктами!»

Привезли машину с продуктами: картошку, овощи, яблоки... Тут вспомнил, что я — шойхет!

— Поехали еще раз, — говорю дочери. — Попробуем купить кур.

Приехали на базар. А тут как раз привезли совхозную птицу. И продавали очень дешево — по десять рублей. Мы забили полную машину курами...

Но ведь их надо не только порезать, но и ощипать.

— Дети, у вас сегодня будет урок кошерного питания, — сказал я. — Живую курицу надо сначала кошерно порезать, а потом проверить, годится ли она на кошерный стол. Я хочу, чтобы вы разбились на несколько групп. Я дам вам по курице, вы ее ощиплете, потом мы ее вместе вскроем и проверим...

Так, можно сказать, играя, мы этих кур ощипали. Среди детей была одна девочка, Двира, ну просто аристократка! Надо было видеть, как она снимала перо. Когда говорят о самопожертвовании, всякий раз это надо воспринимать на определенном психологическом уровне — у каждого свой порог. Эта девочка никогда в жизни не держала в руках неошипанных птиц, потому что в Израиле кошерные куры продаются уже готовыми к употреблению в пищу. Она делала свою работу буквально с дрожью... Но преодолела себя.

В результате я детей все-таки накормил и уехал. Слава Б-гу, через пару дней это все закончилось.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

РАССКАЗЫВАЕТ ДИНА ВАЙСБЕРГ,
В 1991 ШЛЖУ СТАРШАЯ ВОЖАТАЯ ЕВРЕЙСКОГО ЛАГЕРЯ

В то лето мы организовали еврейский загородный лагерь. Я работала старшей вожатой, а вместе со мной — мои подруги, которые приехали из Израиля и Америки. Среди вожатых была дочь раввина Ицхака Когана Симона. Скоро у нее должен быть день рождения, и мы слышали, что к ней приедет папа. В лагере было очень хорошо, весело! Первая смена прошла в июле, вторая шла в августе. Было много желающих отдохнуть в нашем лагере.

В России время тогда было нелегкое — не то что сегодня. Ответственным за лагерь был раввин Берл Лазар. Но у него рожала жена, и он уехал с семьей в Америку. Он оставил нам деньги, и мы время от времени звонили ему и рассказывали о наших делах. Но во второй смене деньги стали кончаться:

девушек много, всем очень весело, и вдруг — денег нет... Каждый день приходилось думать, чем кормить девушек. Еще раз каша, опять каша, снова каша...

Однажды к нам пришла женщина, ответственная за кухню, и сказала:

— Девушки, завтра мне вас больше нечем кормить: кладовка пустая, холодильники пустые... Что будем делать?

Симона говорит:

— Не волнуйтесь, сегодня папа должен приехать. Он нам поможет.

Ждем... Ждем... Потом звоним:

— Исаак Абрамович, мы слышали, что вы уже в дороге к нам. У нас все пусто — продуктов нет. Может, вы что-нибудь нам привезете?

Уже вечер, мы ждем. Подходит ужин, мы не знаем, чем кормить детей. На вечер еще что-то оставалось, но на завтрак вообще ничего не было. Уже стемнело, мы стоим с подругами около забора, и не знаем, что делать. Стоим, чтобы увидеть свет фар его машины, ждем, чтобы спросить, что делать с завтраком.

Наконец, приехал Исаак Абрамович, увидел, что мы стоим у забора и плачем. А он увидел нас и говорит:

— Дина, что ты плачешь? Думаешь, что от твоих слез вырастут грибы на завтрак?

В его машине оказались арбузы, бананы, овощи, фрукты, кола, пепси... Он остался на ночь в лагере. Дети увидели все это и очень обрадовались.

Исаак Абрамович решил остаться с нами еще на сутки. Утром он поехал покупать кур. Он решил показать детям, как делают кошерное мясо. Сам порезал кур, а девушек из старшей группы научил снимать перо, показал им, как надо проверять внутренности. Когда на ужин эти куры появились на тарелках, был настоящий праздник. День рождения Симоны по-настоящему удался, потому что девушки чувствовали, что они сами готовили стол. Они говорили: вот на этой тарелке моя курица, а на той, наверное, твоя...

Вот так Исаак Абрамович буквально оживил наш лагерь!

РЯДОМ С ЕЛЬЦИНЫМ

...Но пока еще была осада Белого дома, мы решили пойти к Б. Н. Ельцину. К слову, все кордоны мы прошли довольно легко. У входа в Белый дом стояли

казаки. Каково же было мое удивление, когда у одного из них я увидел цицит⁴⁷ ...
Никогда бы не подумал, что казаки отождествляют себя с евреями!

Мы вошли в Белый дом, но Ельцин нас не принял. Нас встретил помощник Ельцина Лев Суханов. Мы сказали: от имени Любавичского Ребе хотим передать Борису Николаевичу, что все останется по-прежнему, и никаких перемен к худшему не произойдет.

— Завтра войска ГКЧП будут атаковать Белый дом, а силы у нас неравные, — ответил Суханов.

— Так Ребе нам сказал, а мы передаем вам.

Назавтра мы снова приходим к Белому дому. А уже все закончилось.

Суханов говорит:

— Ваш Ребе — великий человек!

— Это правда, — отвечаю. — Но когда вернут по праву принадлежащую ему библиотеку? Когда окончательно победили сторонники Ельцина, на площади собралась огромная толпа. И мы оказались рядом с ним.

— Борис Николаевич, надо отдать книги Ребе! — сказали мы ему.

Ельцин отвечает:

— Скоро, скоро отдадим!

Ну вот, а оказалось — совсем не скоро.

«БЕЙ ЖИДОВ!», ИЛИ «ВИВАТ, ХАСИДЫ!»

В октябре 1993 года противостояние было еще более ожесточенным. Третьего октября — воскресенье. Праздник Суккот. В Доме культуры железнодорожников на Комсомольской площади устроили вечер. Меня попросили сказать несколько слов. Перед выступлением раввин Лазар мне говорит:

— В Москве стреляют. Нужно людей успокоить и распустить по домам.

Я вышел и предложил всем вместе сказать псалом Ребе; и еще сказал, что в городе очень сложная обстановка, предложил разойтись, благословил...

А сам вернулся в синагогу. Мы решили ночевать прямо там — пять человек. Мы очень волновались: уже шли разговоры, что захватили Останкино, идут бои в мэрии. Мы боялись за синагогу, потому что понимали: с теми, кто поднял путч, нам точно не по пути. Мы расположились прямо у входа в здание. Мне не спалось. На утро 4 октября у меня был билет на самолет, я должен был лететь в Нью-Йорк к Любавичскому Ребе на Суккот. Но как я смогу показаться перед Ребе, когда у нас тут переворот! Я понял, что билет пропал.

В четыре часа утра я услышал обращение Егора Гайдара, который призывал прийти на помощь защитникам Моссовета, еще он сказал, что они там мерзнут в холодную осеннюю ночь. Я понял, что наш час пришел. Вскипятил кастрюлю горячего чая, взял лаваш и варенье. Больше у нас ничего не было, синагога тогда жила бедно. Один из нас остался в синагоге дежурить, а остальные поехали на нашей машине к Моссовету.

Подъезжаем к Пушкинской площади — это была как бы первая линия обороны. Конечно, сооруженные укрепления не представляли серьезного препятствия для атаки, я хоть и не военный человек, но понял это сразу. Всего там было две-три тысячи человек, не больше. Когда мы вышли из машины, я услышал крик: «Бей жидов — спасай Россию!»

Нас спросили, зачем мы приехали. Я ответил:

— Слышали, что просили привезти горячего, вот мы привезли то, что у нас было.

Нам сказали:

— Машину оставьте здесь и несите то, что принесли.

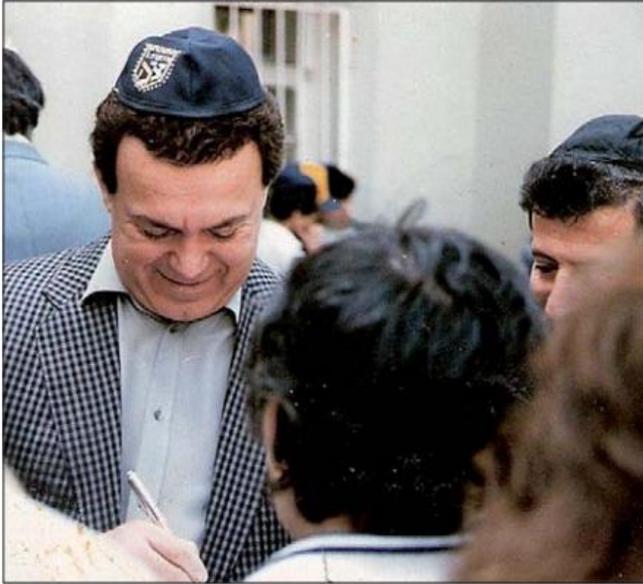
Мы стали раздавать чай. Там было три заслона. Уже на втором кончились наши припасы. Я оставил ребят раздавать то, что осталось, а сам поехал, чтобы привезти еще. Вскипятил чай и еще взял четыре вида растений для благословения на праздник Суккот. Возвращаюсь обратно и говорю:

— Зовите всех евреев, которые здесь есть, — благословив этот «букет», мы приносим добро всем.

Ко мне стали приводить евреев. Пока ребята раздавали чай, евреи благословляли четыре вида растений. Вдруг слышу какой-то шум. Оказалось, что командир БТРа, стоявшего около Моссовета, был евреем. Ему говорят: «Иди, делай благословение!» А он отвечает: «Не могу оставить машину». Тогда я подошел к БТРу, и он повторил за мной благословение.

Так прошло несколько часов. В десять часов утра стали стрелять по Белому дому. Потом объявили, что обороняющиеся выбросили белый флаг и сдались. Все потихоньку начали расходиться.

Когда мы с ребятами уходили, нам кричали: «Виват, хасиды!»

Носиф Кобзон во дворе синагоги на Б. Бронной. 1991 год

Первая молитва после 54 лет перерыва в синагоге на Б. Бронной. Март 1991 года. Москва

Первый Пурим в синагоге на Б. Бронной. 1992 год. Москва

«Синагога на Большой Бронной в первую очередь — для еврейских детей!»

«Синагога на Большой Бронной в первую очередь — для еврейских детей!»

Раввины Агудас Хасидей ХаБаД после получения документов на синагогу на Большой Бронной. Август 1991 г.

Строитель

Я долго вынашивал идею вернуть синагоге на Большой Бронной первоначальный облик и даже разработал первый проект здания. В годы правления большевиков она была превращена в типовой дом культуры. Фасад здания был уничтожен, еврейское лицо синагоги стерто. Я хотел восстановить фасад, надстроить третий этаж, невидимый с улицы, построить подсобное здание. Но мой давний приятель профессор Марк Юрьевич Абелев как-то сказал мне: «Ты, Изя, находишься в центре Москвы: что маленькое здание строить, что большое — нет никакой разницы, будут те же самые проблемы; лучше строй большое». Мы сделали проект здания площадью шесть тысяч метров, согласовали, потом посчитали, сколько это стоит, и... присели от ужаса...

НАЧАЛО. СТАРАЯ МЕГИЛА

Шел 2001 год. Дело было в Субботу между праздниками Рош а-Шана и Йом Кипур. Ее называют Шабат Тшува — Суббота Возвращения к Всевышнему. В синагогу зашел известный предприниматель Вадим (Давид) Рабинович, мы помолились, сделали кидуш.

Не знаю, что меня толкнуло поделиться с ним своей сокровенной мечтой — восстановить синагогу в ее первоначальном виде... Несколько лет назад едва не случилась трагедия со взрывом бомбы — мы должны были отблагодарить Всевышнего за наше избавление.

Я рассказал Давиду, что уже почти десять лет вынашиваю эту мысль, но вот боюсь браться за дело, потому что начать и не закончить — очень плохо, лучше уж вовсе не браться.

В ту Субботу мы сделали очень большой «лехаим». И Давид сказал мне:

— Изя, я даю тебе два миллиона рублей — начинай!

Отрадно было это слышать.

— Давид, — отвечаю, — у меня есть просьба. Сегодня, в эту Субботу, не надо никуда двигаться, чтобы не нарушать святость этого дня, мы проведем его в синагоге.

Рабинович согласился. Мы снова сделали «лехаим». После окончания Субботы он уехал.

Через несколько дней мне звонит из Киева раввин Мойше Реувен Асман...

— Почему ты не позвонишь и не спросишь, как себя чувствует Рабинович?

— А почему я должен спрашивать?

— Да потому что он попал в аварию, когда возвращался домой из Москвы!

Давид приезжал в Москву на машине, и, возвращаясь в Киев, его джип с ходу врезался в перегородивший дорогу КамАЗ. Машина разбилась вдребезги; у людей хоть и были ушибы, но, слава Б-гу, ничего страшного не произошло. Это было абсолютно противоестественно при таком жутком столкновении.

Я, конечно, сразу позвонил Рабиновичу. Я вообще чувствовал себя как-то неловко: ведь это по моей просьбе он задержался в Москве.

Говорю на идише:

— Давид, желаю тебе, чтобы все зажило как можно быстрее!

Он отвечает:

— Ничего, все в порядке, но только насчет обещанных тебе денег я передумал.

— Ну, это же твое право...

— Я передумал: я дам тебе не два миллиона, а три. Только начинай скорее. Три миллиона рублей — это по тогдашнему курсу около ста тысяч долларов. И мы начали проектирование.

Это был первый толчок. А потом мы отважились сделать «динер» — званый обед для людей, которые были готовы участвовать в строительстве синагоги на Бронной. Это происходило в ресторане «Сен-Мишель» на Тверской улице. Мы тщательно подготовились, откошеровали кухню, выпустили памятную медаль, посвященную синагоге на Бронной, которая ждет своего восстановления. На аукцион выставили несколько лотов, среди них — очень старую Мегилу, Свиток Эстер. Предложили начальную цену — тысячу долларов. Начались торги. Кто-то дает полторы тысячи долларов, потом — две тысячи, кто-то дал две с половиной... Тут встает предприниматель Эли Якоби (Якобашвили) и дает двадцать тысяч долларов. Всем понятно, что это гораздо выше реальной стоимости предмета. Все затихли. Он взял лот и сказал:

— Теперь я хочу передать Мегилу раввину Когану, чтобы эта реликвия положила начало новой синагоге на Бронной.

И он передает ее мне...

— Не бойся, — говорит Эли, — начинай, ты сможешь.

Ему была определена трагическая судьба. Через три года, в 2004 году, обновленная синагога уже стояла. За две недели до ее открытия, которое

планировалось в день 18 Элула (5 сентября), он заходит в синагогу и сообщает мне, что собирается навестить своего друга под Волгоградом.

— Возьми приглашение на открытие, — говорю я.

— Разве мне нужно приглашение? Я и так буду.

И он улетел. Самолет взорвали террористы... Эли погиб. Удивительно: его тело оказалось почти неповрежденным — его опознали сразу и смогли похоронить по еврейскому обычаю.

Теперь в нашей синагоге зал обрезания посвящен Эли Якоби.

«БЛАГОСЛОВИТ ВСЕВЫШНИЙ И СОХРАНИТ...»

Моя семья все время атаковала меня за мой эскизный проект: «Ты что, решил строить обком партии?»

Тут пришел Амиэль Якубов и сказал, что у него есть очень хороший архитектор, который мог бы сделать новый проект. Но у него, Амиэля, нет денег оплатить заказ. Он готов дать задаток три тысячи долларов — все, что у него есть, но сам проект стоит гораздо дороже. Готов ли я буду доплатить еще четырнадцать с половиной тысяч долларов, если проект нам понравится? Только в том случае, если понравится! Я сказал, что у нас уже есть собранные средства, и мы расплатимся.

Амиэль Якубов помог разместить заказ в архитектурной мастерской Г. С. Эстрина. Когда мы увидели проект — просто ахнули: это был совсем другой уровень. Впоследствии Ариэль стал одним из главных спонсоров синагоги. А возглавил строительство член совета директоров, совладелец компании Capital Group Эдуард Берман. Однажды он пришел на урок Торы, который я провожу еженедельно. На следующий урок он опоздал на два часа, но явился вместе со своим отцом. Я провел экскурсию по зданию. Потом услышал, как папа сказал сыну: «Эдик, мы будем строить эту синагогу!»

Сегодня, оглядываясь назад, мы видим, что в постоянно действующей синагоге, ни на один день не закрывавшейся, за восемнадцать месяцев прошла полная реконструкция и возведение шести этажей — от монтажа труб до подключения электричества. Мне это представляется чудом. Кому ни рассказываешь, никто не может это осознать. Когда Эдуард взялся за дело, работа пошла полным ходом.

Однажды Эдуард Берман сказал мне:

— Исаак Абрамович, надо снять старое здание. Мы проверили все фундаменты, и оказалось, что их практически нет. Можешь сам посмотреть. Я не поверил. Пошел посмотреть и увидел, что здание просто висит на московской земле, а фундаменты лежат отдельно. Мне, конечно, больно было вообразить, что придется сносить старые стены.

— Эдик, я не могу!

— Я вылью точно такую же стену, — ответил он, — миллиметр в миллиметр, новую, какую захочешь, — из бетона, и будет она стоять тысячу лет, и ничего с ней не сделается.

— Не могу, эти стены — живые свидетели истории. Если мы потеряем эту ауру намоленного здания — значит, считай, мы ничего не сохранили.

— Ну что же делать?

— Будем думать!

И Эдуард нашел выход из положения. Он отыскал фирму, которая усиливает фундаменты возрастом до пятисот лет. Слава Б-гу, нашему зданию к началу реконструкции было двести восемьдесят. И мы договорились. Работа эта очень сложная, она длилась месяца четыре или пять. Каждую стену в этом здании, независимо от того, несущая она или нет, нужно было сверлить по касательной каждый метр буром 100 мм, вставлять арматуру 36 мм на четыре метра глубиной. Таким образом, создавался новый фундамент. И под давлением в четыре атмосферы они загоняли бетон. У нас старое здание поднялось на 2 мм. Было видно, что оно село на новый фундамент.

Во время работ пробило водопроводную трубу, которая шла из города в здание. При давлении в шесть атмосфер образовался настоящий фонтан. Трубу раскопали, стали класть бандажи. Я подошел посмотреть и увидел кусочек керамики, мне показалось, что на нем следы еврейских букв. А мне как раз срочно нужно было ехать в Раменское на шхиту.

Говорю рабочим: «Я вам оставляю деньги за дополнительную работу, а вы просейте землю и соберите кусочки глазированной керамики».

Я вернулся в час ночи, и охранник подает мне табличку, на которой написано: «Благословит тебя Всевышний и убережет...». Это было благословение коэнов — «биркат коаним». Как бы сама синагога обращалась к нам с благодарностью за то, что мы ее сохраняем. Теперь это стало символом синагоги на Бронной, нашим знаком, эмблемой. Табличка хранится в музее.

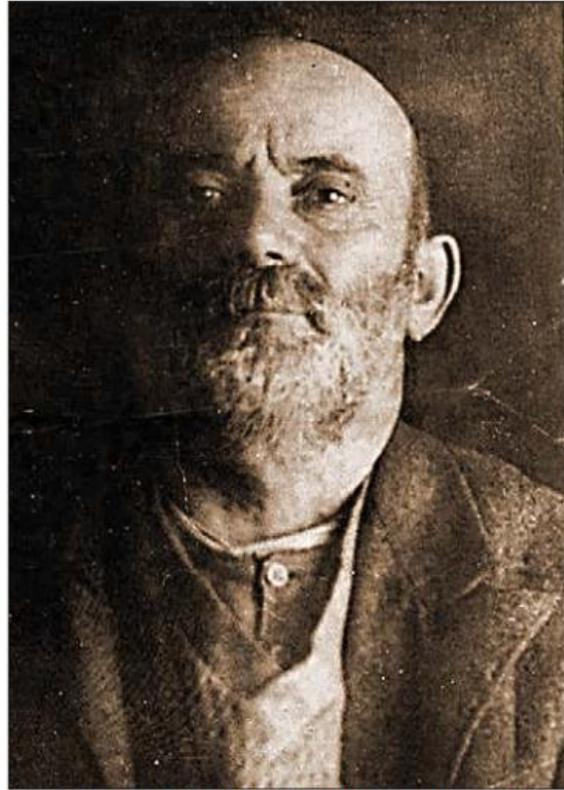
Открытие синагоги на Большой Бронной после ее восстановления мы запланировали на 18 Элула. В еврейской традиции этот день придает жизненные

силы на весь год. В 2004 году он выпал на пятое сентября — по григорианскому календарю. В эти дни весь мир стал свидетелем страшного теракта, который совершили в Беслане террористы. Погибло много людей — триста тридцать человек детей и взрослых. День траура был назначен как раз на пятое сентября. К нам обратились многие люди с предложением перенести открытие синагоги. Но я решил, что нельзя отменять мероприятие, намеченное задолго до происшедших событий: к этому дню мы шли несколько лет. Такой поворот событий свидетельствовал бы о моральной победе террористов, которые пытаются нас запугать и фактически указывают нам, что и когда мы должны делать. Наш вечер мы разделили на две части. Первая часть была посвящена всем погибшим. Мы зажигали свечи в память о них — евреях и неевреях. Во второй части звучали поздравления с открытием синагоги.

В церемонии участвовал представитель московского правительства. Он сказал, что сначала не хотел идти на наш праздник в день траура. Но то, как это было организовано, — лучшее доказательство, что террористам не удастся нас запугать. Мы отдали дань памяти погибшим, но жизнь продолжается. Нужно смотреть вперед: конечно, террор должен быть исключен из практики человечества, а святое дело, которое мы делаем, должно продолжаться. Мне приятно было услышать эти слова от нашего гостя, потому что даже среди евреев не было единого мнения об этом.

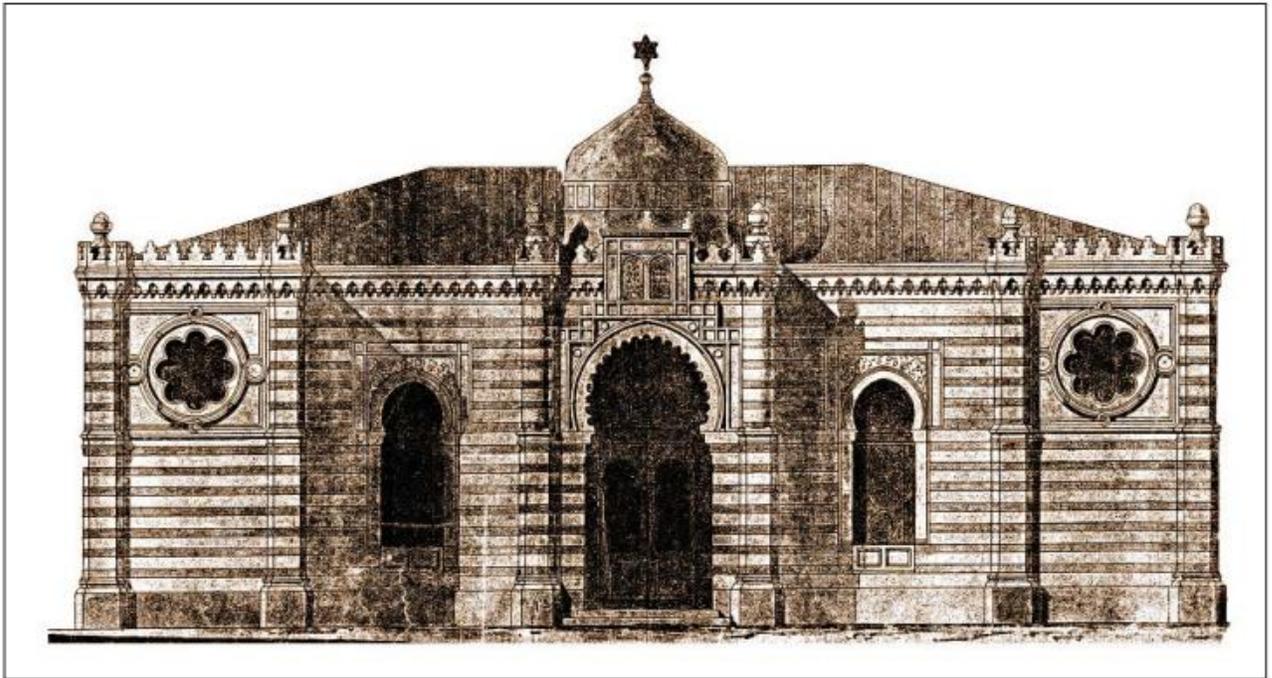
Расстрелянный раввин Гуртенберг

Последнее фото расстрелянного раввина Гуртенберга. Из архива КГБ

День Победы в синагоге на Большой Бронной. 09.05.2011 г.

Возрождение синагоги на Большой Бронной

Возрождение синагоги на Большой Бронной

ЧУДЕСНОЕ ИЗБАВЛЕНИЕ

Теперь придется вернуться лет на десять назад.

Это было за неделю до праздника Пейсах 5 апреля 1993 года. Мне позвонили ребята из Ленинграда.

— Изя, — говорят они, — на праздник мы остались без мяса. Ты же наш, ленинградский. Приезжай, сделай что-нибудь!

— Могу приехать только в воскресенье, все другие дни я занят в синагоге. Вы все приготовьте, а я приеду и порежу. Сделаю как надо.

Я смог вырваться из Москвы только в ночь с субботы на воскресенье, днем отработал и сразу вернулся. Утром приезжаю в синагогу на Бронной, вижу — кругом милиция. Бросили зажигательную бомбу. Вся комната сгорела. Та, в которой я спал. Остался только портрет Ребе и фото моего папы. Милиция сказала, что это было возгорание канистры с бензином, которую я оставил. Хотя было хорошо видно, что сломано окно, через которое бросили бомбу. Вот так моя шхита спасла меня. Если бы я спал там, неизвестно еще, остался бы цел.

В 1999 году все было куда хуже...

Если пожар в синагоге 1993 года еще можно списать на каких-то антисемитов, которые что-то подбросили в окно, то все произошедшее в 1999 году могли задумать и осуществить только террористы международного масштаба. Они спрятали бомбу в здании, и в случае взрыва вероятность остаться в живых не превышала один к двумстам тысячам. Там должны были собраться около трехсот человек, в основном дети, — все были обречены.

Но пути Всевышнего неисповедимы. Дело было в воскресенье. И спасло нас обрезание. В пятницу, накануне этих событий, на мясокомбинате в Раменском я встретил Нисона Александровича Баера и заметил, что он чем-то расстроен. Спрашиваю, в чем дело. Он рассказал, что отдыхал в Гаграх, шел на катере, который едва не разбился о скалу: штурман резко повернул руль, он полетел со своего места, ударился о лобовое стекло и разбил лицо.

— Я что-то теперь должен сделать! — сказал он.

— Что же вы можете сделать? Может быть, надо кому-то организовать брит-милу?

— Да, у меня есть один человек, Боря Слуцкий, которому я пообещал в этом деле помочь.

Баер звонит:

— Боря, в воскресенье делаем обрезание! Потом звоним моэлю, договариваемся на воскресенье в двенадцать часов дня. Я ночевал в Раменском.

Накануне мой сын Иосик говорит:

— Папа, ты меня обязательно возьми на обрезание.

— Иосик, — отвечаю, — я к тебе подойду в полвосьмого, если проснешься, я тебя возьму. А будить не буду.

Только я зашел к нему утром, он тут же вскочил...

Приехали в синагогу. Ждем Борю. Немного позже должен еще пройти праздник первой стрижки у ребенка. Много детей должно собраться. Сажу в своем кабинете. Вдруг ко мне с криком влетает женщина и говорит, что мой сын нашел бомбу в синагоге. Спускаюсь вниз. А сам думаю: что там за бомба, наверное, чепуха какая-то! Положили на стол сверток, развернули тряпки — и я вижу, что эта штучка совсем не для детского праздника. Тяжелая такая конструкция, четырьмя болтами скреплена. Ее сразу вынесли на улицу. Иосик — за нами. Я говорю:

— Не беги за мной!

И тут подъезжает Баер вместе с молодым человеком и ставит машину рядом с синагогой.

— Нисон Александрович, — говорю, — уберите машину подальше, мне эта игрушка очень не нравится.

— Ерунда, обойдется, — отвечает.

Я настаиваю:

— Пожалуйста, уберите машину, жалко же.

Он меня послушал, отогнал автомобиль подальше по Большой Бронной.

Я поехал на машине в милицию. Сказал, что у нас явно что-то нехорошее происходит. За мной сразу последовал милицейский джип. Милиционеры сняли бронежилеты и накрыли бомбу. Это значительно уменьшило силу взрыва. Вскоре все было оцеплено.

А в это время в синагоге проходит обрезание. После процедуры нужны десять человек, чтобы сделать благословение за столом. А у нас не хватает людей: в двери никого больше не пускают. Милиционер заходит.

— Уходите, быстро, — командует.

Я ему говорю:

— Ты нам приведи десятого, чтобы сделать благословение.

Уговорил я его. Через боковой вход привели десятого — Шем-Това Элигуева. Сделали благословение. Вышли на улицу. А до этого приехали из ФСБ, привезли робот, но поднять бомбу не смогли.

В это время Иосика уже допрашивал следователь. Мы стоим у окна в левом крыле здания.

— Давайте отойдем от окна, — говорит следователь, — если будет взрыв, стекла могут нас поранить.

Только мы отошли — раздался взрыв. Иосик даже побледнел, я его сразу под холодную воду поставил. Взрывная волна рикошетом пошла на соседнее четырнадцатизэтажное здание — там стекол почти не осталось. В нашу сторону тоже полетели стекла...

Организаторов и исполнителей теракта, разумеется, не нашли.

Буквально через несколько дней нам сообщили, что синагогу на Бронной хочет посетить тогдашний мэр Москвы Юрий Лужков. Предварительно приехали люди из службы охраны и прочесали все здание. Нам сообщили, что мэр приедет в шестнадцать часов. Ждем... Четыре часа, полпятого... Пора молиться «минху». Мы начали... В это время входит Лужков.

Он вошел как раз в тот момент, когда все стоя молились «Шмоне эсре» — Это молитва, при которой нельзя ни двинуться с места, ни подать руки, ни даже поприветствовать. Я сразу увидел мэра. Но мне было важнее закончить молитву, чем даже встретить гостя, хотя, не скрою, его визит был нам очень приятен. Он вошел в синагогу без всяких церемоний. Мы молимся... Стоим к нему спиной. Не хочу называть имен... Был среди нас только один раввин, не из нашей общины... И не хасидский раввин вообще. Только он один сошел с места и сказал мэру слова приветствия. А Лужков показывает ему, чтобы тот продолжал молиться: все же молчали... Гость стал рассматривать благословение и поздравление евреев с новым годом от Любавичского Ребе. Когда мы закончили, он сказал в наш адрес немало теплых слов. Он поздравил Иосика и подарил ему ханукальный светильник. Правительство Москвы специально заказывает предметы, являющиеся национальными символами, — весьма уникальные. Ханукия сделана по старинному образцу и весит килограммов десять или двенадцать. Когда я вез ее в Израиль, меня остановили во время таможенного досмотра. Я рассказал, что это подарок Юрия Лужкова ребенку, который спас синагогу, мальчик живет в Израиле и везет подарок домой. Нас пропустили...

Через некоторое время после визита нам позвонили из администрации мэра и пригласили нас забрать еще один подарок для Иосика. Еще тогда, в синагоге,

Лужков высказал желание, чтобы Иосик поехал в Иерусалим к Стене Плача и помолился за всех. В мэрии нас встретил В. И. Ресин и передал деньги от мэра на поездку Иосифа в Израиль. Это был конверт с полутора тысячами долларов.

Я сказал, что мне неудобно принять деньги, потому что Иосик учится в Израиле, он приехал на каникулы и так или иначе поедет обратно. Ресин ответил, что поступать с деньгами мы можем, как хотим, но Юрий Лужков передал их специально для поездки на молитву у Стены Плача...

После этих событий в синагоге на Большой Бронной появилась охрана — до тех пор нас никто не охранял. Один весьма состоятельный человек, пришедший в тот день на детский праздник, едва не обернувшийся трагедией, сказал, что должен теперь охранять синагогу, как самого себя — ведь он тоже приходит на Бронную, и если оставить здание без охраны, могут взорвать и его тоже.

Теперь нас стали охранять круглосуточно.

«Я ПРИШЕЛ УБИВАТЬ!»

К моменту, когда в синагогу пришел Копцев, охрана, надо сказать, слишком расслабилась. Он располагал подробными сведениями о работе всех наших служб. Он отлично подготовился. Как мы поняли из материалов следствия, Копцев бывал здесь неоднократно. Он принес с собой нож, которым пытался убить людей, спрятав свое оружие в специальных ножнах на груди. Когда быстро проходишь рамку, предметы, расположенные на теле выше определенной черты, могут не вызвать сигнала...

Он пришел в синагогу 11 января 2006 года в 17 часов 20 минут. От его появления до развязки и задержания прошло 2 минуты 40 секунд. За это время он успел тяжело ранить восемь человек. Большинство ранений могли привести к летальному исходу. Это определил суд. Но слава Б-гу, этого не произошло, поскольку медицинская помощь пострадавшим была оказана своевременно.

Скрупулезное восстановление картины этих минут показывает, что Копцев практически вбежал в здание, на что охранники внимания не обратили. Нормальные люди так в синагогу не входят. На видео это особенно хорошо заметно.

Ворвавшись в кухню, он тяжело ранил нашего водителя Рувена. Обернувшись, тот спросил: «За что?». Бандит со словами: «Ты еще жив?» нанес ему второй удар и выскочил. Путь ему преградил один из наших ребят, служивший в Афганистане и имевший боевой опыт, но Копцев перебросил нож в другую руку и нанес ему

удар... Видно, что он хорошо тренировался. Потом он полоснул ножом по лбу рабочего-узбека. Бросившись по лестнице на второй этаж, Копцев страшным ударом в грудь тяжело ранил главу группы «Наследие» семидесятилетнего Вилена Гдальевича Столовицкого, пытавшегося перехватить бандита. Следующей жертвой стал молодой компьютерщик из Израиля: удар пришелся в лицо. Копцев ворвался в «Бейт ХаБаД» и там начал зверски рубить людей своим ножом... Трагедия произошла почти мгновенно: преступнику понадобилось всего около минуты.....

В тот год ушла из жизни моя мама, и я молился за хазана. Закончил «Шмоне эсре» и услышал душераздирающие крики, доносившиеся со второго этажа. Я понял: произошло что-то страшное, выскочил из молельного зала и побежал наверх. На лестнице, весь окровавленный, лежал Вилен Гдальевич. Первая мысль была об огнестрельном ранении. Побежал дальше... Начальник охраны был ранен в голову, но сказал, что преступник вооружен. Тут я заметил человека, бегущего в «Бейт ХаБаД», бросился за ним и увидел, как он ножом замахнулся на секретаршу. Я схватил его за шею и за руку, в которой был клинок. Он начал бить меня острием в голову. Все его действия были продуманы на разные случаи, в том числе и задержание. Я стал вытаскивать его из «Бейт ХаБаДа» в коридор... (все зафиксировано на видео!), но упал и оказался под ним. В это время подбежал Михоэл Мушеловин, Михолик, как мы его называем, и начал оттаскивать бандита. Копцев направил удар ему в грудь. Дальше на видео что-то непонятное: кажется, будто человек летит. Это Иосик услышал крики, выскочил из ешивы, увидел, что я в крови, и огромными прыжками налетел на Копцева. Ему не удалось с первой попытки свалить бандита, но вторая все же оказалась удачной. Уже падая, Копцев выставил нож так, чтобы Иосик упал на него. Я вскочил и одной рукой схватил руку Копцева с ножом, а другой — ударил по голове. Его надо было вырубить любым способом как можно скорее — другого пути я не видел. ...Острие ножа блеснуло в двух сантиметрах от бедра Иосика. Когда подбежала охрана, мы уже крепко держали бандита, и он затих.

Следователи, приехавшие в первый раз, заявили, что мы устроили самосуд. Я попросил у них документы, и они куда-то скрылись. Потом пришел следователь по особо важным делам. Милиция приехала через пятнадцать минут: в полшестого вечера пробиться по Большой Бронной непросто. На Копцева надели наручники.

Милиционер спросил его:

— Зачем ты сюда пришел?

Он ответил:

— Я пришел убивать!

Потом был суд. Но сначала следствие, которое закончилось очень быстро. Вероятно, кто-то хотел, чтобы этот вопрос был как можно быстрее закрыт. Никаких деталей, сопутствующих агрессивному, но умелому поведению Копцева, раскрыто не было. Признали, что это дело рук одиночки. На самом деле, чтобы достичь такого умения владеть холодным оружием, нужен как минимум тренер. Сначала суд приговорил Копцева к четырнадцати годам заключения. При этом ему не было предъявлено обвинения в разжигании национальной розни. Его осудили по статье «покушение на жизнь двух и более человек». Мы подали апелляцию. Нам звонили. И звонили даже из Израиля, чтобы мы его простили — простили ради всего еврейского народа. Я отвечал, что когда убивают невинных, прощение порождает только безнаказанность.

Его защита представляла дело так, будто бы он был подведен к этому поступку обстоятельствами своей жизни: у него умерла сестра, и он считал, что в этом виноваты евреи. Говорили, что мы его избили в синагоге — на фото видны синяки и ссадины.

Не все были с нами согласны: зачем мы снова поднимаем этот вопрос? Но мы все же решили настоять на своем, и адвокат Вадим Клювгант (кстати, он из потомков Любавичских Ребе) поддержал нашу позицию в суде.

В ответ на апелляцию Верховный Суд России постановил, что в действиях Копцева были признаки разжигания национальной вражды, ему добавили еще два года, и он получил шестнадцать лет заключения.

Это трагическое событие сплотило нашу общину. В тяжелой ситуации весьма благородно повел себя известный предприниматель Аркадий Гайдамак. Он первый пришел к нам и предложил помощь. Гайдамак предлагал всех раненых отправить на своем самолете в Израиль. Но я ответил, что это невозможно: они нетранспортабельны, некоторых уже оперируют. Он сказал: «Я буду ждать до шести часов утра — звони в любое время, если что-то понадобится». К шести часам я ему позвонил и сказал, что только что закончилась операция у Михолика. Его ранения оказались самыми серьезными: нож не дошел до сердца всего два сантиметра. У израильского мальчика Ареле Ихиезкели была порезана артерия в области шеи, но, к счастью, остался неповрежденным, буквально с волосок толщиной, участок, благодаря чему врачам удалось вставить синтетическую трубку, и он выжил. Это были чудеса спасения... Тяжелее других выздоравливал Вилен Гдальевич, лежавший в институте им. Склифосовского.

Резня в синагоге проявила отношение каждого к современному фашизму. Кто-то говорил, что надо простить, кто-то говорил, что надо вести себя по-другому...

Потом мы сделали большую благодарственную трапезу. На нее пришли многие. Особенную поддержку оказал нам Вадим Рабинович. Он наградил медалями Всеукраинского еврейского конгресса шесть человек — всех, кто в такой решающий момент повел себя мужественно.

Несмотря на произошедшую трагедию, кое- что я вспоминаю с улыбкой.

В результате этих событий Иосика официально освободили от службы в израильской армии — сказали, что он и так очень хорошо защищает Израиль.

Другой пример... Симу не пускали в Америку. Поскольку у моей дочери дети рождались часто, она не могла постоянно ездить в США, как того требовала грин-карта, которую она получила как жена американского гражданина. В результате ей запретили въезд в Америку, несмотря на то, что у нее там множество родственников. Когда посол США пришел выразить нам свое сочувствие, я ему сказал, что соболезнование — это, конечно, хорошо, но почему все-таки жену не пускают к мужу? Он ответил: «Не может быть, проверю...»

Владимир Лукин, уполномоченный по правам человека, посетил нашу синагогу. Я напомнил ему, что в бытность послом России в США он оказал нам содействие: несколько книг из библиотеки Ребе, которые привез в Америку Клинтон, оказались у Любавичского Ребе.

Я ему сказал:

— История еще не закончена.

Он ответил:

— Ну, давайте искать ее продолжение.

Так что — продолжение следует.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

ЛЕОНИД ГОМБЕРГ, ЖУРНАЛИСТ:
«МОСТ ЧЕРЕЗ РУКУ ЗАБВЕНИЯ»

Так сложилась жизнь, что моя журналистская стезя приводила меня к синагоге на Большой Бронной в пору не самых спокойных ее дней.

25 июня 1998 года, будучи корреспондентом «Международной еврейской газеты» («МЕГ»), я писал репортаж по горячим (в полном смысле слова) следам

событий. Во время детского праздника в помещении синагоги было обнаружено взрывное устройство мощностью более 500 г в тротиловом эквиваленте. Его совершенно случайно нашел двенадцатилетний сын раввина Ицхака Когана Иосиф. К счастью, бомбу успели вынести на улицу. Через несколько минут она взорвалась во дворе с такой сокрушительной силой, что в соседних домах посыпались стекла. Случись взрыв в помещении синагоги, где готовились отмечать детский праздник, пострадали бы сотни людей. Несмотря на то, что только чудом удалось избежать несчастья, никакой паники не было. Работники синагоги и прихожане спокойно делились впечатлениями с журналистами. Все службы работали четко. Раввин Ицхак Коган — сама невозмутимость — деловито сновал между работниками милиции, представителями городской администрации и корреспондентами СМИ, внушая своим собеседникам уверенность в торжестве дела, которому он посвятил свою жизнь.

Одиннадцатого января 2006 года молодой нацист Александр Копцев ворвался в синагогу во время послеполуденной молитвы и начал орудовать ножом среди мирных, ничего не подозревавших людей. В результате девять человек — сотрудники и прихожане — получили ранения. Я приехал на место преступления как журналист газеты «Вестник Еврейского Агентства в России» («ВЕАР») и видел выходящих из здания окровавленных людей.

Последствия могли бы быть куда трагичнее, если бы раввин Ицхак Коган не услышал в коридоре крики и не бросился на помощь. Раввин остановил преступника, задержал его с помощью работников синагоги и передал милиции. «Я пришел сюда убивать евреев», — сказал окончательно потерявший остатки разума фашист.

Сегодня синагога на Большой Бронной — украшение центра столицы.

Это крупный религиозно-культурный центр Москвы, в котором ежедневно проходят молитвы, отмечаются еврейские праздники, проводятся традиционные обряды, сопровождающие жизнь евреев. При синагоге работает ешива «Махон РаН» — единственное в мире учебное заведение, в котором изучают теорию и практику ишиты, ритуального забоя скота. Здесь обучается еврейская молодежь из России, Израиля, США, стран СНГ.

«Перед всеми, кто участвовал в возрождении общины, всеми, кто работает в ней сегодня, раввин Ицхак Коган поставил задачу: еврейский центр на Большой Бронной — не просто синагога, это должно быть домом, где религиозная и духовная жизнь соединяется с памятью о тех, кто погиб за веру, кто

поддерживал в тяжелые годы дух еврейства, — рассказал глава группы «Наследие» общины «Агудас Хасидей ХаБаД» Вилен Столовицкий.

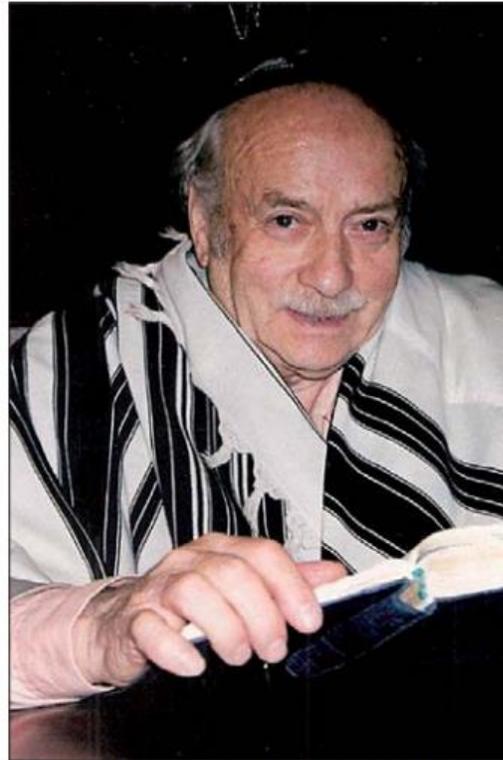
В синагоге действуют Зал Героизма и Зал Памяти.

В Зале Героизма открыта экспозиция, посвященная кантору Мойше Хаиму Гуртенбергу: на стендах представлены его личные вещи, фотографии и документы. Выставка рассказывает о героических хасидах, в том числе Иосифе Тамарине, деде раввина Ицхака Когана, вопреки преследованиям наладившего подпольное производство мацы в советском Ленинграде. На стендах выставлены старинные еврейские книги и вещи, необходимые для совершения религиозных обрядов, а также самодельные предметы культа, использовавшиеся в подполье в целях конспирации.

Экспозиция Зала Памяти посвящена участию евреев в Великой Отечественной войне. Здесь представлены материалы, рассказывающие о прихожанине синагоги на Большой Бронной Гедалье Пустыльнике (Григории Пустынникове), который с первых дней войны действовал на передовой, попал в плен, бежал и до конца войны воевал в партизанском отряде в Бельгии, о рядовом Абраме Когане, защищавшем блокадный Ленинград, рядовом Семене Додике, гвардии полковнике Израиле Турянском, еврейском писателе Илье Гор-доне и других. История еврейского Сопротивления отражена в документах о восстаниях в Варшавском гетто и лагере смерти Собибор, других актах неповиновения евреев нацистам...

Эли Якоби дарит Свиток Эстер
для строительства синагоги

Авраам Гольдберг вернулся в синагогу
на Б.Бронной через 70 лет, чтобы продолжить
свое еврейское образование. 1992 г. Москва

Раввин Аронов в синагоге на Б.Бронной после пожара от зажигательной бомбы. 06.04.1992 г.

Бывший мэр Москвы Юрий Лужков посетил синагогу на Б.Бронной после предотвращения теракта и наградил Иосифа Когана. Август 1999 г. Москва

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О награждении государственными наградами Российской Федерации

За заслуги в развитии духовной культуры, мужество и самоотверженность, проявленные в экстремальных условиях, наградить

ОРДЕНОМ ПОЧЕТА

КОГАНА Исаака Абрамовича - раввина синагоги на улице Большая Бронная в городе Москве, председателя общины "Религиозная община любавических хасидов "Агудас Хасидей Хабад".

За проявленные смелость и отвагу при охране общественного порядка наградить

МЕДАЛЬЮ "ЗА ОТЛИЧИЕ В ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА"

КОГАНА Хаима Иосефа Элиягу - ученика нешивы "Махон Рам", город Москва

Президент
Российской Федерации В.Путин

Москва, Кремль
13 декабря 2007 года
№ 1675

СИНАГОГА НА БРОННОЙ КАК ЗЕРКАЛО РОССИЙСКОГО ЕВРЕЙСТВА

Наша синагога — своего рода зеркало еврейской жизни России на протяжении более чем ста лет. И сегодня она остается зеркалом российского еврейства. В двадцатые годы советская власть начала свою антирелигиозную деятельность и запретила хедер. В 1991 году, когда мы только открыли синагогу, к нам пришел реб Авром Гольдберг, он рассказал, что в 1922 году, когда ему было семь лет, его мама вступила в комсомол, чтобы получить хоть какую-то работу. А там ей сказали: теперь ты комсомолка, значит, сознательная — твои дети больше не могут ходить в хедер. И она забрала ребенка из еврейской школы. Вскоре хедер на Бронной вообще закрыли, и кантор синагоги Мойше Хаим Гуртенберг организовал хор мальчиков — как прикрытия для того, чтобы дети могли учить Тору... Но в тридцатые годы и это начинание благочестивого кантора, да и сама синагога — все пошло прахом.

В 1991 году реб Авром Гольдберг пришел к нам и сказал, что хочет продолжить свое еврейское образование. Через семьдесят лет человек вернулся в синагогу!

«СЕВЕН СЕВЕНТ» — ДУХОВНАЯ СВЯЗЬ С РЕБЕ

«Севен Севенти», или «770» — таков номер дома по проспекту Истерн Парквей в Бруклине, Нью-Йорк, где жил Любавичский Ребе и где ныне расположена штаб-квартира движения ХаБаД-Любавич. Этот дом еще в тридцатые годы прошлого века купил тогдашний глава ХаБаДа VI Любавичский Ребе Иосиф Ицхак. Вскоре там разместились секретариат, синагога, ешива, проходили хасидские застолья — фарбренгены. В 1941 году к Ребе присоединился его зять Менахем Мендл Шнеерсон, прибывший вместе с женой в Нью-Йорк после нацистской оккупации Франции. В 1950 году Ребе скончался, через год ХаБаД-Любавич возглавил Менахем Мендл, ставший VII Любавичским Ребе. Теперь он из здания в Бруклине руководил всей деятельностью движения. Дом на Истерн Парквей превратился в легенду, его стали называть просто «Севен Севенти».

Во многих странах мира сегодня возведены копии, а точнее сказать, подобию этого здания — в Канаде, Бразилии, Аргентине, Австралии, Италии и многих других. В США и Израиле таких домов несколько.

Когда мы говорим, что здание должно быть похоже на «Севен Севенти» в Нью-Йорке, речь не идет только о его внешнем виде. Не всегда можно сделать точную копию — как по архитектурным, так и по материальным соображениям. Представим себе, что синагога на Бронной внешне походила бы на «Севен Севенти» — как бы она гармонировала с архитектурой центра Москвы? Не в последнюю очередь внешний облик зачастую зависит от решения местных властей.

Главное — дух «Севен Севенти». А дух «Севен Севенти» и вообще движения ХаБад-Любавич — это проявление любви ко всему миру: не только евреям, но и ко всем людям, созданным Всевышним. Если «богов» было бы много, они бы передрались там, наверху, и человечеству ничего не оставалось бы внизу. Порыв, который призывает людей служить единому Богу, и есть Любавичское движение. В первую очередь, это касается евреев, которые, в соответствии с Торой, должны нести основной груз этого служения. В то же время, есть и семь заповедей сыновей Ноя, которыми мир награжден с момента Творения. Пропаганда этих семи заповедей — это тоже дух «Севен Севенти». Только учитывая все эти факторы, можно достичь гармоничного единения с Творцом.

Мы начали строительство первого в России «Севен Севенти» на базе Центра духовной и физической реабилитации в Раменском. Все это случилось не сразу — мы долго к этому шли. Еще в 1998 году мы приобрели участок земли в полтора гектара, на котором когда-то размещалось почти полностью разрушенное здание бывшего детского сада. Один из главных наших спонсоров как-то спросил меня: «Зачем строить новое здание, когда за те же деньги можно купить целый комплекс?» Я ему ответил: «Такое здание невозможно купить, его надо создать». Если человек дал хотя бы на один кирпич в «Севен Севенти», это уже его дом.

Шли годы, и мы постепенно освоили колоссальный объем работ. Мы не только восстановили здания, но и увеличили их размеры. Теперь там два корпуса в три и два этажа со спальными местами, кухней, залом для игр и занятий.

Мы не олигархи, мы вносим свои крохи и привлекаем людей. Кто-то помог кирпичом, кто-то сантехникой... Значительное содействие оказал нам известный предприниматель и благотворитель Герман Хан.

Мы видим, сколь велико притяжение людей к этому месту... На празднованиях Субботы и воскресных лекциях часто бывает сто, а то и сто двадцать человек. Среди них есть и пожилые люди, которые нуждаются в особой теплоте и участии. Они получают кошерное питание, общаются друг с другом, слушают музыку. Они буквально оживают в центре и часто рассказывают

потрясающие истории своей жизни. Приезжают и молодые семьи, которые хотят найти здесь — и находят — еврейскую среду, свой еврейский уик-энд.

В Москве сделать такое было бы просто невозможно.

Попробуйте пригласить на Бронную несколько десятков семей на Субботу или в праздники! Да их просто негде разместить на ночь. Снимать номера в гостинице? Никаких денег не хватит. При этом надо учитывать, что в округе, деловом районе центра столицы, живет не так уж много евреев. А в Раменском на Пейсах мы собрали семьдесят человек, которые жили в благоустроенных корпусах все пасхальные дни. Это не «пять звезд», конечно, но всем очень нравится: тепло, горячая вода, душ, ванна... Установлены спортивные тренажеры. Мы создаем комнату Ребе с его книгами, с показом видеофильмов о его жизни.

Самое ценное в нашем доме «Севен Севенти» — духовная связь с Ребе.

**Первое здание «Севен Севенти» в России.
Раменское Московской области. 2010 год**

НАШ ДОМ НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Как я уже рассказывал, с 1987 года мы начали селиться в Иерусалиме, в Рамоте, где в ту пору уже было пятьдесят два дома. Ребе возлагал большую надежду на жителей поселка. К сожалению, идея создания центра не получила государственной поддержки, в стороне от проекта остались и спонсоры. В начале 1988 года Ребе потребовал, чтобы в районе был создан духовный центр, и в мае уже был заложен первый камень будущего строительства. Несмотря на то, что с 1990 года я как посланник Ребе работал в Советском Союзе, а потом в России, строительство духовного центра и прежде, и теперь считаю делом первостепенной важности. Ведь Ребе никогда не ошибался. Он делал то, что нужно было делать, причем далеко не всегда это было очевидно окружающим.

В 2006 году перед праздником Йом Кипур мне позвонил разработчик проекта синагоги русскоязычного еврейства в Иерусалиме архитектор Иешуа Шейнин, брат Алика Шейнина, и также в прошлом мой ученик.

«Ну что, так и забудем о наказе Ребе?» — спросил он с горечью.

Я попытался убедить его, что помню об этом постоянно. Буквально через час ко мне заходит глава Всеукраинского еврейского конгресса Вадим (Давид) Рабинович, известный филантроп, сделавший очень много для строительства синагоги на Бронной. Он пришел, чтобы выполнить обряд искупления «капарот», в соответствии с древне традицией вращая над головой петуха. И я вспомнил свой разговор с Иешуа.

— Рэб Давид, — сказал я ему, — вы очень много делаете для евреев, но просто имейте в виду, что на строительство здания духовного центра русскоязычных евреев в Иерусалиме Любавичский Ребе оставил чек на десять тысяч долларов.

Рабинович согласился дать двести пятьдесят тысяч долларов. Я видел, что он может стать локомотивом строительства, но не хотел начинать стройку, пока сам не оценит ситуацию и не определит стоимость этого грандиозного проекта. Когда он увидел котлован, который мы вырыли за собственные деньги, чтобы у нас не отобрали право на строительство, среди трех расположенных рядом синагог(!) — он сказал:

— Зачем строить четвертую, кто же будет в ней молиться? Я не готов участвовать в этом проекте.

— Вы свободны в своем решении, — отвечаю ему. — Это я связан клятвой.

Через несколько месяцев он позвонил мне и сказал, что собирается построить центр для русскоязычных евреев в самом центре Иерусалима, на улице Яффо, спросил мое мнение.

Я ответил: «Пожалуйста, никаких проблем нет».

Он действительно построил этот центр, я был на открытии: небольшое здание, которое не идет в сравнение с тем, что мы построили потом. Оно так и не стало особым центром для русскоязычных евреев. Туда приходят евреи Иерусалима, в том числе и русскоязычные, они могут получить там информацию о еврейском народе, его традициях, Торе.

Прошло около года, и Рабинович, вероятно, почувствовал, что он что-то недоделал (он мне сам это рассказывал) и подумал: вот у меня бизнес в Камбодже, давным-давно замороженный; надо его продать, и пусть эти деньги пойдут на строительство центра в Рамоте. В тот же день ему позвонили и, даже ничего особенно не расспрашивая про бизнес, поинтересовались, как оплатить счет — четыреста тысяч долларов. Он был поражен. Позвонил мне и сказал: «Все, больше я с вашим Ребе не связываюсь. Давайте строить!»

Вот так началось строительство, а Рабинович действительно стал его настоящим локомотивом. Потом присоединись и другие спонсоры — члены нашей общины.

Теперь работы завершены. Мы поменяли проектный облик здания, к пяти этажам добавили шестой, украшающий синагогу и придающий ей храмовый вид. В здании, кроме помещений для учебы и молитвы, разместится информационный центр, где каждый, кто приехал в Израиль из-за рубежа, может найти доступную информацию о любом месте на земном шаре, получить ответы на вопросы о духовной и культурной жизни евреев, да и просто сведения о различных районах Израиля, его достопримечательностях.

Как и всякий бейт-кнессет⁴⁸, он должен быть открыт для всех. Мы хотим осуществлять связь с людьми, которые не живут постоянно в Израиле, а лишь на время приезжают в страну. Но при этом они должны чувствовать себя причастными к духовной и культурной жизни Эрец-Исраэль. Каждый русскоязычный еврей должен знать, что в Иерусалиме есть место, где ему всегда будут рады. Эта синагога для всех евреев — как Стена Плача. А то ведь есть евреи, которые несколько раз побывали в Израиле, но ни разу не удосужились подойти к Стене Плача, помолиться, прочесть несколько строк из Псалмов, просто обратиться к Всевышнему. Они не понимают всей важности этого действия. Им

надо объяснить, что, придя к Стене Плача в XXI веке, они реализуют мечту многих поколений евреев за две тысячи лет истории народа.

Духовный центр русскоязычного еврейства в Иерусалиме.
2010 год. Израиль

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

ВЕТЕРАНЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
«СПАСИБО РАВВИНУ КОГАНУ!»

В декабре 2010 года в дни ханукальных праздников в синагоге «Ор Менахем Менл. Бейт Соша» разместились группа ветеранов Второй мировой войны, прибывшая в Израиль из Москвы по инициативе раввина Ицхака Когана.

Великолепное просторное здание синагоги построено раввином и его друзьями по прямому указанию Любавичского Ребе Менахема Мендла Шнеерсона, именем

которого она и названа. «Дом Софы» (Соша — на иврите) — второе имя синагоги в честь ушедшей супруги раввина, верной его соратницы.

Культурная программа пребывания в Израиле началась с обзорной экскурсии по Иерусалиму и посещения Музея Холокоста «Яд Вашем». В дальнейшем ветераны побывали в Старом городе, у Стены Плача. Ездили в Тель-Авив и Яффо. Эмоциональным апогеем экскурсионной программы стало посещение пещеры Махпела⁴⁹ в Хевроне, экскурсия по еврейскому кварталу города и, конечно, обед в еврейской семье поселения Неве Даниэль. В завершение программы уже перед самым отъездом гости увидели киношоу «Лифт времени», посвященное истории Иерусалима, побывали в парке «Маленький Израиль».

**М. Е. Пилипенко,
председатель Союза евреев —
инвалидов и ветеранов войн:**

«Визит ветеранов в Израиль организовал раввин Ицхак Коган, который любит людей, умеет ценить их заслуги. Мы очень признательны ему. Наша поездка была не только чрезвычайно содержательной, информативной, но и очень комфортной, приятной, особенно в том, что касается человеческих взаимоотношений. Наша самая искренняя благодарность всем, кто нас принимал, и особенно Аврааму Цидону, сделавшему максимально много для нашего комфортного проживания. От Авраама, от лектора Эзры Ховкина и других мы узнали много нового о наших предках, о прошлом еврейского народа. Мы побывали у Стены Плача — главной святыни евреев... Израиль — замечательная страна. На скалах, песке и камнях израильтяне построили цветущий, зеленый и солнечный мир. Это государство создано руками, умом и душой евреев».

**Б. Г. Стамблер,
ветеран Великой Отечественной войны:**

«Первое, что хочется произнести: прекрасная страна Израиль! Невозможно забыть о встречах, о приеме, обо всем, что мы увидели и узнали. Я много лет занимался правозащитной деятельностью, борьбой с антисемитизмом и давно понял, что мне, и не только мне, а всем евреям, надо жить в Израиле. Сейчас еще раз убедился в этом. Большое впечатление произвела на меня синагога «Ор Менахем», в которой нас принимали. Я в восторге от всего увиденного. Огромное спасибо всем, кто о нас заботился во время поездки!»

А. Г. Шкловский,

ветеран Великой Отечественной войны:

«Я впервые в Израиле. Все, что я увидел, произвело на меня огромное впечатление. Мои сородичи евреи за короткий промежуток времени создали развитое государство с современной инфраструктурой — транспортом, дорогами, впечатляющими архитектурными сооружениями. С нами работал превосходный гид Алик Маймон, великолепно владеющий материалом. Он мог ответить на любой вопрос... Очень понравился Тель-Авив — красивый современный город, а рядом — древний Яффо на берегу Средиземного моря... Хеврон с могилами наших праотцев и праотерей... Мне пока трудно разделить впечатления о поездке, все вместе сложилось в приятное и радостное чувство. Мы, ветераны, благодарны раввину Ицхаку Когану за прекрасную Хануку в Израиле».

«Информпространство» №150, 211

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Раввин

**НАШИ ПРАЗДНИКИ —
ОТРАЖЕНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ ДУШИ**

Спасение в Исправлении

История Пурима отражает события, происшедшие после изгнания евреев из Израиля в Вавилонию, в ту пору ставшую частью Персидской империи.

Казалось бы, с политической точки зрения, эти годы были спокойными, даже благоприятными для евреев. Мы знаем, что один из главных героев тех событий Мордехай был министром и советником императора. Евреи, стало быть, могли занимать высокие посты в правительстве. И вот в такое, можно сказать, благополучное время нашелся человек по имени Аман, потомок Амалека, извечного врага евреев еще со времен Исхода из Египта, который коварно замыслил уничтожение всего еврейского народа. И только мудрость тогдашнего главы поколения Мордехая позволила организовать противодействие. Сказано,

что, узнав о смертельной опасности, Мордехай «разорвал свои одежды, и возложил на себя вретище и пепел, и вышел в город, и закричал криком великим и горьким». Он посылает к царю Ахашверошу свою племянницу Эстер, недавно принятую во дворец в качестве жены императора. Оба понимают, что появление перед царем без особого приказа — смертельно опасно. Но Эстер идет на риск, и царь выказывает ей свое благоволение, принимая ее приглашение на пир. И тут во время ночной бессонницы царю читают запись в Книге летописей о том, как Мордехай предотвратил покушение придворных и таким образом спас Ахашвероша. На пиру девушка разыгрывает блистательную интригу по всем правилам дворцового этикета — и вот уже грозный Аман повержен. А тем временем, как говорят мудрецы, Мордехай собрал двадцать две тысячи еврейских детей для изучения Торы; Эстер призвала евреев поститься и молиться в течение трех дней, то есть совершить Тшуву — вернуться к Всевышнему. В результате этого противостояния рождается надежда, а потом и спасение.

История заканчивается тем, что Аман и десять его сыновей были повешены на деревьях, предназначенных для евреев. Сказано, что теперь, после этих событий, из года в год евреи должны устраивать в день Пурима праздник.

И еще сказано: только два еврейских праздника не исчезнут из еврейского календаря даже с приходом Машиаха⁵⁰ — Ханука и Пурим. Причем, что интересно, и тот и другой демонстрируют иррациональное поведение евреев в решении своих проблем. Когда Аман замыслил свои козни, евреи имели возможность отвести опасность, обратившись к Ахашверошу с политическими и экономическими предложениями. Но они поступили иначе. Они увидели, что их ошибка в них самих и приняли решение совершить исправление(Тшуву) своих проступков: они постятся, молятся, учат Тору.

Сегодня пуримские карнавалы, шествия и пиршества идут по всей Москве, по всей России, по всему бывшему Советскому Союзу. Это реальность сегодняшнего дня — приятно видеть возрождение еврейского духа. Ведь главный урок Пурима в том, что Всевышний помогает нам, только когда мы обращаемся к Нему, когда мы делаем Тшуву.

Сегодня на земле многие евреи учат Тору. Больше, чем когда бы то ни было. К такому выводу пришли ученые, специально исследовавшие этот вопрос. Я думаю, что это происходит во многом благодаря Баалей Тшува — тех, кто вернулся к еврейским истокам, и в этом большая заслуга главы нашего поколения Любавичского Ребе, который направил своих посланников пробуждать по всему миру еврейскую жизнь.

А Пурим, конечно же, неотъемлемая часть еврейской жизни.

МЫ ВЫШЛИ К СВОБОДЕ ВЕЧНОЙ

В Торе для Пейсаха имеется несколько названий: «хаг а-мацот» — праздник мацы, «хаг а-авив» — праздник весны и «зман херутейну» — время нашего освобождения. И все эти названия отвечают сути праздника, каждое указывает на какой-то его аспект. Еврейский календарь построен на принципе добавочного месяца — и только для того, чтобы праздник приходился на весну. Маца — хлеб веры. Мы едим эту квинтэссенцию хлеба, предварительно благословив ее, и еда укрепляет нас в вере. Мы свидетельствуем о том, что вышли из Египта. Пасхальная Агада начинается словами: «Мы были рабами в Египте». Все мы были рабами! Ощущение выхода на свободу — время нашего освобождения — должно быть реализовано благодаря тому, что ты рассказываешь, как это происходило. В этот вечер мы повторяем наш Исход. И также как в том Исходе, нам нужно лидерство Моисея. Смысл сочетания двух дней — 11 Нисана — дня рождения Ребе — и Пейсаха в том и состоит, что у нашего поколения есть лидер, который ведет нас к окончательному освобождению — приходу Машиаха. Семь дней праздника в Израиле и восемь в странах рассеяния мы едим мацу, и это укрепляет нас в вере на целый год. Если Пурим и Симхас Тора дают нам радость веры, то крепость веры усиливается от того, что мы отказываемся от квасного в дни Пейсаха.

Праздник Пейсах символизирует рождение еврейского народа. Сказано: Всевышний взял один народ из чрева другого народа. Причем все произошло за одну ночь с 14 на 15 Нисана. В этом событии участвовали около шестисот тысяч воинов, мужчин зрелого возраста. А всего около трех миллионов человек — все, кто вышел из Египта, стали свободными людьми.

В Торе сказано: мы вышли оттуда к свободе вечной. На самом деле еврейская история после Исхода изобилует событиями, которые невозможно соотнести с понятием «свобода еврейского народа»: разрушение Первого и Второго Храмов, изгнание из Земли Израиля, инквизиция, погромы, Холокост... Как же при этом утверждать, что мы стали свободными?

Во время Пасхального Сейдера мы говорим, что благодарим Всевышнего за то, что Он избавил нас от рабства физического и освободил наши души. По-настоящему это можно понять только в праздник Швуэс. Пятьдесят дней, которые

разделяют Пейсах и Швуэс — приближение к самой высокой точке, кульминации взаимного общения еврейского народа и Всевышнего.

Дни отсчета Омера в еврейской истории — время «полутраура». Ведь до тридцать третьего дня Омера погибали ученики рабби Акивы — самого выдающегося из мудрецов: двадцать четыре тысячи умерли от чумы. Причиной их гибели стало неуважение к мнению друг друга; каждый из них лишь свое мнение считал единственным и окончательным. Поэтому их стала уносить эпидемия. Только на тридцать третий день отсчета Омера мор наконец прекратился. В честь этого события был назначен праздник. А через несколько лет в этот день умер любимый ученик рабби Акивы Шимон Бар-Йохай, автор книги Зоар, основы Каббалы. Он знал, что уйдет. Все думали, как же праздновать, когда выдающийся мудрец уходит. Но он сказал, что именно в этот день надо отмечать праздник. Когда еврей возвращает свою душу Создателю, он заканчивает свою миссию в этом мире. Это как бы салют в честь оставшихся. В такой день все его дела концентрируются, и благодаря этому он оказывает особенно значительное влияние на мир. Так появился праздник Лаг ба-Омер. Говорят, когда Шимон Бар-Йохай с сыном учили Тору, огненный столб от их учения поднимался до небес. Если мимо пролетала птица, она сгорала. Отсюда пошла традиция разводить костры.

Всевышний вывел нас из Египта, когда мы находились в самой низкой точке духовности, из которой все же еще можно было обрести спасение и стать народом. Предстояло поднять евреев до невероятной духовной высоты, чтобы они стояли у горы Синай на сорок девятой ступени возвышения— максимально возможной для человека. Все-вышний же с пятидесятого уровня, минимального, на котором он мог находиться, спустился на сорок девятый уровень и через Моисея даровал евреям Тору. Каждый еврей несет в себе душу, а поскольку душа — это часть Всевышнего, в момент дарования Торы произошло освобождение. Души вырвались из тел, потому что хотели соединиться со своим источником, который был так близко. А Всевышний сказал, что души должны оставаться в телах, жить вместе с Торой и распространять через Тору свет в мире.

Что приносят евреи Всевышнему в Пейсах? Пасхального ягненка, которого нужно зарезать и съесть, и мацу, которую надо есть все дни праздника. Маца выражает предельную концентрацию сущности материального мира... Ведь в нее ничего не добавлено: только вода и мука, причем вода испаряется и остается лишь питательная среда, необходимая человеку, чтобы существовать. Когда евреи были

рабами в Египте, они нуждались именно в такой невероятной концентрации сущности, чтобы исполнить волю Всевышнего.

После отсчета полных семи недель Омера ситуация изменилась. Мы шли рядом со Всевышним, исполняя заповедь восхождения. Поднимались, находясь на земле. И получили настоящее освобождение — освобождение наших душ. После того как мы вышли из Египта и обрели Тору, ничто больше не сможет нас сломить. Ну скажите, какой народ сохранит себя после разрушения двух Храмов, рассеянный по всему миру в течение двух тысяч лет, преследуемый и гонимый? Какой народ может пережить Холокост? Может ли он остаться на земле, если у него нет духовных ценностей? А ценности эти определяются Торой, которая была дана евреям в праздник Швуэс.

ЛЕГЕНДА О ПРЕКРАСНОЙ ЦАРЕВНЕ

Жили-были царь с царицей. Долгие годы у них не было детей. Они состарились, и шансов, что дети появятся, уже не было. Вдруг к царице приходит странница и говорит: «Я знаю о вашей беде и могу помочь. Но у меня есть одно условие. Если вы дадите слово, что исполните его, у вас родится девочка. А условие такое: ни царь, ни кто-либо другой не может увидеть ее до свадьбы». Царица рассказала все мужу. И царь согласился: «Хорошо, пусть я не буду ее видеть долгое время, но зато у нас будет дочь!» И тут же стал строить башню для царевны, хотя жена даже еще не забеременела. Но действительно, все случилось так, как обещала странница: в положенное время у царицы родилась девочка. И тут началось... Царица чуть ли не каждый день приходит к мужу и рассказывает, какая красивая у него дочь, какие прекрасные у нее глаза, волосы, руки, как заразительно она смеется... Понятное дело, у царя растет желание ее увидеть. Когда девочке исполнилось двенадцать лет, он решил выдать ее за заморского царевича. По всему свету разослал гонцов, и даже дал объявления, что у него дочь на выданье. И приданое он обещал щедрое, едва ли не все царство. Царевичи понаехали со всей округи. Говорят: покажи, батюшка, невесту. А он свое твердит: нельзя, мол, ее видеть до свадьбы. Царевичи потолковали между собой, посмеялись... да и разъехались. Тогда царь собрал своих приближенных и предложил им в жены царевну. Но те уже слышали историю с заморскими принцами и не спешили давать согласие. Пошел слух, что здесь не все чисто: у царя растет кикимора, и он хочет поскорее сплавить ее с рук. Царь видит, что дело плохо. Но тут, гуляя по саду, он замечает садовника. Узнав, что парень не женат,

царь приказывает ему жениться на своей дочери. А тот уже все знает... про кикимору. И в ужасе начинает отнекиваться. «Батюшка, куда я гожусь, я всего лишь простой садовник». А царь настаивает, говорит: женись или выгоню. Угрозами и посулами принудил он парня к женитьбе. Наступает день свадьбы. Выводят невесту... Красота неопиcуемая! А бедный садовник еще больше испугался: если царевна внешне такая красавица, стало быть, внутри настоящая ведьма! Вот сидит парень на свадебном пиру и с ужасом ждет, когда начнется кошмар его семейной жизни.

Но проходит месяц, второй, третий... И вдруг садовник приходит к царю и говорит: «Батюшка, прости меня, грешного, сделай еще один свадебный пир». Царь недоумевает: «Но ты такой хмурый был на том пиру...» «Прости, батюшка. Я же думал, мало ли что за этим кроется... Но вот прожил я с царевной три месяца и понял, какое счастье мне досталось. Теперь я хочу как следует погулять на пиру». И царь сделал пир. Новоиспеченный царевич танцевал от всей души со своей царевной, и жизнь свою они прожили счастливо.

Вот так получилось и у евреев с дарованием Торы. Всевышний предлагал Тору всему миру. Только евреи согласились принять. Но что значит — принять! Сказано, что гора над ними висела. Они не могли отказаться. И тогда евреи сказали: «Все выслушаем, сделаем, выполним». Между праздниками Швуэс и Суккот — всего несколько месяцев. И вот на Симхас Тора мы танцуем с Торой — поняли, стало быть, какое счастье нам выпало! А раз поняли — значит, есть и надежда среди общего праздничного веселья увидеть танцующего в облаках Ребе.

КОММЕНТАРИИ

¹ Коэн — в иудаизме храмовый священник, возводящий свой род к брату Моисея Аарону.

² Бар-мицва (*арам., ивр., букв. «сын заповеди»*) — юноша, достигший возраста физического и духовного совершеннолетия — 13 лет и обязанный с этого момента нести ответственность перед Б-гом за свои поступки, а также выполнять все заповеди Торы и предписания еврейской религиозной традиции. Бар-мицва является также обозначением самого обряда, знаменующего вступление в религиозное совершеннолетие.

³ Миньян — кворум из десяти взрослых мужчин (*старше 13 лет*), необходимый для общественного б-гослужения и некоторых религиозных церемоний.

⁴ Сейдер (*ивр., идиш, букв. «порядок»*), Сейдер Пейсах — традиционная трапеза в первый и второй дни Пейсаха, весеннего праздника опресноков, посвященного Исходу евреев из Египта.

⁵ Ешива (*ивр., букв. «сидение», «заседание»*) — институт, являющийся высшим религиозным учебным заведением по изучению Торы, Талмуда, еврейской традиции.

⁶ Хафец-Хаим (*Израэль Меир Каган, 1838-1933*) — крупнейший раввин и законоучитель, автор комментариев к Шулхан Аруху и других трудов.

⁷ Таммуз — четвертый месяц при отсчете от Исхода из Египта, в позднейшей традиции — десятый месяц (*одинадцатый – в високосные годы*) еврейского календаря. Обычно соответствует июню – июлю.

Месяцы еврейского календаря: Тишрей (*сентябрь — октябрь*), Хешван (*октябрь — ноябрь*), Кислев (*ноябрь — декабрь*), Тевет (*декабрь — январь*), Шват (*январь — февраль*), Адар (*февраль — март*), Адар II (*в високосные годы — март — апрель*); далее в обычные годы — Нисан (*март — апрель*), Ияр (*апрель — май*), Сиван (*май — июнь*), Таммуз, Ав (*июль — август*), Элул (*август — сентябрь*).

Пурим катан (*ивр., букв. «Малый Пурим»*) — в еврейском календаре 14-й день месяца Адар I в високосном году.

⁸ Тфилин — две небольшие коробочки из кожи кошерных животных, выкрашенные черной краской, содержащие написанные на пергаменте отрывки из Торы. При помощи продетых через основания этих коробочек черных кожаных ремешков одну тфилин укрепляют на обнаженной левой руке (*«против сердца» — на бицепс, немного повернув в сторону тела*), вторую — над линией волос, между глаз.

⁹ Лехаим (*ивр., идиш, букв. «за жизнь»*) — тост в еврейской компании, здесь — выпивка.

¹⁰ Шойхет — человек, осуществляющий в еврейской общине ритуальный забой скота и птицы— шхиту — и обработку мяса.

¹¹ Машгиах — человек, наблюдающий за соблюдением кашрута при забое скота и приготовлении пищи.

¹² «Аидише маме» — «еврейская мама».

¹³ «Минха» — послеполуденный комплекс молитв; «Шмоне эсре» — (*ивр.*, *букв.* «восемнадцать»), или «Амида» — молитва, содержащаявосемнадцать благословений, которую еврей должен читать три раза в день.

¹⁴ Пурим (*ивр.*, *букв.* «жребий») — праздник, который был установлен в память о чудесном спасении евреев от полного истребления; исторический фон праздника относится к V веку до н.э.;

Мегилат, Мегилат Эстер (*ивр.*) — Свиток Эстер принято читать в Пурим;

Эстер, Мордехай, Ахашверош, Аман — герои Мегилат Эстер и праздничного представления Пуримшпиль.

¹⁵ Чолнт — традиционное субботнее блюдо из мяса, овощей, крупы и фасоли.

¹⁶ Авдала (*ивр.*, *букв.* «разделение») — особый ритуал перехода от Субботы или праздника к будням.

¹⁷ «Дварим» (*ивр.*, *букв.* «слова») — «Второзаконие», «Шофтим» — «Судьи».

¹⁸ Капот, гартл — элементы традиционной одежды хасидов.

¹⁹ Сандак — при обрезании держит младенца на руках. Как правило, в дальнейшем сандак опекает младенца. Обычно это праведный человек, который служит примером в общине.

²⁰ Халеф — нож для шхиты, ритуального забоя скота в соответствии с требованиями еврейского закона.

²¹ Цурес (*идши*) — неприятности.

²² Мазл тов! (*идиши*) — Желаю счастья!

²³ Шлихим, шалеах (*ивр.*) — посланники, посланник.

²⁴ Сидур (*ивр.*) — молитвенник.

²⁵ Нахес (*идиши*) — счастье.

²⁶ Ле Тора, ле хупа, ле маасим товим! (*ивр.*) — Тору, хупу (*т.е. еврейскую свадьбу*), добрых дел!

²⁷ Эрец ха-Койдеш (*ивр., идиши*) — Святая Земля.

²⁸ Цемах-Цедек (*Менахем Мендл бен Шолом Шахна, 1789—1866*) — III Любавичский Ребе из династии Шнеерсонов. Внук Алтер Ребе. Выдающийся мудрец и общественный деятель; автор трактата «Таамей а-Мицвот» («Смысл заповедей»).

²⁹ Мохараш (*рабби Шмуэль, 1834—1882*) —сын Цемах-Цедека, IV Любавичский Ребе.

³⁰ А мехайе (*идиши, букв. «живительно, животворно»*) — здорово, очень хорошо!

³¹ Галут — рассеянье, еврейская диаспора.

³² Бааль Шем Тов — (*Израэль бен Элиэзер, 1698—1760*) — основатель хасидского движения в иудаизме; выдающийся цадик и целитель.

³³ Шофар — древний духовой музыкальный инструмент из бараньего рога, в который трубят во время б-гослужений в дни праздников Рош а-Шана и Йом Кипур.

³⁴ Рогачевский Гаон — (*Иосиф Розен, 1858—1936*), видный еврейский религиозный деятель; Рогачев — город в Гомельской области Республики Беларусь.

³⁵ Сукка (*ивр., «шалаш, куца»*) — крытое зелеными ветвями временное жилище, в котором евреи должны проводить праздник Суккот.

³⁶ Пасхальная Агада — тексты традиционного застолья (*Сейдера*) в праздник Пейсах, содержащие повествование об Исходе евреев из Египта, основанное на Торе и Мидрашах, пасхальные истории, объяснения символов и обрядов, песни, молитвы и славословия.

³⁷ Шидух (*ивр.*) — сватовство.

³⁸ Гило, Мевасерет Цион — поселки в окрестностях Иерусалима, теперь входят в черту города.

³⁹ Меа Шеарим (*ивр., букв. «сто крат»*) — район Иерусалима, где живут ультраортодоксальные евреи.

⁴⁰ «Маарив» — комплекс вечерних молитв.

⁴¹ Симхас Тора (*ивр. «Радость Торы»*) — праздник, который отмечают сразу после Суккот. В этот день завершается годичный цикл чтения Торы и начинается новый цикл.

⁴² Энтебе, «Операция Энтебе» — рейд специальных подразделений Армии обороны Израиля для освобождения заложников, захваченных палестинскими террористами на борту самолета компании «Эр Франс», который по их приказу совершил вынужденную посадку в аэропорту Энтебе рядом со столицей Уганды Кампалой 27 июня 1976 г.

⁴³ Швуэс (*идиш*), Шавуот (*ивр.*) — праздник дарования евреям Торы, который отмечают 6 Сивана на 50-й день после Пейсаха. В эту пору в Эрец-Исраэль начинается жатва урожая пшеницы.

⁴⁴ Ава (*Девятое Ава*) — день траура еврейского народа, поскольку именно в этот день были разрушены Первый и Второй иерусалимские Храмы, произошли и другие трагические события еврейской истории.

⁴⁵ Талит (*ивр.*) — молитвенное покрывало в еврейской традиции.

⁴⁶ Мойше Рабейну — *букв.* Моисей Наш Учитель — так евреи почтительно называют пророка и законоучителя Моисея.

⁴⁷ Цицит (*ивр.*) — сплетенные пучки нитей, которые должны носить мальчики и мужчины, прикрепив их к каждому из четырех имеющихся на одежде углов. В частности, цицит является атрибутом талита, молитвенного покрывала.

⁴⁸ Бейт-кнессет (*ивр., букв. «дом собраний»*) сегодня так называют синагоги и еврейские общинные центры.

⁴⁹ Махпела, пещера Махпела — склеп патриархов близ Кирьят-Арба (*Хеврон*), в котором похоронены Авраам, Ицхак и Яков, а также их жены Сарра, Ривка и Лея. Эту землю, поле и пещеру приобрел в собственность у хетта Эфрона патриарх Авраам. Над Махпелой, находящейся в центре современного Хеврона, расположено монументальное строение эпохи царя Ирода. Пещера Махпела — одна из главных святынь иудаизма на Земле Израиля. Арабы также считают ее святым местом.

⁵⁰ Машиах — царь, потомок царя Давида, который будет послан для избавления народа Израиля и спасения человечества. При Машиахе весь еврейский народ будет жить на Земле Израиля согласно законам Торы. А впоследствии все народы мира придут к выполнению духовных задач, стоящих перед человечеством.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая

Ученик	4
Инженер	41

Глава вторая

Отказник. И один в поле воин	74
Отказник. Свой среди своих	129

Глава третья

Шойхет	198
--------------	-----

Глава четвертая

Израильтянин	252
--------------------	-----

Глава пятая

Посланник	294
Строитель	350

Заключение

Раввин	394
--------------	-----

Комментарии	404
-------------------	-----

ИЦХАК КОГАН

...ГОРИТ И НЕ СГОРАЕТ

**Книга издана в серии «Еврейская библиотека
Объединенной Еврейской общины Украины»**

Под общей литературной редакцией
Владимира Кацмана

Литредактура и корректура
Ирина Савотина
Леонид Гомберг
Ирина Машковская

Верстка, дизайн и подготовка к печати
Константин Бабков

Выпускающий в типографии
Александр Троян

Подписано в печать 28.09.2011
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Отпечатано издательством «Феникс»
(Украина, г. Киев, ул. Шутова, 18)